ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ рускимъ

ВИЛЬНА

1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція **„Вѣстника Западной Россіи“** едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V,—1867.

КНИЖКА XI.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

ъ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи,
противу Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 16-го марта 1868 года. Вильна.

I.

№ 17.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Запись отъ князя Александра Полубенскаго виленскому Св. Троицкому братству на домъ и фольваркъ Судерви. 1593.

Лѣта отъ Нароженя Сына Божого тисеча пять сотъ деветдесятъ третего мѣсеца Мая трынадцатого дня.

Передъ нами судьями головными, на трибуналъ у великомъ князствѣ Литовскомъ зъ воеводствъ земль и повѣтовъ на рокъ теперешній деветдесятъ третій обранными, постановившысе очевисто панъ Григорей Тишкевичъ Бужыча, писаръ братства церковного Виленского Светое Тройцы, оповѣдалъ и покладалъ два листы его милости князя Александра Полубенского, каштеляна Новгородского, подъ печатью его самого и съ подписомъ руки его: одинъ даный братству церковному Виленскому на справленье листу самого фундушу на фольварокъ свой Судерви, который онъ поступилъ братству церковному Светое Тройцы, яко ширѣй на томъ листѣ описано и доло-

жоно есть. И просилъ помененый Григорей Тишкевичъ, абы тые листы до книгъ головныхъ трибунальныхъ были вписаны, которыхъ мы судьи огледавшы дали есмо до книгъ вписати, и отъ слова до слова такъ се въ себѣ маютъ: Я Александръ Полубенскій, каштелянъ Новгородскій, сознаваю тымъ моимъ листомъ каждому, кому потреба о томъ вѣдати, ижъ што который фольваркъ мой, названый Судерви, лежачый въ повѣтѣ Виленскомъ, умыслилъ и обѣщалъ есми на вѣчность отдати ку фалѣ Божой въ моцъ, во владзу и въ шафунокъ братства церковного Виленского заложенья Светое Тройцы на выживенье и выхованье священникомъ братскимъ и слугамъ церковнымъ и школы братское, подъ справою ихъ будучымъ, о што и присылали до мене зъ братства, упоминаючыся, писара братского пана Грыгорья Тишкевича Бужича; лечъ на тотъ часъ, для воли и ихъ трудностей, фундушу самого листу вѣчистого справить и па врадѣ его признать не моглемъ, ижъ справы на тотъ фольваркъ належачое не мѣлъ. Еднакъ же упевняючы брацтво церковное Виленское и хотечы вжо тотъ фундушъ скутечне справившы имъ водлѣ права врадовне подать, симъ листомъ моимъ врадую, ижъ тотъ дворецъ свой пречечоный Судерви со всими кгрунты и пожитки, яко ся самъ въ собѣ здавна и теперъ маеть, подалемъ и симъ листомъ моимъ подаю въ моцъ, въ державье, въ оборону, въ послушенство ку зачатью и розмноженью въ немъ господарства и пожитку брацтва церковного Светое Тройцы. Маетъ преречоное брацтво церковное и вольно имъ будетъ тотъ весь дворецъ зъ належностями его ку пожытку и выхованью священникомъ и слугамъ церковнымъ и школьнымъ, подъ справою ихъ будучымъ, держати и взывати ажъ до головнѣйшаго отъ мене имъ на то фундованья, которое шлюбую и обѣцую церкви Божей зыстити, яко наспѣшнѣй быть можетъ, зъ од-

кладомъ того, ижъ абы то николи ни черезъ кого отъ церкви Божьее зъ моцы и послушенства и владзы брацтва церковного ни на якій иншій пожытокъ никому кгволи отыймовано и отрывано не было. И на томъ далъ брацтву церковному Виленскому сесь мой листъ подъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ у Глуску лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ деветдесятъ третего, мѣсеца Марца одиннадцатого дня. У того листу печать притиснена одна и подписъ руки одна писмомъ рускимъ тыми словы: Александръ Полубенскій рука властная. А другій листъ отъ его милости князя Полубенского, писаны до урядника Судервинского до Василья Соколовского, абы тотъ дворецъ Судерви въ завѣданье тому Грыгорью Тишкевичу, писару братскому, поступилъ, въ тые слова писанный: Александръ Полубенскій, каштелянъ Новгородскій, урляднику моему Судервинскому Васку Соколовскому вѣдать о томъ, ижемъ умыслилъ и обѣцалъ на церковъ ку фалѣ Божой Светой Тройцы на братство Виленское тотъ фольваркъ свой Судерви уфундовати и надати, якождмъ тую обѣтницу свою имъ листомъ своимъ упевнилъ. Про то росказую тобѣ, абы тотъ дворецъ зъ кгрунты, лѣсы и дубровы и зо всими пожитки зъ моцы своее пустилъ и подалъ въ оборону и въ завѣданье писару брацкому пану Грыгорью Тишкевичу Бузичу, иначей того не чынечы. Писанъ у Глуску року тисеча пять сотъ деветдесятъ третего мѣсеца Марца одинадцатого дня. У того листу печать прытиснена одна и подпись руки въ тые слова писана: Александръ Полубенскій рукою. Которое добровольное оповѣданье и тые листы, передъ нами покладаные, за прозбою Грыгорья Тишкевича до книгъ головныхъ трибунальныхъ есть вписанъ; съ которыхъ и сесь видымусъ подъ печатью земскою воеводства Виленского въ семъ року тисеча шесть сотъ деветнадцатомъ мѣсеца Іюня

дванадцатого дня отцу архимандритѣ Виленском манастыра Светое Тройцы есть выданъ. Писан у Вильни. Янъ Коленда Виленскій писаръ.

Печать вытиснута черезъ бумагу на сургучъ.

2.

Донесеніе вознаго о запечатаніи виленским мѣщанами церкви Св. Юрія на Росѣ вт Вильнѣ, вслѣдствіе растраты церковнаго имущества священникомъ, оказавшимся подъ запрещеніемъ. 1595.

Лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ деветдесять пятого мѣсеца Декабра шестого дня.

На врадѣ его кор. милости кгродскомъ воеводства Виленского передо мною Миколаемъ Юрьевичомъ Зеновъевичомъ, подкоморимъ Ошменскимъ, намѣсникомъ Виленскимъ, ставши очевисто возный повѣту Виленского Янъ Миколаевичъ Косинскій ку записанью до книгъ кгродскихъ Виленскихъ очевисто созналь и того сознанья своего квитъ подъ печатью своею и съ подписомъ руки своее и подъ печатьми стороны шляхты подалъ писаный тыми словы. Я Янъ Миколаевичъ Косинскій, возный воеводства и повѣту Виленского, сознаваю то тымъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперь идучомъ тисеча пять сотъ деветдесятъ пятомъ мѣсеца Декабра четвертого дня въ понедѣлокъ, маючи я при собѣ сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ: пана Миколая Петриманского а пана Юрья Яновича, былъ есми при панохъ радцохъ мѣста Виленского рочныхъ зъ стороны Руское, при пану Ильи Исаковичу и пану Григорью Өедоровичу Печенцѣ, въ церкви Руской на Росѣ за Острою Вежою Светого Юрья, и тамъ же панове радцы передо мною

вознымъ и вышеменованою стороною шляхтою оповѣдали, ижъ дей есмо сего дня, ведлѣ нашого стародавного звычаю, при бытности отца протопопы и священника Воскресенского Виленского, ведлѣ старого реестру и опису церковного переглядывали и переписовали всѣ речи церковные, которіе въ той церкви есть, при бытности священника тутошнего Роского отца Дементея Ильяшевича Добринского, якожъ дей есмо тутъ въ тое церкви ведлугъ старого реестру, ему поданого, не мало речей не нашли; и кгды есмо у него о тые речы упоминали, жебы онъ тые вси речы намъ отдалъ, нижли онъ тыхъ речей намъ не отдалъ и вернути ихъ нехотѣлъ; для чого учинили есмо тамъ же заразъ у церкви предъ отцемъ протопопою, яко старшимъ священникомъ, на него жалобу и оповѣданье, яко много речей церковныхъ недоставаеть. А отецъ протопопа не только жебы мѣлъ намъ зъ него справедливость учинить, але еще ему то ознаймилъ, же онъ священникъ Роскій Виленскій есть отъ его милости отца Митрополита, яко найвышшого пастыра въ законѣ нашомъ, не благословеный и священичество зъ него снято. За которымъ таковымъ отъ отца протопопы показаньемъ снятья свящепичества зъ того священика Роского домагалися есмо, абы онъ ключы церковные, которіе отъ насъ враду мѣстского, маеть, до рукъ нашихъ врадовыхъ до часу усправедливенья передъ отцемъ митрополитомъ, яко старшимъ своимъ, отдалъ. А помененый священикъ Роскій, будучи отъ насъ колько кротъ напоминаный, жаднымъ способомъ ключовъ отъ тое церкви намъ отдати не хотѣлъ; для которого неотданья намъ тыхъ ключовъ церковныхъ мусели есмо своимъ замкомъ тую церковь Роскую замкнуть и до себе ключи взять. А теперъ знову тую церковь и притворъ я возный печатью своею, а панове радцы вышейменованые тамъ же при печати моей печатьми своими врадовыми, при быт-

ности слуги врадового присяглого пана войтового и име Аванаса Васильевича, запечатовали. Чого я воз ный будучи въ той вѣдомъ, то все по достатку и сесь мой квитъ списавшы, подъ печатью моею и с подписомъ руки моее и подъ печатьми стороны шлях ты вышейменованое, на тотъ часъ при мнѣ возним будучое, ку записанью до книгъ кгродскихъ Вилен скихъ далемъ. Писанъ року, мѣсеца и дня вышей менованого. У того квиту печатей притисненых тры, а подпись руки тыми словы: Янъ Косинскi возный рукою своей *(по польски)*. Которое сознань возного и тотъ квитъ его до книгъ кгродскихъ Ви ленскихъ есть записано, съ которого записанья и сес выпись съ книгъ подъ печатью моею паномъ радном мѣста Виленского вѣри Руское есть выданъ. Писан у Вильни.

Оттиснутая на бумагѣ печать и подпись гродска писаря.

3.

Королевская грамота державцѣ Бобруйскому объ уплатѣ 300 пудовъ медовой дани митрополиту Михаилу Рагозѣ, какъ архимандриту Печерскому. 1599 г.

Жикгимонтъ III-й, Божою милостью король Польскiй, великiй князь Литовскiй, Рускiй, Прускiй, Жомойтскiй, Мазовецкiй, Инфлянтскiй а Шведскiй, Кгодскiй, Вандальскiй дѣдичный король.

Ложничому нашому державцы Бобруйскому, урожоному Яну Бояновскому. Далъ намъ того справу и жаловалъ въ Бозѣ велебный Михалъ Рагоза, Архiе-

кіеконъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси, архимандрытъ Печерскій о томъ, што жъ дей, за зложеньемъ соборовымъ зъ архимандрытства Печерского Кіевского Никифора Тура, за данною и декретомъ нашимъ, такъ же и декретомъ головнымъ трыбунальнымъ великого князства Литовского, присужонъ есть монастырь Печерскій Кіевскій ,зо всими добры у корунѣ польской и у великомъ князствѣ Литовскомъ лежачыми, преречоному велебному отцу митрополиту архимандрыту Печерскому, за которыми декреты посылалъ дей до твоее милости до волости нашое Бобруйское въ Бозѣ велебный митрополитъ для выбранья дани медовое и поплату съ половицы Виленское, водлугъ давиого звычаю и фундушовъ церковныхъ, по трыста пудовъ меду мѣры давнее и по иншую повинность. Нижли дей твоя милость, спротивляючыся данинѣ декрету нашому н декрету головному, ничого недбаючы на заруки, въ нихъ на спротивного о то положоные, тое дани зъ волости Бобруйское въ Бозѣ велебному митрополиту выбрать не допустилъ, и собѣ дей ее привлащылъ, а до церкви Божое ему того не отдалъ; а ты дей въ заруки, въ декретѣ нашомъ, у сто тисечей копъ грошей Литовскихъ и въ заруки трибунальные попалъ еси. Прото будетъ ли такъ, яко намъ господару въ Бозѣ велебный митрополитъ жаловалъ, хочемъ то по вѣрность твою мѣть и прыказуемъ, абы еси, кромѣ всякой трудности, тую дань въ Бозѣ велебному митрополиту, яко архимандрыту Печерскому, всю сполна зъ волости нашое Бобруйское, водлугъ стародавного звычаю, выдалъ, не чинечы въ томъ ни якое дальшое зволоки и собѣ правпое трудности не задаючы. Кгдыжъ если бы вѣрность твоя тое дани звыкълое отдать ему не хотѣлъ, мандатъ съ канцелярей нашое па вѣрпость твою выдать есмо росказали. Писанъ у Варшавѣ, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча

пять сотъ деветдесятъ девятого, мѣсеца Мая третего дня *). Sigismundus Rex.

Королевская печать вытиснута на бумагѣ.

4.

Позовъ королевскій въ судъ — Гарабурдѣ съ женою — по жалобѣ епископа пинскаго Паисія на своевольное построеніе ими православной церкви и монастыря. 1614 г.

Жикгимонтъ третій Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, а Шведскій, Кготскій, Вандальскій дедичный король.

Тобѣ урожоному Крыштофу Михайловичу Гарабурдѣ судьи земскому и земенину нашому повѣту Слонимского и тобѣ Раинѣ Макаровнѣ Крыштофовой Гарабурдиной судьиной земской Слонимской, бывшой Васильевой Пелчицкой подсудковой и земянцѣ нашой повѣту Пинского, зо всихъ добръ и маетностей вашихъ, гдыжъ колвекъ въ панствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ въ держанью вашомъ будучихъ лежачихъ и рухомыхъ и зъ особъ вашижъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте за симъ позвомъ мандатомъ нашимъ отъ поданья альбо отъ положенья его вамъ передъ нами господаромъ и судомъ нашимъ, тамъ гдѣ на онъ часъ дворомъ нашимъ дастъ Богъ счастливе будемъ, если въ коронѣ польской за осмъ, а если у великомъ князствѣ Литовскомъ ино за чотыри недѣли, сами очивисто стали и рокомъ завитымъ

---

*) Въ Б. Л. С. есть и другая подлинныя королевская грамота совершенно тогоже содержанія и тому же лицу отъ 28 Мая того же года.

(въ указанный срокъ) усправедливилисе на жалобу и попиранье инстыкгатора нашого великого князства Литовского, который позываетъ васъ за жалобою и донесеньемъ до насъ велебного въ Бозѣ отца Паисия еромонаха епископа Пинского и Туровского архимандрыта Кобрынского о то, ижъ ты Раино Макоровно Гарабурдиная, набывши немного пляцу въ мѣстѣ нашомъ Пинскомъ и менечи его быть своимъ шляхетскимъ, забрала еси до того пляцовъ и кгрунтовъ нашихъ господарскихъ, до замку нашого Пинского належачихъ, немало, недбаючи на вины, въ правѣ посполитомъ описаные, на тыхъ, хто бы се важилъ кгрунты наши забирати, своимъ власнымъ такъ много, яко забралъ, нагородить повиненъ. А на тыхъ кгрунтахъ нашихъ замковыхъ, привлящаючи ихъ собѣ неслушне, важиласе еси, невѣдомо, если за вѣдомостью малжонка своего, чили сама свовольне и упорне, безъ воли и позволенья зверхности нашое господарское и тежъ безъ вѣдомости и благословенья епископа Пинского въ его епископіи и пастырствѣ духовномъ збудовати церковь и монастырь набоженства руского греческого закону и въ томъ манастырѣ ховати поповъ и черндовъ свовольныхъ ку зневаженью звирхности нашое господарское противъ благословенью владыческому и противъ правомъ и привильемъ стародавнымъ господарей королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ предковъ нашихъ, черезъ заруку на то отъ господарей ихъ милости продковъ нашихъ заложоную три тисечи копъ грошей Литовскихъ. А такъ хочемъ мѣть и приказуемъ вамъ, абы есте передъ нами и судомъ нашимъ за симъ за симъ позвомъ мандатомъ нашимъ яко на року завитомъ стали и такъ о свовольное забранье кгрунтовъ нашихъ замковыхъ и привлащенье собѣ ихъ и о вины за то въ правѣ посполитомъ описаные, яко тежъ о збудованье новое

церкви и монастыра въ мѣстѣ нашомъ Пинскомъ без вѣдомости и позволенья нашого господарского без благословенства отца епископа Пинского и заруку отъ продковъ нашихъ положоную три тисечи копъ грошей, въ которую есте намъ господару попали, яко то вамъ часу права ширѣй приложоно и показано будетъ усправедливилисе конечне. А въ томъ васъ упевняемъ, хотя станете альбо нестанете мы въ той справѣ то учинимъ, што право посполитое и справедливость светая покажетъ. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божего Нароженья тисеча шесть сотъ чотырнадцатого, мѣсеца Ноябра двадцать второго дня. Янъ Гридичъ секретарь.

Королевская печать вытиснута черезъ бумагу на красномъ сургучѣ.

5.

Рѣшеніе перваго берестейскаго собора, 1590 года, подписанное митрополитомъ и пятью епископами и скрѣпленное печатями.

„Милостию Божию и Пречистыя его Матере, мы, смиренный Михаило Архиепископъ Митрополитъ Киевский Галицкий и всея России, Я Мелентей Хребтовичъ, Божию милостию Епископъ Володымерский и Берестейский Архимандритъ Киевский Печерский. Я Кирилъ Терлецкий Божию милостию Ексархъ митрополии Киевское Епископъ Луцкий и Острозкий. Я Леонтий Пелчинский Епископъ Пинский и Туровский. Я Деонисие Збируиский Епископъ Холмский и Белзский. Я Гедеонъ Болобанъ Епископъ Лвовский и Каменецкий Митрополии Киевской и Галицкое, ознамуемъ и вызнаваемъ сами на собе одинъ другому

добровольне симъ нашимъ листомъ ижъ зъехавшися намъ до места Государского Берестейского на Сенодъ нашъ духовный, а видячи мы стого быти потребу, злаща иже на Церквъ светую восточную, пренагабанье е частые гонения, пронаслѣдованіе великое и тяжары нигды незвыклые, неслыханые отъ Стаковъ розныхъ на насъ находятъ, также и великие нестроенія межи духовенствомъ и знашихъ некоторыхъ Християнъ развращения, несогласия, непослушания, безчинства и на многихъ местцахъ не подѣйству и зненшены хвалы божиее оказуются, чего мы единостайне ужалившися и почуваючися вповинностяхъ нашихъ, а забегаючи таковому нестроению и своволенству, и знеряду хотячи рядъ и справы наши духовные встародавный добрый святый порядокъ привести, и разможенье хвалы милостивого Бога везде и повсюду водлугъ власное повинности нашее постановити и утвердити, также о справахъ церковныхъ обмышляти, о школахъ о наукахъ шпиталехъ и о иныхъ добрыхъ справахъ святыхъ, побожныхъ по всѣмъ епископіямъ нашимъ во всѣхъ панствахъ Его Корол. Милости и имъ далеи тымъ абыся всякий рядъ везде установилъ, змоцнялъ и утвердилъ, стыхъ тогды причинъ ухвалили и постановили есмо и симъ листомъ нашимъ установляемъ соборы и сеноды на насъ самыхъ и на все духовенство Церкви святое нашее восточное каѳолическое вкождый рокъ разумѣти и зъежьчатися (sic) намъ всѣмъ и всему духовенству на певный рокъ и часъ на местъце отъ всѣхъ насъ единостайне обраное вмѣсте Его Кор. Милости вберести Литовскомъ и кождомъ року мѣсяца Июня 24 дня водлигъ старого Календару. А если бы который знасъ тому постановленью нашему доброволному досыть не учинилъ и на тотъ рокъ, якося вышей помѣнило, самъ особою своею не приехалъ, тогды маетъ таковый каждый знасъ непослушный

петевсять копъ грошии Литовскихъ вины до скринъки на речь нашу посполитую духовную заплатити и ничимъ не вымовляючися. А если бы который знасъ хоробою вымовлятись хотелъ и для хоробы не прибылъ, тогды на другии рокъ приехавши, маетъ перве присягу учинити, яко справедливе былъ хворымъ, тожъ месце свое засѣсти маешъ. А гди бы и на другии рокъ который знасъ не прибылъ и присяги учинити не хотелъ, таковый каждый безъ милосердья зе столицы скиненъ быти маетъ, кромъ если бы того омешканиья своего оказалъ явную значную причину, и иншие вымовы и причины жадные никому знасъ ити не маютъ. А маемъ всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ протопоповъ и иншихъ презвитеровъ виисме Божомъ научоныхъ завжды на кождый зъ епископства своего зсобою мѣти, а который бы архитандритъ, або игуменъ, протопопъ не мелъ быти на тотъ соборъ зъ епископомъ своимъ, токовый каждый также за першимъ неприеханемъ здостоепства зложепъ быти маетъ. А што которое ностановене учинили и списалися епископи знасъ некоторые у Белзе вроку теперешнемъ тисяча пятсотъ девятдесятомъ, тое постановлене при зупелнои моци зоставуемъ и тымъ листомъ нашимъ ствержаемъ подъ тымъ способомъ и тамошние только зьезды штохмися мели зъежзати съ Бельзе тогды тотъ зьѣздъ прекладаемъ на тоежъ местьце до Берестя Литовскаго вынишихъ во всѣхъ пунктехъ всвоей моци отъ всѣхъ насъ захованъ быти маетъ Монастирей Святыхъ простымъ людемъ держати и вживати не маемъ позволяти.—Каждый въ нарафѣи своей одинъ другому жаденъ знасъ в парафѣю ничимъ вступоватися, в презвитеры в дияконы и в поднски (sic) вчужую парафѣю посвящати и становити, церквей святити, антимисовъ давати не маемъ, также и на потребы ездити, венчати, крестити и ни жадныхъ справъ дѣйствовати отнюдъ вчужомъ предѣле не маемъ, и поповъ

чужихъ предѣловъ примовате безъ отпустное грамоты и благословеня звыклого вправилехъ святыхъ описаного, а любезные презвитеры отнюдъ ставити и совершати не маемъ подъ вниною до скринки на речь духовную подъ стома копами гроший Литовскихъ, а едучи тенеръ на близко пришлый соборъ, первый, который будетъ вроку тисяча пятсотъ девятдесятъ первомъ, маемъ всѣ привилеи, фундушы, листы, на всякие наданя и волности зсобою каждый знасъ взяти и оказати на соборе, и о томъ обмыслити и постановити, где то ховано быти маетъ, а то все што втомъ листе нашомъ есть описано таковый союзъ любви нашое братский ручими собѣ сами за себе и за потомки наши, и дбецуемъ добрымъ нашимъ святителскимъ словомъ завжды истина здержати и выполняти подъ тоюжъ виною верху описаною, а который бы знасъ попадши е тую вину платити ее не хотелъ, тогды таковый каждый знасъ маетъ подлечи подъ вѣчное неблагословене и проклятство и отнюдъ изверженъ быти маетъ на томже соборе нашомъ. Котороежто сее наше застановене подписавши его власными руками нашими и печати наши приложили есмо. Писанъ в Берестю на сеноде и соборе духовномъ року тисеча пятсотъ девятдесятомъ мѣсяца Июня 24 дня. Михаило Архиеписопъ Митрополитъ Киевскии и Галицкии я всея Руси рукою власною. Мелентии Хребтович Епископъ Володимирскии и прототронье Архимандритъ Киеескии власною рукою. Кирилъ Терлецкии Божею милостию Ексархъ Митрополии Киевское Епископъ Луцкии и Острозьскии власною рукою. Леонтии Полчинскии Епископъ Туровскии и Пинскии рука власная. Деонисии Збируискии Епископъ Холмскии власная рука. Гедеонъ Болобанъ Епископъ Львовскии и Каменца под: (мѣсто шести печатей).

6.

1) Выписъ скнигъ Земьскихъ повету Луцкого Року тисеча шестьсотъ чотырдесятого мца Генъваря деветнадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ Назавтрее по трохъ Короляхъ (а) рымскомъ святе вроку звыннгъ написаномъ прыпалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, Передъ нами Крыштофомъ шымковичомъ шилинскимъ судею, а Анъдреемъ линевскимъ Подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, Становшы очевисто велебный впану Богу отецъ Инъпоценциусъ Ксизель Игуменъ и ректоръ Монастира Госко, для вписаня докнигъ нынешнихъ земскихъ Луцкихъ подалъ вспособъ перенесеня Екъстрактъ скнигъ Кгродскихъ Луцкихъ, Автентыце выданыхъ, зуписанемъ внемъ запису одъ Ясне вельможное ее мл. Панее реины на Госчы княжны *) Львовое Миколаівое соломирецкое, Каштелянки Смоленское (ж), на фундацию вечистую Монастере вместе Госчы прыцеркви там-же на передместю змурованой, заложеня Святаго Архангела Христова Михайла, и на даровызну вечную Местности Села Курозвенъ снодданими вшелякими Пожитками и принадлежностями, томужъ Монастировѣ даного и служачого о чомъ томъ записѣ вечное ширей всобе маетъ, просячи абы прынялъ и до книгъ уписаный былъ, которого мы Судъ для вписаня до Книгъ прыймуючи Передъ собою чытать казалисмо, и таксе всобѣ маетъ. Выписъ скнигъ Кгрод-

---

(а) Богоявленіе Господне, 6 января.

*) Княжны или княжны—неизвѣстно; рукопись тамъ порвана.

(ж). Мы полагаемъ, что первое названіе „Львовая" означаетъ имя отца—Львовна; а второе Николаевая названія мужа—Миколаіва. У поляковъ, обыкновенно, жена носитъ имя мужа: Павлова, Александрова, Владиславова и проч.

скихъ замку Луцького, року тысяча шестьсотъ трыдцять девятого, мца февряля четъвертаго дня, На вряде Кгродъскомъ, взамку Его к. м. Луцкомъ, Передомною Княземъ Павломъ друцкимъ-Любецкимъ, Подстаростимъ Луцкомъ, Постановавъшися очевисто Ясне вельможная ее мл. Пани реина на Госчы Княжна Львовая, Миколаевая Соломирецкая, Кашътелянка Смоленская, для вписанія до книгъ нинешъныхъ Кгродскихъ Луцкихъ Подала и Прызнала, листъ доброводьный Записъ свой на Парктамине писаный, спечатью своею завесистою и сподписомъ руки своея власное, и тежъ сподписомъ рукъ людей зацныхъ ихъ Мл. Пановъ Прыятелей своихъ, и спечатами ихъ также завесистыми одъ себе на фундацию вечистую Монастира вместе Госчы при церквы тамъ в Госчы на передместю змурованоя, заложеная Святаго Архангела Христова Михаила, и надаровизну вечную Маетности Села Курозвонъ Сподъданими, и вшелякими пожитками и прынадлежностями томужъ Монастыровѣ даныхъ и служачихъ, о чомъ томъ записъ ниже инсерованый шырей всобе опеваетъ, во всихъ его пунъктахъ Артыкулехъ Клявзуляхъ Кондицияхъ и Ликгаментахъ, устнимъ и добровольнымъ Сознанемъ Своимъ свердившы измоцнивъшы, Просила и жадала абы прынятъ и до книгъ уписанъ былъ, А такъ я врядъ тотъ записъ фунъдацией менованоя для вписаня до книгъ прыймуючы чыталемъ и такъ ее всобе писаный маетъ, *Ярейна на Госчы Миколаевая* (*).
Львовая Соломирецкая Кашътеляновая Смоленская дедычка добръ нижей менованить здорова будучы на теле и умысле одступивши своея власноя належитоя юрысдыкцыи Права Повету и воеводства а подтеперешъный Листъ доброволный Записъ мой Себе самую здобрами и Потомками моими добровольне подъ-

---

(*) Эти слова подчеркнуты въ подлинной выпискѣ.

даючы и втеляючы явне.... воне **) сознаваю и
наймую тымъ моимъ Листомъ доброволнымъ за
сомъ а вечыстымъ, Кождому кому бы отомъ веда
належало, теперь и напотомъ Изъ я уважаючы пре
вси дни живота моего, же презъ добрые и побо
ные учынъки кажъдый простуетъ собе дозбавеня д
шевного Непохибную дорогу, Зачымъ тежъ буду
я остатнею Сукцесорькою дому и фамиліи ихъ м
Пановъ Гойскихъ, а хотячы абы стого дому вечн
памятка на хвалу Божію зоставала, умыслиламъ м
пастырь вмаетности моей дедычной вместе Госчы
Воеводствѣ волынскихъ вновете Луцкомъ лежачое з
конникомъ релий Старожитноя рекгулы святого в
силія веры церквы всходное Кгрецкоя, подъ Посл
шенствомъ Святого отца Патрыархи Константин
польского, не въ уний будучихъ, пры церкви там
вГочы на передместю Змурованоя Заложеня Свято
Архангела Христова Михайла абыся тамъ и хва
Божия множила, и дедки шляхецкого и посполито
народу внаукахъ вызволеныхъ цвичили фундоват
А такъ прыхиляючися до Права Посполитого,
Конъституцый вроку прошломъ тысяча шестсот
трыдцать пятомъ, ухваленоя, Подъ верою Поцтиво
и Сумненемъ добрымъ; Богомъ моимъ Свядчу же зн
вого фундамента здобръ моих власныхъ, добе пред
теперешнымъ записомъ фунъдаціи через Анътецессо
ровъ моихъ набытыхъ, А предъ мене самую за влас
ніе грошы моя Слиберованыхъ, жадныхъ за них
грошей не беручы, аны жадного Порозумнея чы
пячы, але зсамоя жарливости побожного учынку
звласного предсевзятья моего курозмноженю хвал
Божоя нечынячы на ошукане, Права посполитого и

(**) воне—листъ рукописи на томъ мѣстѣ разорванъ; потому
написаннаго тамъ слова прочитать невозможно.

менованой Конституции ухваленной *) тую выжей менованую церковъ Святаго Архангела Хва Михайла Вреалную Поссесію тыхъ же выжей Менованыхъ Законниковъ зКгрунтами Пры той Церкви отъ мене на тотъ часъ выдѣлеными, любо и передъ тымъ не належными, А надъто тежъ иншыми добрами на мене правомъ дедычнымъ спадючыми по велможномъ негдысь Его мл. Пану Роману Госкомъ Каштеляне Киевъскомъ Старосте володымерскомъ брате моемъ рожономъ прыпалыми, добра певные въ воеводстве Волынскомъ въ Повете Луцкомъ а въ Ключу Гойскомъ лежачые, волные Свободные, меновате дворъ, фолваркъ и село Курозваны Сподъдаными тяглыми и не тяглыми, огородниками и подсуседными, и ихъ работами чиншами податками, повинностями, Сполями Кгрунтами засеяними и незасеяними, Лесами Гаями, зарослями, борами, Пасеками и деревомъ бортнымъ Ставами и ихъ Спустами, Млынами и ихъ вымелками, Реками, Озерами, Крыницами, Сажавками, потоками изволнымъ ловенемъ зниxъ рыбъ, Корчмами Изовсими Енералитеръ пожитками, доходами, прыплодами и прынадлежностями такъ якожъ тые кгрунты прыцеркви будучые, яко итые добра менованіе-

*) Здѣсь упоминается о конституціи 1635 года, которою, между прочимъ, запрещено было дворянамъ отчуждать свои имѣнія въ руки недворянъ. Но при томъ сдѣлано предостереженіе, что конституціею не отнимается право у дворянъ чинить фундущевыя записи изъ своихъ имѣній, какимъ бы то ни было образомъ, вновь пріобрѣтенныхъ—de nova radice. При чемъ присоединено условіе, чтобы дѣлающій запись, въ присутствіи полнаго земскаго суда, ударившисъ въ грудь, произнесъ слѣдующія слова: „Свидѣтельствуюсь Богомъ, во имя вѣры, чести и совѣсти (Sub fide, honore et conscientia Deum testor), „что я этою фундушевою записью дарю— de nova radice—изъ моихъ собственныхъ имѣній, „не получая никакого денежнаго вознагражденія, не подчиняясь постороннему внушенію, единственно слѣдуя побужденіямъ чистой ревности и безкорыстной щедрости (Propria mea liberalitate"). Слова эти должны быть вписаны въ актъ. Volum. legum, Tom 111, pag. 856, konstytucyi roku 1635, marca 14, § 10.

Село Курозваны Самовсебе и в своемъ ужываню вгра
ницахъ ведлугъ вышъ менованого способу и обы
ходехъ здавна мели, а теперь маютъ, яко онъ те
цесорове мои передъ тымъ и я потомъ зажывали
зовсимъ зуполнымъ правомъ, Панствомъ власности
и титуломъ дедычнымъ ничого згола втыхъ добрах
и Кгрунтахъ насебе самую нотомки и никакого инъ
шого зблизъкихъ кревъныхъ, и повинныхъ моих
обоей плоти незоставуючы, и невыймуючы, але все пос
политостью заверяючи, такъ жобы менованое немено
ваному и неменованое менованому ничего нешкоди
ло и не уближало прытомъ будетъ волно вышъмено
ванымъ отцемъ законникомъ нареце Горини вшеля
кимъ посудкомъ рыбы на себе каждого часу ловиты
такъ яко трактъ Гойскій маетъ всобе, тое все велеб
ному вГосподе Бозе Отцу Игнатию Оксеновичови Ста
рушицови Ректорови и Игуменови отъ Ясне Превелеб
ного въ Господу Богу Его мл. Отца Петра Могилы Ар
хиепископа Мотрополиты Киевъского Галицкого и все
Россыи Екзархи Святийшого Апостольского тронуКонъ
стантинопольскаго, и велебныхъ отцевъ збрацтва Ки
евскаго вполне зъ его мл. на тотъ часъ презенто
ванными и подаными, и братки тогожъ Монастыря
новофундаваного Гойского и сукцесоромъ отъ его
мл. в Бозе превелебному Метрополитови доживотне
тотъ кгрунъть пры церкви менованой на монастырь
презъ мене назначеный и тое село Курозваны (одъ
деливши отъ тыхъ добръ потомковъ близкихъ, крев
ныхъ, повиныхъ и далекихъ моихъ) даю, дарую, и
вечьними А никгды неотзовными часы записую, Я
кожъ и Право тое все Продкомъ моимъ и мни на
тые добра служачые до рукъ помененого велебного
вБогу отца Ректора и Сукцесъсоровъ его оддаю и
отделяю, Сама Спотомками моими зрекаю Вечне и
тые добра черезъ мене на тотъ монастырь записан
ные и самый монастырь зовсимъ Яко вышей поме-

кило до реалноя вечистоя поссесыи Ихъ мл. Отцу Ректорови вышъ помененому братій и Сукцессоромъ ихъ презъ возного и шляхту которыхъ себе Сторона на тое прыспособитъ Екъзнунъкъ подаю и поступаю, и на кгрунте подати и поступити маю и повинна буду; Волни теды суть и будутъ, менованый Отецъ Ректоръ збратіею своею тотъ Монастырь и церковь здобрами и зовшелякими прыналежностями до поссесыи своея взявши оные держать Екзерциция втой фунъдаціи Менованныя фавенте Део зачати церквою Монастыромъ школами, также молодижею у нихъ найдуючоюся прыкладомъ инъшыхъ Академій и Кгольлегіювъ рядыты, на тыхъ же вымереныхъ и прызнанныхъ кгрунътехъ такъ на предместю Госцы бы яко и вкгрунте менованого села Курозвановъ будынъки вшелякые ставити любо и муровати, подданыхъ осажати, и новіе осады чинити, Гребли бити и до иноя маетности моея прытыкали и береговъ дотыкали прысыповати безъшкоды великоя и уймы мене самое и подданыхъ моихъ. Подданныхъ тежъ одошлыхъ доходыти, Господарства своего ведлугъ належьшого уподобаня причиняти пожитковъ вшелякихъ знихъ прыходячыхъ заживати и тыми добрами яко своими власними вечыстыми ведлугъ святоя рекгулы ихъ власноя поступовати вкоторыхъ добрахъ и въ порядкахъ церковныхъ монастырскихъ, также и школныхъ жаднымъ способомъ и претекстомъ такъ я сама, Якотежъ и Сукцессорове добръ моихъ и хто бы колвекъ якимъ колвекъ способомъ державчымъ былъ напотомъ Госчы и инъшыхъ добръ моихъ, сами презъ себе и презъ субъордынованые особы жодного имъпедименту правного и неправного чинити и задавати „Господъ тежъ" вместе и напередместю *), вгосчы наймовати албо способомъ якимъ же

*) Слова эти подчеркнуты въ подлиной выписи.

колвекъ прыстойнымъ веднати боронити я сама а н
хто колвекъ Спотомковъ моихъ и Поссесоровъ то
места немаетъ и неповыненъ будетъ, подшкодам
нижей описанными, прытомежъ волно будетъ Веле
ному Отцу Ректорове вышменованому и братіи так
и ихъ Сукцесъсоромъ Кгрунътовъ и Пляцовъ для п
требы ихъ набывати, за конъцесомъ моимъ и Сукцес
соровъ моихъ, Которую Церковь и Монастиръ и мае
ность вышъменовалую Курозваны, нетолко абымъ ме
умнейшаши, але и овшемъ размножати и одъ вшел
кихъ имъпедиментовъ тежаровъ правныхъ Проце
совъ тые добра, и о которую колвекъ часть зних
презъ мене записаныхъ и у кожъдого суду и прав
и на кожъдымъ термине за обвесченемъ ихъ мл. в Бо
Велебныхъ и Сукцесъсоровъ ихъ боронити заступоват
и тежары Акцизе заданыхъ на себе и добра моя ин
шые внести и приняти маю, и повынъна буду, А п
мне потомкове и державчые добра мое маютъ и по
вини будутъ, такъ абы Велебный Отецъ Ректоръ за
конники и Сукъцессорове ихъ и Молодежъ школна
шляхецкое и простое кондыцый, втой моей фундацыи
и добрахъ записаныхъ завше спокойномъ помешкан
зоставали, Надъ то тымъ же теперешнимъ писане
моимъ вечыстымъ записомъ обликгуючисе тые добр
Село Курозваны и Кгрунъты вымереные наМонастыр
и школы прыцеркви выжей, менованой предъ мен
на Монастырь менованый, и велебныхъ отцевъ закон-
ныхъ внемъ мешкаючыхъ записаны, Село Курозвоны
такъ яко здавныхъ часовъ и теперь есть вграницахъ,
и уживаню своемъ обехавшы и ограничивъшы, А
кгрунъти пры церкви помененой на Монастирь и шко-
лы найдалей недѣль дванадцати, по томъ сознаню
моемъ, и листъ мой особливый на тое ограничене
кгрунътовъ пры церкви на монастырь и на школы
вымероныхъ, и тыхъ добръ дати, который таковое
моци и ваги маетъ быти, якобы персоналиттеръ (лично)

презъ мене науряде былъ сознаный, вкоторомъ то пречономъ монастыру презъ мене вмаетности моей вместе Госчыпры церкви менованой здобръ прречоныхъ села Курозванъ фунъдованомъ законницы объщежителные, не въ уніи будучые, але подъ послушенствомъ Святѣйшаго Отца Патрыарха Константинопольскаго, Мешкаючы хвалу Божию ведлугъ повинности Христианское множити и розшырати.

На кождый день одправовати, и за здоровье мое и потомъковъ моихъ на каждый Четверъ и Суботу Службу божую, зособна засъ по зейстю моемъ стого Света на каждый рокъ дня того вкоторый Панъ Богъ мене стымъ Светомъ розлучитъ, Парастасъ великий и Служѣу Божую за душу отправовати маютъ, такъ за мене самую яко и въсѣхъ зошлыхъ продковъ моихъ стого Света, а братію такую межы собою мети, абы до отправованя набоженства порядного и для вызволеныхъ наукъ способными были, А якъ тепершъный поменоный Велебный въ Богу Отецъ Ректоръ и Игуменъ одъ Ясне Превелебного Его мл: Отца Петра Могылы Архиепископа Метрополиты Киевъского Галицкого и въсея Россыи Екъсарха светого Апостолского трону Конъстантинопольского, Яко особливого Патрона добродѣя и фунъдатора, отъ сполное тежъ воли и уваги Велебныхъ отцовъ старшыхъ Монастыря братского Киевъского не въ уніи будучыхъ спосродку оныхъ на томъ месцу въ новофунъдованомъ презъ мене въ Монастыру Гойскомъ зостаетъ, *такъ и сукцессорове онаго по выстю кождыхъ трохъ летъ впотомные часы Его мл. Отецъ Митрополитъ теперешный звелебными ихъ мл. Капитулы Брацътва Киевъского въ Администрацыей своей тотъ Монастырь Гойскій и добра до него належачые Его мл: Помененый отецъ Митрополитъ доживотне, а Отцеве вышпомененое Капитулы вечными часы, маючы Ректора и Игумена змежы себе менованые велебные отцове подавати на тое мейсце ведлугъ рекгулы и*

уваги своее мають и волни будуть: По смерти зась тепе- решнего Его мл: Отца Могилы Архиепископа Митропол- ты Киевъского жаденъ зъ сукъцессоровъ Его милости Ми- трополитъ Киевъскій, ани Епископъ Луцкій, ани жаде- инъшый толко велебный Отецъ Ректоръ збратиею Капи- тулы Монастыра Брацкого Киевъского фунъдацый вышъп- мененого Его мл: Отца Метрополита, вечъными часы п- давати маетъ безъ препедыцыи жадное одмене Самое Сукцессоровъ моихъ и всихъ держачыхъ добръ моихъ, кото- рыхъ а юре патронату съ вечне оддаляю, *) и тому то до- ровольному записови моему той теперешней вечъ- стой фунъдацыи и конъдыциомъ внемъ выражоным- Я Сама а помъне Потомкове и Сукцессорове и вс- деръжачые добра мои досыть чинити и ненаруши- держати мають, и будутъ повинъни, вечъными ча- сы, подъ неблагословенствомъ Божимъ и подъ шко- дами земъскими, на голос речоне слово албо позвом- Кромѣ телесное Присяги ошацованымъ о которые шко- ды вспротивъвенюсе теперешиему фунъдушовѣ мо- ему вчомъ колвекъ и небороненю отъ имъпедымен- товъ заходячыхъ, презъ мене самую и Потомков- моихъ позвани будучы, форумъ рокъ и теръмин- завитый, Собе и Потомъкомъ моимъ, вкождомъ Суд- и уряде Воеводства и Повету которого колвекъ, хоч- мне, добромъ и Потомкомъ моимъ неналежъных- Которыхъ юрисдыцией яко вышей отступившы, сво- ее юрисдыцыи належное, Акъцыза гдыбы были поз- вани доброволне здобрами и Потомками моими под- даючы назначаю, Пеправити на першомъ термин- и за першимъ позвомъ яко па року завитомъ, безъ заживаня вшелякихъ инъ спере етъ специе дыляций Апеляций и отъ просекуций и жадныхъ згола обо- ронъ и добродействъ правныхъ противъко тому за- писови моему невносячы и не заживаючы, услраве-

*) Напечатанное здѣсь курсивомъ въ подлинникѣ подчеркнуто.

дивитися то есть шкоды позвомъ ошацованые, отъ суду неотходячы заплатити, а заплативъшы, предсе тому записови моему и оштобы донего были позвани досыть чинити, тылекроть ижбы того потреба была, жадною давностью земъскою, не счытечисе. И на томъ дала тотъ листъ мой добровольный вечыстое фунъдацыи запись, спечатю и сподъписомъ руки моее власное, ихъ милостей Пановъ Прыятель моихъ одъ мене устне упрошоныхъ, нижей менованыхъ, Деялосе въ Крупой року Божого тысяча шестсотъ тридцать девятого, Мѣсяца Генъвара второго дня, у того запису вечыстое фундацыи Пушокъ четири для печатей завешоныхъ, а подъписъ рукъ втые слова: Реина на Гойсчы Соломирецкая Каштелляновая Смоленьская рукою власною: Athanazy Puzyna Władyka Lucky y Ostrozky renko swo; Грегорый Четвертенъский Подкоморый Луцкий: Oczewiscie proszony Pieczentarz Zygmont Wylczynsky Podczaszy Wołynsky: Andrzey z Wysokiego Kaszewsky Lowczy Wolynski: Jako proszony Mikolay Swiatopolk Czetwertensky: Paweł Drucky Lubecky, Podstarosci Lucky: Henryk z wysokiego Kaszewsky Mppra: Который же то записъ менованое фунъдацыи за поданемъ, Прызнанемъ и жаданемъ вышъменованое ее мл: Княжны Соломирецкое, Каштеляновое Смоленское, а за прынятемъ моимъ урядовымъ увесь сночатку ажъ до конца слово до слова такъ чтосе всобе маетъ и замыкаетъ до книгъ нинешъныхъ Кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ, скоторыхъ и тотъ выписъ подпечатю Кгродскою Луцъкою, року вышъ на Акте менованого Мѣсяца Декабря десятаго дня есть выданъ, писанъ въ Луцъку. Утого экстракту Печать Кгродская Луцкая подъписъ руки тыми словы: Павелъ Друцъкий Любецкъкий, Подстаростый Луцъкий Т. Который же то ексътракътъ за поданьемъ и прозбою вышъменованое особы и за принятемъ нашымъ Судовымъ увесь Сночатку ажъ до Конъца Слово до Слова изъ Книгъ Земскихъ Луцкихъ есть уписанъ, Скоторыхъ и тотъ

выписъ подпечатю Земъскою Повету Луцкого рок
теперешнего тысяча шестьсотъ чотырдесятъ четвер-
таго, мѣсяца Июня шестнадцатого дня есть выданъ,
писанъ въ Луцку.

Корыговалъ *Зиглобицкий Тр.*

Miejsce pieczęci Ziemskey
Powiatu Luckiego. Legit Kleczkowsky.

II.

НАЧАЛО УНІИ.

*(Окончаніе *).*

Вѣроисповѣдная Унія.

Употребленныя къ этому лица не всегда пользовались одними кроткими средствами. Ревнители взялись преслѣдовать и осмѣивать русиновъ съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, что принесло совершенно противные плоды, возбудило въ русинахъ взаимную ненависть къ полякамъ и зоркое вниманіе на тайныя козни, противъ нихъ сплетаемыя **).

*) Смотри 10 кн. Вѣст. Зап. Р.

*) Чтобы показать, какія преслѣдованія и натиски должны были терпѣть русины, вмѣстѣ съ усиліемъ обратить ихъ въ унію, я приведу только отрывокъ изъ протестаціи, внесенной львовскимъ братствомъ въ 1595 году въ городскіе Львовскіе акты feria secunda post dominicam ramis palmarum, и повторенной feria quarta post dominicam conductus Paschae членами того же братства, отправленными на сеймъ въ зваціи пословъ отъ воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго, князьями Адамомъ Вишневецкимъ и Кирилломъ Ружинскимъ. Въ этой протестаціи они жалуются, что „священниковъ русскихъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, вырываютъ изъ рукъ священниковъ и бросаютъ на земь святыя Тайны, оскверняютъ церкви и алтари, запрещаютъ звонить, принуждаютъ къ новому лѣтосчисленію, вопреки королевскому повелѣнію, старшинъ братства, наблюдающихъ за народомъ и чистотою вѣры, бросаютъ въ темницы и облагаютъ денежною пенею, запрещаютъ провожать мертвыхъ, или ходить со св. Тайнами къ больнымъ, не допускаютъ русиновъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые были уже записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пенею и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскій

Сигизмундъ III, воспитанный іезуитами и окруженный ими или ихъ приверженцами, былъ упорнымъ врагомъ иновѣрцевъ и непреклоннымъ въ приведеніи ихъ подъ папскую власть. Хотя эта ревность лишила уже его шведскаго престола, однако онъ твердо рѣшился, во чтобы то ни стало, исполнить свой замыслъ съ русинами.

Мы уже выше сказали, что патріархъ Іеремія низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку и поставилъ на его мѣсто Михаила Рагозу. Отъѣзжая въ Турцію, патріархъ требовалъ отъ Рагозы, для уплаты Портѣ, слѣдующую, за посвященіе его въ митрополиты, сумму 15,000 асперъ, т. е. двѣсти пятьдесятъ талеровъ (около 359 руб. сер.), тѣмъ болѣе, что если бы митрополитъ самъ отправился въ Константинополь для рукоположенія, то издержки были бы гораздо значительнѣе. Митрополитъ медлилъ уплатою, такъ какъ его доходы не были слишкомъ вели-

костелъ, заставляютъ священниковъ приносить разныя подати латинцамъ, хватаютъ по улицамъ русскихъ дѣтей, влачатъ въ свои латинскія школы, бьютъ и чинятъ имъ разчичныя оскорбленія, нищихъ русскихъ выгоняютъ изъ домовъ, нападаютъ ночью на церкви, не только самыя церкви, но и алтари безчестятъ, съ каѳедръ и на ратушѣ называютъ ихъ язычниками, ругаются надъ святынею" и т. д. Въ этихъ несправедливостяхъ, дѣлаемыхъ, по повелѣнію и наущенію Суликовскаго, латинскаго архіепископа, обвиняютъ городской совѣтъ, составленный изъ католиковъ, и римское духовенство. Русины внесли въ надворный королевскій судъ дѣло по этимъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, и уже былъ назначенъ срокъ рѣшенію, но король своимъ указомъ sabbatho ante festum Pentecostes въ 1595 году (подлинникъ сохранился) отложилъ его на годъ, и потомъ этотъ срокъ постоянно былъ отлагаемъ съ году на годъ, пока дѣло не было рѣшено, по прошествіи цѣлаго вѣка и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда уже вымерли три поколѣнія, не говоря о ежегодной депутаціи посылавшейся въ Варшаву, огромныхъ издержкахъ на проѣздъ, подаркахъ и подаркахъ канцлерамъ и судьямъ. И это Нѣмцевичъ имѣлъ смѣлость назвать, во вступленіи къ исторіи Сигизмунда III, стр. XIII: „для всѣхъ равно неотлагательною и безпристрастною справедливостью." Можно ли дальше этого простирать насмѣшку надъ истиной, или безразсудную похвальбу? Подобныхъ продѣлокъ можно бы привести безчисленное множество. Ежели во Львовѣ, столицѣ галицкой Руси, вводилась такимъ образомъ унія, то что же должно было происходить въ областяхъ и по малымъ городамъ?

ки, и просилъ отсрочки, на которую патріархъ согласился, но въ случаѣ неустойки грозилъ отрѣшеніемъ отъ сана. Потомъ, чрезъ Молдавію, патріархъ воротился въ Царьградъ *).

Суровый поступокъ съ Дѣвочкой и Злобой и строгое наказаніе, установленное патріархомъ, поразили не одного изъ высшихъ духовныхъ. Многіе изъ нихъ сознавали за собою какую-нибудь вину, тѣмъ болѣе, что это духовенство, нѣсколько вѣковъ оставленное самому себѣ, безъ надзора, среди людей темныхъ, привыкло позволять себѣ немалые безпорядки. Особенно страшился нѣкто Кирилъ Терлецкій, епископъ луцкій и острогскій, человѣкъ изворотливый, рѣчистый и по своей придворной ловкости хорошо принятый при дворѣ князя Острогскаго. Во первыхъ, онъ чувствовалъ себя виновнымъ въ той же незаконности, за которую былъ низложенъ митрополитъ Дѣвочка, т. е. въ двоеженствѣ, неизвѣстномъ еще патріарху, и потомъ его обвиняли, можетъ быть отчасти и неосновательно, въ разныхъ преступленіяхъ, даже въ смертоубійствѣ и подделкѣ монеты **). Впрочемъ, Кирилъ такъ искусно под-

*) Плата или такса за буллу на архіепископство или епископство издавна существуетъ въ римской церкви и составляетъ значительную сумму; а нѣкогда папы имѣли и, такъ называемое, право аннаты т. е., ежегоднаго оброка съ порожняго епископства. Требованіе патріарха тѣмъ менѣе должно казаться удивительнымъ, что у патріарха не было ни областей, ни волостей, и только такого рода доходами существовалъ онъ со своею консисторіею, и притомъ долженъ былъ платить дань Портѣ. Сярчинскій, въ изображеніи вѣка Сигизмунда III (т. II, стр. 127), пишетъ, что патріархъ приговорилъ митрополита къ отрѣшенію отъ сана за то, что тотъ не выплатилъ положенной суммы денегъ и не призналъ въ немъ главы восточной церкви; но дѣло не такъ было: Рагоза признавалъ патріарха отъ самаго его отбытія изъ Польши въ 1590 году, распоряженія свои представлялъ ему на утвержденіе, и приговоры патріаршіе оглашалъ. И хотя онъ и не выплатилъ таксы за свое посвященіе, однако отъ сани не былъ отрѣшенъ; иначе, не ужъ то бы православные стали слушаться его въ продолженіи семи лѣтъ до уніи, если бъ онъ былъ низложенъ и на его мѣсто патріархъ назначилъ другого? Наконецъ, есть подлинныя того времени письма патріарха и митрополита, которыя опровергаютъ это показаніе.

**) Эти и другія обвиненія находятся въ рукописи, упомянутой выше въ прим. 36, которой подлинникъ хранится во Львовѣ и, по всему вѣроятію, будетъ изданъ въ Москвѣ.

дѣлался къ патріарху и разными происками съумѣлъ дать дѣлу такой счастливый оборотъ, что тотъ не только не вошелъ въ разсмотрѣніе его жизни, но даже, уѣзжая изъ Польши, наградилъ его титуломъ екзарха, т. е. своего намѣстника на Руси.

Образъ жизни и нравы епископовъ русскихъ, ихъ пороки и свойства не укрылись отъ зоркаго глаза тѣхъ, которые поставили себѣ задачей соединеніе обоихъ вѣроисповѣданій. Знали, что митрополитъ Михаилъ былъ человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, но слабый, нерѣшительный и лишенный той силы духа, которая была необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мелетій Бучуринскій Хребтовичь, епископъ владимірскій и прототроній *), знатнаго рода, воспитанный для барства и обремененный дряхлою старостью; епископы: Леонтій Пелчинскій—туровскій, Діонисій Збируйскій—холмскій, также Михаилъ Копыстынскій—перемышльскій; люди достойные, но ограниченныхъ понятій и способностей и притомъ охотники до спокойствія; Гедеонъ Болобанъ львовскій изъ богатаго рода, непреклонный въ убѣжденіяхъ, славолюбный и приверженецъ своей вѣры, а Кириллъ Терлецкій—уклончивый, непостоянный и на все готовый. Этого-то послѣдняго избрали орудіемъ введенія уніи и склоненія къ пей прочихъ владыкъ, тѣмъ болѣе, что извѣстно было, какая опасность грозитъ ему отъ патріарха, если только жизнь его обнаружится. Въ выборѣ не ошиблись. Кириллъ, убѣжденный, согласился дѣйствовать въ пользу желаемой цѣли.

Кромѣ Терлецкаго, нуженъ былъ еще другой человѣкъ для успѣшнаго исполненія замысловъ; но такого трудно было найти между русскими епископами. По этому іезуиты и другіе католики, участники тайны, обратили свое вниманіе на Адама Поцѣя, сенатора, каштеляна керестейскаго, который, овдовѣвъ, расточилъ собственное родовое имѣніе и приданное жены, и жилъ въ недостаткѣ. Ему обѣщали испросить у короля право на доходное епископство владимірское по смерти дряхлаго и умирающаго старца, Мелетія

---

*) Прототроній. Этотъ титулъ принадлежалъ епископамъ Владиміра Волынскаго. Они занимали на епископскихъ соборахъ первое мѣсто послѣ кіевскаго митрополита.

Хребтовича, въ чемъ и самъ король увѣрилъ его, но съ условіемъ дѣйствовать за одно съ Терлецкимъ въ дѣлѣ введенія уніи *). Охотно принялъ Поцей это предложеніе, открывавшее ему удобный случай поправить свое состояніе. И точно, онъ въ 1592 году, по кончинѣ Мелетія былъ возведенъ въ санъ епископа подъ именемъ Ипатія. Поцей происходилъ отъ православныхъ родителей умѣреннаго достатка; воспитанъ былъ въ дому князей Радивиловъ, державшихся ученія кальвиновъ, которое и онъ принялъ; много путешествовалъ, былъ человѣкъ образованный, рѣчивый, свѣдущій въ современныхъ ему наукахъ и пожалованный въ сенаторы по ходатайству Радивиловъ. Въ дѣлѣ вѣры онъ былъ совершенно равнодушенъ: перемѣнить вѣру было ему ни почемъ, и потому его обвиняли въ частыхъ переходахъ изъ одного исповѣданія въ другое *). И такъ, этимъ двумъ человѣкамъ было поручено совершить унію.

Патріархъ установилъ, чтобы митрополитъ ежегодно созывалъ Соборъ изъ епископовъ для совѣщанія о церковномъ имуществѣ, введеніи нужныхъ распорядковъ и отстраненіи могущихъ встрѣтиться злоупотребленій. Первый таковой соборъ состоялся въ Берестѣ Литовскомъ, въ іюнѣ 1590 года, на которомъ много прекраснаго было постановлено. Тутъ же опредѣлили, чтобы въ этомъ самомъ мѣстѣ и въ это самое время въ будущій и послѣдующіе годы, подъ страхомъ денежнаго и духовнаго наказанія, каждый епископъ являлся съ знатнѣйшимъ своимъ духовенствомъ; также, по предложенію Терлецкаго, положили, чтобы каждый владыка привезъ съ собою записи, жалованныя грамоты, права и привилегіи на епископскія владѣнія, для

*) Jaekel's Staatsveranderung Polens. II. Th. S. 118.

**) Священникъ львовскій, современникъ, присутствовавшій на соборѣ въ Брестѣ въ 1596 году, при оглашеніи уніи, въ рукописи своей, упомянутой въ прим. 38 и 57, обвиняетъ Поцѣя, можетъ статься, и черезъ чуръ, въ многократныхъ переходахъ изъ одной вѣры въ другую, и даже присовокупляетъ, что Поцѣй изъвѣдалъ и жидовщину. Но противъ этого обвиненія свидѣтельствуетъ письмо самаго Поцѣя къ провинціалу доминиканцевъ во Львовѣ, гдѣ онъ признается, что одинъ разъ, и то не долго, былъ евангеликомъ, но чтобы онъ былъ еще аріаниномъ, или исповѣдывалъ вѣру жидовскую, то это отвергаетъ.

того, чтобы положить для сбереженія эти документы въ надежномъ и безопасномъ мѣстѣ и въ то же время принять мѣры къ возвращенію отнятыхъ владѣній.

Подобные соборы составлялись и въ слѣдующихъ годахъ ежегодно. Въ 1591 году духовенство, съѣхавшись на соборъ, привезло съ собою и всѣ документы, сообразно съ прошлогоднимъ соборнымъ постановленіемъ, состоявшемся по предложенію Терлецкаго, о необходимости пересмотра похищенныхъ, отобранныхъ въ казну и потерянныхъ имѣній, принадлежавшихъ прежде русскимъ епископствамъ и монастырямъ. Соборъ 1591 года опредѣлилъ отнестись по этому дѣлу съ просьбою и представленіемъ къ королю и сейму; но прибывшіе на соборъ епископы, по настоянію хитраго Терлецкаго, за краткостью времени, подписали два бланкета, скрѣпивши ихъ печатями, и тому же Терлецкому поручили, на свободѣ, переписать въ нихъ просьбу и представленіе и подать королю и сейму *).

Между тѣмъ Терлецкій обдѣлывалъ тайные замыслы своихъ товарищей. Гедеонъ Болобанъ львовскій, раздосадованный унизительными для него спорами о духовной власти со львовскимъ братствомъ, сначала было согласился съ нимъ, потомъ отказался **). Терлецкій попы-

---

*) Каменскій, въ Исторіи Уніи, стр. 40 и рукопись: „Престорога зѣло потребная.“

**) Jaeckel Staatsveraenderung Polens. II, стр. 118. Такъ пишетъ Екель, но ошибочно: Гедеонъ Болобанъ не былъ на соборѣ ни въ 1593, ни въ 1594 годахъ. Митрополитъ, по жалобѣ львовскаго братства на разныя его злоупотребленія, приказалъ ему явиться на соборъ 27-го іюня 1593 года, но онъ не пріѣхалъ и въ тотъ же день былъ заочно судимъ и отлученъ. Позванный во второй разъ на соборъ въ 1594 году, 1-го іюля, онъ снова не явился, и опредѣленіемъ того же дня заочно былъ отсужденъ отъ богослуженія въ епископскомъ облаченіи. Оба эти опредѣленія хранятся въ подлинникѣ, въ ставропигіальномъ архивѣ и доказываютъ: а) что Гедеонъ, не будучи въ эти годы на соборахъ, не могъ подписать прошеніе къ папѣ и королю; б) что сей послѣдній актъ былъ написанъ на бланкетахъ, давно уже подписанныхъ, именно, еще въ 1591 году; в) что Болобанъ не былъ въ единомысліи съ прочими владыками, ибо эти послѣдніе въ вышеупомянутыхъ опредѣленіяхъ лишили его епископскаго сана и отлучили отъ церкви; г) что князь Острогскій былъ въ то время еще въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Терлецкимъ и Поцѣемъ,

талъ Мелетія Хребтовича владнмірскаго, но встрѣтилъ въ немъ затрудненіе; однако, когда, въ концѣ 1591 или началѣ 1592 года умеръ Хребтовичъ и на его мѣсто посвященъ былъ Ипатій Поцѣй, тогда въ этомъ послѣднемъ онъ нашелъ себѣ ревностнаго приверженца въ дѣлѣ уніи. Оба покушались привлечь на свою сторону Михаила Копыстынскаго, епископа перемышльскаго, но этотъ ни коимъ образомъ не поддавался *). Такой же отпоръ встрѣтили они и въ прочихъ владыкахъ. Не смотря на это, ни тотъ ни другой не упалъ духомъ. Они надѣялись, что когда дѣло сдѣлается, то одни изъ епископовъ по безсилію, другіе по нерѣшительности не станутъ противиться тому, чего король неотступно домагается и чему латинское духовенство такъ усильно способствуетъ. По этому на одномъ бланкетѣ они написали актъ подданства папѣ, а на другомъ объявленіе этого королю, съ просьбою, чтобы онъ благоволилъ, своимъ ходатайствомъ въ Римѣ, содѣйствовать имъ въ полученіи отъ папы согласія на тѣ условія, какія они сочли нужными для успокоенія умовъ русскаго народа.

чего никакъ не могло случиться, если бъ онъ зналъ, что они дѣйствительно замышляютъ унію; д) что соборъ 1594 года былъ не въ декабрѣ, какъ пишетъ Сярчинскій во львовской Пчелѣ на 1830 годъ т. II, стр. 197, но въ іюнѣ и началѣ іюля; е) что сноmeнія между Терлецкимъ и Поцѣемъ объ уніи происходили тайкомъ и до 1595 года не были предметомъ соборныхъ совѣщаній; ж) что согласно съ рукописью, вышеприведенною въ прим. 38, митрополитъ Михаилъ до 7 октября 1596 года, ничего и знать не хотѣлъ объ уніи, и только эти двое, Терлецкій и Поцѣй, были виновниками.

*) Екель, равно какъ и Сярчинскій, ошибаются въ томъ, будто бы Копыстынскій, епископъ перемышльскій, согласился на унію; онъ въ собственномъ письмѣ, подлинникъ коего находится въ ставропиг. архивѣ, отъ 22 декабря 1592 года, отвергаетъ эту ложную молву о себѣ, распущенную, вѣроятно, іезуитами, и клянется въ вѣрности православію. И притомъ извѣстно, что изъ епископовъ только онъ, да Болобанъ остались непоколебимыми при старомъ вѣроисповѣданіи. Обстоятельство, достойное глубокаго вниманія, что наша русь галицкая, какъ долго ни оставалась подъ польскимъ ярмомъ, но все таки съ большою силою противилась уніи, и хотя, наконецъ, должна была принять ее, но приняла цѣлымъ столѣтіемъ позже, чѣмъ прочіе края, присоединенные къ Польшѣ.

Какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась, написалъ къ ним князь Константинъ Острогскій, убѣждая оставить свои за тѣи, и они сначала заперлись, но потомъ, сбросивъ с себя личину и не уважая его предостереженія, весною 1595 года, отправились въ Варшаву и подали королю свои просьбу. Сигизмундъ принялъ ихъ чрезвычайно благо склонно, обѣщалъ свое заступничество предъ папою, и указомъ отъ 20 іюля 1595 года, утвердилъ равенство прав и вольностей русскаго уніатскаго духовенства съ латин скимъ. Что же касается до засѣданія русскихъ епископов въ сенатѣ, котораго они такъ сильно желали, то вопрос объ немъ былъ отложенъ до рѣшенія сейма; а между тѣм король обоихъ депутатовъ съ актомъ подданства, присое динивши къ нимъ своего секретаря, каноника Гембицкаго отправилъ на свой счетъ въ Римъ.

Пока все это происходило въ Варшавѣ, Гедеонъ Боло банъ львовскій, посовѣтовавшись съ Михаиломъ Копыстын скимъ, епископомъ перемышльскимъ, и съ прочими духов ными и свѣтскими особами, внесъ 1-го іюля 1595 года во владимирскіе городскіе акты протестацію противъ дѣй ствій Терлецкаго и его соумышленника, объявляя, что ни онъ, ни прочіе изъ епископовъ не писали о томъ соедине ніи ни къ папѣ, ни къ королю, и ежели оказалось подоб ное прошеніе, то оно обманомъ было написано на перга менпыхъ бланкетахъ, подписанныхъ и выданныхъ совер шенно для иной цѣли *). Равно и князь Острогскій н только тоже устно свидѣтельствовалъ, но и письменно 25 іюля 1595 года внесъ протестацію въ общественны акты **).

Наконецъ, въ ноябрѣ 1595 года, русскіе депутаты: Терлецкій и Поцей, прибыли въ Римъ. Папа Климентъ VIII принялъ ихъ съ невыразимою радостью; на его счетъ до ставили имъ самое обильное содержаніе, а суббота 23 де кабря 1595 года, была назначена для принятія отъ них подданства и присяги. Въ этотъ день, при полномъ собра ніи кардиналовъ и въ присутствіи первостепенныхъ санов

*) Węgierskiego Jędrzeia Histor. Kosciola Ewang. Słowians. roku 1650 wydana str. 466.

**) Piasecki str. 139.

никовъ римскаго двора и другихъ высшихъ особъ, русскіе епископы были введены въ ватиканскій дворецъ на публичную аудіенцію. Тамъ, упавши на колѣна и поцѣловавъ папскія ноги, подали папѣ привезенный съ собою актъ подданства, который сначала былъ прочитанъ на подлинномъ русскомъ языкѣ, а потомъ въ латинскомъ переводѣ. Затѣмъ послы на колѣнахъ били челомъ, чтобы папа соблаговолилъ принять ихъ, какъ своихъ дѣтей и изъявилъ свое согласіе на то, чтобы таинства крещенія, равно какъ Тѣла и Крови Христовыхъ, остались при старомъ, ими уважаемомъ, образѣ совершенія; чтобы не принуждали ихъ къ крестному ходу въ праздникъ Тѣла Христова и къ освященію огня предъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ; чтобы имъ удержать прежніе торжества и обряды, а священникамъ вольно было жениться; наконецъ, чтобы ихъ не принуждали ѣздить въ Римъ для утвержденія въ епископскомъ достоинствѣ. Все это, сообразно съ обстоятельствами, было имъ обѣщано. Тогда они отъ себя и отъ имени всего народа отдали честь подданства и принесли присягу, а подкоморій папскій, Сильвій Антонинъ, сказалъ имъ отъ лица папы: «Наконецъ, по прошествіи ста пятидесяти лѣтъ, возвращаетесь вы, епископы русскіе, къ камню вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Свою церковь, къ святой горѣ, на коей Богъ основалъ Свою обитель, къ матери и наставницѣ всѣхъ христіанскихъ церквей, къ святой римской церкви» и т. д.

Чтобы передать памяти потомства этотъ торжественный обрядъ, была выбита въ Римѣ медаль. На одной ея сторонѣ находится грудное изображеніе папы Климента VIII, а на другой папа сидитъ на престолѣ и у ногъ его лежитъ русскій епископъ, съ надписью: Ruthenis receptis 1596 *). Папа щедро одарилъ Поцея и Торлецкаго; нѣкоторые кардиналы и сановники двора пригласили ихъ къ своему столу **). Въ слѣдъ за ними папа послалъ письмо къ Си-

---

*) Кажется, это случилось 25 декабря, 1595 года по старому, а 4 генваря по римскому лѣтосчисленію, и отъ того на медали означенъ уже 1596 годъ.

**) Русины сначала не хотѣли ѣсть мясныхъ кушаньевъ за столомъ римскихъ прелатовъ, но тѣ съ насмѣшкой сказали имъ, что они, будучи въ уніи, смѣло могутъ уже отступить отъ стро-

гизмунду, въ которомъ ходатайствовалъ у короля о приня тіи ихъ въ число сенаторовъ; но имъ было отказано въ это почести, которой они такъ сильно добивались. Не тольк епископы польскіе не приняли ихъ въ сенатъ, даже и ка питула краковская, на погребеніи Сигизмунда III, не усту пила имъ добровольно первенства. Въ послѣдствіи, такж какъ и прежде, звали ихъ, изъ презрѣнія и для отличія владыками и епископами *).

Въ 1596 году депутаты, воротившись изъ Рима, нашл въ народѣ движеніе, негодованіе и большія замѣшатель ства **). Но это не устрашило ни ихъ, ни короля. Сигиз мундъ повелѣлъ митрополиту созвать соборъ къ 6 октябр 1596 года, для обнародованія окончательно-рѣшеннаго дѣ ла и введенія необходимо-слѣдовавшихъ за тѣмъ перемѣнъ Для предсѣдательства на этомъ соборѣ онъ назначилъ ка толиковъ: Димитрія Яна Суликовскаго, архіепископа Львов скаго, Мацѣіовскаго, епископа луцкаго, Гомолинскаго, епи скопа холмскаго, Христофора Радзивила, воеводу троцкаго Льва Сапѣгу, канцлера, Димитрія Халецкаго, казначея ли товскаго, и своего собственнаго казначея, іезуита Петра Скаргу,—въ званіи королевскихъ коммиссаровъ. Прибыли и русскіе епископы, а также князь Острогскій съ нѣкото рымъ числомъ своихъ приверженцевъ, но не такъ большимъ какъ ему хотѣлось, ибо этого ему не позволили, и мно жество иныхъ князей, сенаторовъ и русскихъ православ ныхъ дворянъ. Уже приближалось 6 октября, а боязли ваго митрополита трудно было отыскать. Наконецъ явил ся и онъ, 5 октября, передъ вечеромъ.

гихъ предписаній восточной церкви. См. рукопись, упомянутую выше въ прим. 38. „Престорога зѣло потребная."

*) Въ польскомъ языкѣ, когда рѣчь шла о католическомъ епископѣ, говорили „Biskup," но русскаго епископа для отличія называли „episcop."

**) Пясецкій, епископъ католическій и современникъ, въ своей хроникѣ, стр. 164 и 165, такъ пишетъ: Reversi illi in Poloniam secus quam sperarunt, aversos a se et ab unione illa caeterorum ritus istius ecclesiasticorum et secularium animos invenerunt.... Eam (unionem) impugnarunt et omnibus populis adeo exosam fecerunt, ut audito solo unionis nomine ab omni de eo tractatu prorsus abhorreant et nihil magis hocusque quam tumultus istorum seditiosi et querelae perennes pro unione et contra unionem Rempublicam turbant."

Противники уніи, не медля, въ тотъ же вечеръ, послали къ нему вывѣдать его мысли и спросить, чью сторону станетъ онъ держать? И онъ многократно и торжественно завѣрялъ, что къ уніи не пристанетъ и даже знать объ ней ничего не хочетъ *), но къ ночи противная сторона такъ передѣлала его, что на слѣдующій день онъ сталъ за унію и прекратилъ всякія сношенія съ прежней своей стороною. Въ этихъ обстоятельствахъ противники уніи избрали себѣ двухъ маршалковъ, одного духовнаго, а другаго свѣтскаго, для распоряженія дѣлами и представленія собору своихъ основныхъ положеній. Послѣ многоразличныхъ переговоровъ и споровъ, наконецъ состоялся соборъ 6 октября подъ предсѣдательствомъ архіепископа Суликовскаго, какъ начальника русскаго духовенства, соединеннаго съ Римомъ. Здѣсь, кромѣ выше упомянутыхъ королевскихъ коммиссаровъ католиковъ, со стороны уніи засѣдали: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы: Ипатій Поцѣй Владимірскій, Кирилъ Терлецкій луцкій, Іоаннъ Хохолъ пинскій, на мѣсто умершаго Пелчинскаго, Гермогенъ или, какъ пишутъ другіе, Германъ полоцкій, и Діонисій Збируйскій холмскій; также нѣкоторые польскіе паны и іезуиты. Они составляли римско-русскій или уніатскій соборъ, на которомъ, однако, не было ни одного русскаго пана. Противная сторона держала отдѣльный соборъ греко-русскій, не признавшій уніи. Его составляли, епископы: Гедеонъ Болобанъ львовскій, Михаилъ Копыстынскій перемышльскій, Никифоръ, протосингелъ церкви Константинопольской и легатъ цареградскаго патріарха, Кирилъ Лукарій, въ то время ректоръ острогской академіи, и позднѣе патріархъ цареградскій, на этотъ же разъ какъ протосингелъ александрійскаго патріарха, Никифоръ Туръ, архимандритъ кіевопечерскій, Григорій Болобанъ архимандритъ жидечинскій, Илья Плетенецкій, архимандритъ лещинскій, и множество иныхъ изъ высшаго и низшаго ду-

*) Самое большое вліяніе на слабаго митрополита оказалъ бывшій его протонотарій, Григорій Ивановичъ, котораго сторона, подкрѣплявшая унію, переманила къ себѣ, обѣщаніемъ ему отъ короля привилегіи на полоцкое архіепископство. Онъ-то убѣдилъ митрополита взять сторону королевскую.

ховенства; изъ свѣтскихъ: князь Константинъ Острогскій воевода кіевскій, множество князей, сенаторовъ, чиновниковъ и дворянства. Всѣ они, посовѣтовавшись отдѣльно подали уніатамъ письменное объявленіе и протестацію, что хотя они и пріѣхали, позванные королевскимъ универсаломъ, для устроенія единства и согласія, однако, узнавъ что митрополитъ уже открыто отступилъ отъ древняго вѣроученія и принялъ безъ ихъ воли и согласія римскіе обряды, видятъ, что имъ не о чемъ уже болѣе совѣщаться, остается только согласиться на сдѣланное другими; и потому, собравшись въ отдѣльномъ засѣданіи и выслушавши мнѣніе дворянскихъ пословъ, созванныхъ епископовъ и членовъ православной церкви, постановляютъ: 1) чтобы всѣ духовные, отступившіе отъ повиновенія патріарху цареградскому, были лишены своего сана; 2) чтобы не дѣлать ни какихъ перемѣнъ въ вѣрѣ безъ соизволенія патріарха; 3) чтобы ни подъ какимъ видомъ не принимать римскаго лѣтосчисленія (календаря). Этимъ объясненіемъ, торжественно поданнымъ и обнародованнымъ, они не только не приняли уніи, утвержденной присягою въ Римѣ, но и настоящій соборъ не признали дѣйствительнымъ. Когда городское начальство Берестя, боясь короля, не хотѣло принять этой протестаціи, подписанной всѣми духовными и свѣтскими противниками уніи и скрѣпленной печатями, то она была внесена въ новогородскіе акты; другая особая протестація отъ князя Острогскаго была записана въ сеймовыя книги въ Варшавѣ въ 1596 году *), а третья отъ сенаторовъ и дворян-

*) Сярчинскій въ „Изображеніи вѣка Сигизмунда II“ (т. II стр. 45), и въ другомъ мѣстѣ, пишетъ, что сначала князь Константинъ Василій Острогскій благопріятствовалъ намѣренію соединить оба вѣроисповѣданія, и просилъ папу Григорія XIII прислать ему славянскую библію, объявляя свое согласіе принять желанное соединеніе; но раздосадованный тѣмъ, что въ дѣлѣ уніи и посольствѣ въ Римъ не обратили на него вниманія и не отправили посломъ, а еще болѣе тѣмъ, что русскимъ епископамъ было отказано въ мѣстѣ въ сенатѣ, остался на сторонѣ отщепенцевъ. Но дѣло совершенно иначе происходило. Князь Острогскій желалъ получить библію изъ Рима, но желалъ потому только, что поручилъ отыскивать по всей Европѣ списки Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ для изданія ихъ въ своей типографіи, что

скихъ пословъ включена княземъ Юріемъ Друцкимъ-Горскимъ въ городскіе радзѣевскіе акты.

дѣйствительно и сдѣлалъ съ большимъ иждивеніемъ въ 1581 году. О принятіи уніи онъ никогда не помышлялъ, и самъ Сярчинскій пишетъ далѣе: „Онъ былъ самымъ пламеннымъ почитателемъ своей благочестивой вѣры и обрядовъ.“ Но спрашиваю: человѣкъ, который самымъ ревностнымъ образомъ исповѣдуетъ свою вѣру, можетъ ли быть способнымъ на то, чтобы играть ею и мѣнять, ее, какъ одежду? Только тотъ, кто внутренно убѣжденъ доказательствами истины, или легкомысленный равнодушецъ, можетъ мѣнять, перемѣнять и измѣнять вѣру, въ который былъ воспитанъ. Дружеское письмо князя ко львовскому братству отъ 6 декабря 1581 года, помѣщенное въ Кіевлянинѣ на 1841 годъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много скорбѣлъ онъ, что сынъ его, Константинъ литовскій крайчій, отступилъ отъ отцовской вѣры, и сколько заботливости, сколько мѣръ различныхъ, употреблялъ онъ, чтобы и другой его сынъ, Александръ, не дѣлалъ того же! Нерасположенія къ уніи, будто бы съ того, что не отправили его посломъ въ Римъ, также нельзя допустить. Кто изъ князей Острогскихъ бывалъ когда либо посломъ? Могло ли статься, чтобы вельможа, который жилъ, какъ царь, и былъ столько могуществен, какъ самъ Сярчинскій свидѣтельствуетъ; у котораго во владѣніяхъ было болѣе 600 церквей (стр. 44); котораго одинъ сынъ былъ господиномъ половины Руси (с. 42), и по смерти своей, кромѣ серебра, драгоцѣнныхъ камней и жемчугу, однимъ угорскимъ золотомъ оставилъ 300,000 червонцевъ въ наличности; котораго другой сынъ, Александръ, воевода волынскій, велѣлъ сорвать цѣпи, замыкавшія ворота королевскаго замка, чтобы свободнѣе въѣхать къ королю со всею своею многочисленною свитою; который имѣлъ десять мильоновъ ежегоднаго дохода (с. 45); *) у котораго сенаторъ, польскій воевода,

*) Считая 1,200,000 зл. (сходно съ таблицею, помѣщенною Нѣмцевичемъ въ исторіи царствованія Сигизмунда III, на стр. LXXXIII Вступленія), по цѣнѣ тогдашней монеты—9 за одинъ, мы получаемъ сумму десяти мильоновъ восми сотъ тысячъ польскихъ злотыхъ. Такъ и Свенцкій во II т. (стр. 54) вычислилъ ее по таблицѣ Чацкаго до 10,000,000 злотыхъ, что составило бы 1,800,000 нынѣшнихъ серебр. руб. Могущество и значеніе Константина были велики: это показываетъ и то обстоятельство, что одного его сына, еще при жизни отца, король сдѣлалъ первымъ сенаторомъ, т. е. краковскимъ каштеляномъ и, сверхъ уже принадлежавшихъ ему владѣній, далъ еще (можетъ статься за перемѣну вѣры) почти всѣ большія русскія староства, какъ то: владимірское переяславское, бѣлоцерковское, черкасское, каневское и бо-

Соборъ римско-русскій не уважилъ этой протестаціи, въ тотъ же день, т. е., 9 октября, 1599 года, прочитан была въ церкви Св. Николая папская булла, коей обнаро дована унія. Гермогенъ, епископъ полоцкій, отслужил литургію по-русски, съ измѣненіями, приноровленными к уніи, при чемъ іезуитъ Скарга говорилъ проповѣдь, а н слѣдующій день, т. е. 10 октября, тотъ же соборъ про клялъ противную сторону и низложилъ епископовъ львов скаго и перемышльскаго, также архимандритовъ, игуме

служилъ маршалкомъ двора за 70,000 ежегоднаго жалованья котораго весьма часто окружали двѣ тысячи пановъ русских и польскихъ въ званіи придворныхъ и пажей (с. 45); который в услуженіи у себя имѣлъ даже русскихъ князей, а по нѣкоторым писателямъ, самихъ Гедиминовичей (князь Евстафій Ружинскій бы у него кіевскимъ намѣстникомъ, какъ свидѣтельствуетъ подлин никъ); который справедливо именовалъ себя потомкомъ св. Вла диміра; могло ли статься, повторяю, чтобы столь могущественны князь пожелалъ отправиться посломъ въ Римъ и на колѣнах отрекался вѣры, которую предокъ его насадилъ на Руси? Точн такимъ же образомъ и другая причина, отказъ русскимъ еписко памъ въ сенаторскихъ мѣстахъ, несостоятельна. Зачѣмъ ему до биваться, чтобы русскіе епископы сидѣли съ нимъ вмѣстѣ в сенатѣ,—ему, который въ своей особѣ представлялъ двухъ, луц каго и острогскаго; у котораго Кирилъ Лукарій, въ послѣдстві патріархъ константинопольскій, былъ ректоромъ острогской ака деміи и получалъ жалованье? Стало быть, не иное что могло быт причиною, удержавшею его въ вѣрѣ отцовъ, какъ та ревност о которой пишетъ Сярчинскій. Нельзя ручаться, чтобы съ не не были соединены и другія побужденія. Кто можетъ сказат навѣрное, что Константинъ, зная великую привязанность народ къ своему дому, не помышлялъ, что кто-нибудь изъ его потом ковъ, удержавши древнюю русскую вѣру, отличную отъ польской воскресить и древнюю южнорусскую державу? Эта догадка очен правдоподобна. Можетъ статься, такое предположеніе острогскаг не было тайной для польскаго двора, и оно-то, вѣроятно, послу жило причиною паденія столь могущественнаго дома, который, н смотря на то, что его составлялъ старикъ и съ нимъ трое сын вей, въ царствованіе Сигизмунда совершенно прекратился. Та кая же участь постигла и прочихъ князей, происходившихъ из одного рода съ Острогскимъ, т. е., Заславскихъ: далѣе, не менѣ

гославское; а другаго сына, Александра, отщепенца, возвел въ санъ волынскаго воеводы. Не менѣе замѣчательно и то что Константинъ хотѣлъ явиться на соборъ съ 20,000 во оруженныхъ, чего впрочемъ король ему не позволилъ.

ковъ и протопоповъ. На оборотъ, соборъ греко-русскій, въ 17 день октября, низложилъ митрополита съ епископами уніатами, какъ отщепенцевъ, и передалъ ихъ проклятію**). А король, съ своей стороны, 15 декабря, не смотря на то, что неуніаты отправили къ нему пословъ съ просьбою, чтобы онъ, помня свою королевскую присягу, не вмѣшивался въ дѣла совѣсти и держалъ ихъ при прежнихъ правахъ и свободномъ вѣроисповѣданіи, не допустивши къ себѣ пословъ одобрилъ дѣйствія римско-русскаго собора, а тѣхъ, которые приняли противное ему и вошли въ связи съ чужими (т. е., патріархомъ), осудилъ.

Такъ началась унія, которая обрушила необозримый рядъ бѣдствій не только на раздвоенный ею народъ русскій, но и на поляковъ. Ручьями лилась братняя кровь, гоненіямъ не было конца. Унія подала знакъ къ страшнымъ козацкимъ войнамъ, истребившимъ до мильона лю-

---

русскихъ князей Збаражскихъ, Корецкихъ *) и др. которые всѣ, при сыновьяхъ Сигизмунда, сошли съ театра свѣта, и на развалинахъ ихъ домовъ появились новые польскіе роды: Конецпольскихъ, Любомирскихъ, Потоцкихъ, и т. п. Кто можетъ навѣрное сказать, по чьему наущенію послѣдній приверженецъ русской вѣры, князь Александръ Острогскій былъ отравленъ (Сярчинскій II, стр. 46)? Впрочемъ, все это простыя напрасныя догадки, которыя можно упомянуть въ исторіи, но выдавать за самую истину нельзя. Случаи умышленнаго отравленія не были рѣдкостью. И Гедеону Болобану было послано письмо, напитанное ядомъ, которое однако же, его миновало, но по поводу котораго начато было судебное слѣдствіе.

*) Называю ихъ русскими, равно какъ и другихъ, на пр. Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ и т. п. Уже выше изложилъ я мое сомнѣніе на счетъ тѣхъ родословныхъ, которыя выводятъ происхожденія упомянутыхъ домовъ отъ Гедимина и Ольгерда. Одинъ только домъ князей Слуцкихъ былъ въ родствѣ съ владѣтельнымъ родомъ, Гедимино-Ягайловымъ, черезъ сестру Витовта, жену Андрея Ивановича, князя кіевскаго, и мать Софьи, четвертой жены Ягайлы. Только этотъ домъ Олельковичей-Слуцкихъ пользовался въ Польшѣ и Литвѣ особенными почестями, отличавшими его отъ другихъ князей, единственно потому, что былъ связанъ кровными узами съ родомъ, сидѣвшимъ на престолѣ.

**) Engel, с. 105. Бантышъ-Каменскій с. 169.

*) Piasecki, стр. 138—164. Węgierski, стр. 463—477. Niemcewicz; Dzieie, стр. 333. Siarczynski, въ Pszczole 197—200.

дей, обратившимъ въ пустыню богатыя русскія области и приведшимъ къ паденію, подкопанное уже безначаліемъ, зданіе Польскаго Государства.

Д. Зубрицкій.

(Перевелъ съ польскаго рукописнаго подлинника Ап. Майковъ).

О ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ СТАРО-КОНСТАНТИНОВѢ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острогскій,—человѣкъ набожный и благочестивый, отстаивавшій всѣми возможными способами православіе отъ латинства и протестантства, позаботился о томъ, чтобы въ новосозданномъ имъ городѣ, носившемъ его имя, Константиновѣ, было достаточно храмовъ Божіихъ, въ которыхъ поселившіеся въ немъ православные возносили бы молитвы свои къ Богу;—онъ позаботился и о томъ, чтобы въ Константиновѣ для народа православнаго, чтившаго православіе, какъ святыню, завѣщанную ему предками его, было достаточно пастырей духовныхъ которые поддерживали бы здѣсь православіе и укрѣпляли своихъ пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи;—онъ, этотъ знаменитый поборникъ православія, позаботился и о томъ, чтобы настоятели константиновскихъ церквей были обеспечены въ матеріальномъ отношеніи,—и по этому для каждой изъ вновь построенныхъ въ Константиновѣ церквей онъ предоставилъ: поля, лѣса, сѣнокосы и разные доходы.

Въ г. Староконстантиновѣ, во 2-й половинѣ 16 вѣка, при князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острогскомъ было построено 5-ть церквей: четыре въ самомъ городѣ, а одна на предмѣстьѣ,—двѣ каменныхъ, а три деревянныхъ; въ 17 вѣкѣ, когда уже пресѣкся родъ князей Острогскихъ, въ г. Староконстантиновѣ еще было построено двѣ деревянныхъ церкви—на новомъ мѣстѣ; церкви эти слѣдующія:

1. Свято-троицкая каменная, въ замкѣ.

2. Соборная, Успенія пресвятыя Богородицы-каменная, въ городѣ.

3. Св. Великомученика Георгія,—деревянная, въ предмѣстьи.

4. Церковь Воскресенская,—деревянная, въ городѣ.

5. Церковь Спасская, деревянная, въ городѣ.

6. Церковь Честнаго креста, деревянная, въ предмѣстьи.

7. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, деревянная, въ предмѣстьи.

Изъ вышеозначенныхъ церквей—пять существовало въ 16 столѣтіи, а именно: Свято-троицкая, Успенская, Св. Великомученика Георгія, Воскресенская и Спасская; одна изъ нихъ, церковь Георгіевская сгорѣла въ концѣ того столѣтія,—по этому то въ инвентарѣ г. Староконстантинова 1610 года показано только четыре священника Староконстантиновскихъ церквей: Свято-троицкой, Успенской, Воскресенской и Спасской, дома которыхъ были свободны отъ платежа чинша.

Въ 1646 году было пять церквей: Свято-троицкая, Успенская, Воскресенская, Спасская и Честнаго креста.

Въ инвентарѣ 1728 года показано только три церкви: Свято-троицкая, Успенская и Воскресенская.

Въ инвентарѣ 1754 года показано также три церкви, неизвѣстно какихъ, но по всей вѣроятности, церкви: Свято-троицкая, Успенская и Рождество Богородичная.

Церковь Свято-троицкая, каменная, замковая, придворная церковь князя Константина Острогскаго; онъ здѣсь молился—изъ замка; изъ комнатъ дворца былъ выходъ на хоры этой церкви; церковь эта и теперь существуетъ и носитъ названіе замковой; когда именно она построена—неизвѣстно; по всей вѣроятности, тогда она построена, когда и замокъ; замокъ же начался строиться въ 1561 году, пусть онъ строился лѣтъ 10,—въ такомъ случаѣ онъ оконченъ и церковь замковая также въ 1571 году.—Въ 1581 и 1594 годахъ, князь Константинъ Константиновичъ Острогскій, воевода кіевскій, маршалъ земли Волынской, далъ настоятелямъ этой церкви права: на селеніе Иршики *) и на отбираніе мѣрки дня десятаго въ староконстантиновскихъ мельницахъ (которыхъ было 5-ть); права эти бы-

*) С. Иршики Староконстантиновскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

ли аппробованы въ августѣ 1607 г. каштеляномъ краковскимъ, княземъ Янушемъ Острогскимъ, а въ октябрѣ 1646 года воеводой сандомірскимъ, княземъ Владиславомъ—Доминикомъ на Острогѣ и Заславѣ;—этотъ послѣдній подтвердилъ означенныя права, *по просьбѣ* (Supliko) мѣщанъ константиновскихъ, прихожанъ той церкви.— Въ настоящее время Свято-Троицкая церковь имѣетъ земли усадебной: въ городѣ одну десятину 249 сажень, а за городомъ—за р. Случью, гдѣ живетъ настоятель этой церкви о. Георгій Качковскій, 3 десятины 1130 квадр. саженъ, пахатной земли 43 десятины 1744 квадр. саженъ, сѣнокосной 19 десят., лѣсу одна десятина и 450 сажень. Эрекція на эти земли дана церкви княземъ Станиславомъ Любомірскимъ 11 ноября 1779 года, а на лѣсъ княземъ Янушемъ—Александромъ Сангушко, 22 января 1763 г.

Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, каменная, существовала уже въ 1590 году; князь Константинъ Острогскій далъ этой церкви въ Острогѣ 16 іюля 1590 года право на хуторъ и на домъ Краковниковъ—и чтобы судъ свѣтскій не вмѣшивался въ дѣла духовенства и не судилъ этихъ дѣлъ; 29 іюня 1562 года князь Константинъ Острогскій далъ въ городѣ Острогѣ настоятелю этой церкви право пользоваться каждую недѣлю тремя колесами ночью и днемъ каждую пятницу въ мельницахъ константиновскихъ—и тоже года 23 мая онъ далъ право и на другіе доходы (неизвѣстно какіе).

Церковь эта и теперь существуетъ; она была соборной, а теперь, когда соборная церковь устроена въ бывшемъ доминиканскомъ монастырѣ, она приписана къ соборной.— При этой церкви земли: усадебной внутри города $^2/_3$ десятины, внѣ города $1^1/_3$ десятины, пахатной въ 3-хъ смѣнахъ 36 десятинъ, сѣнокосной 8 десятинъ; лѣсу нѣтъ.

При этой церкви и при церкви замковой было церковныхъ крестьянъ, поселенныхъ на церковной землѣ, 89 душъ (въ 1859 году); по какому случаю и на какомъ основаніи они были поселены тамъ—и откуда они взяты—неизвѣстно; извѣстно только то, что они отбывали барщину священникамъ по дню въ недѣлю отъ двора; люди эти въ недавнее время переданы въ казенное вѣдомство и выселены изъ Староконстантинова на земли казенныя.

Церковь св. Великомученика Георгія существовала уже въ 1574 году; она находилась на предмѣстьи г. Константинова (но за р. Случью или на новомъ мѣстѣ—неизвѣстно); князь Константинъ Острогскій далъ этой церкви два права: а) 4 августа 1574 года, писанное въ Константиновѣ, на взятіе мѣрки, каждую пятницу, въ мельницѣ с. Воронковецъ **) и тогда же даны поля; б) право, писанное въ Звяглѣ 8 августа 1575 года, которымъ назначались къ этой церкви прихожанами крестьяне селеній: Воронковецъ, Пашковецъ ***) и Вербородинецъ, ****) а также 20 человѣкъ, жителей г. Староконстантинова, прихожанъ церкви Спасской, и 20 человѣкъ, жителей городскихъ, прихожанъ церкви Воскресенской.—Церковь эта передъ 1593 годомъ сгорѣла.

Церковь Воскресенская существовала уже въ 1575 году, деревянная; она находилась подлѣ городской ратуши, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь рынокъ; и этой церкви князь Константинъ Острожскій предоставилъ: поля, хуторъ, сѣнокосъ; права на взятіе мѣрки въ мельницѣ с. Воронковецъ; 16 марта 1593 года князь Острожскій правомъ, писаннымъ въ г. Дубнѣ, отдалъ настоятелю этой церкви приходъ, принадлежавшій къ церкви Георгіевской, сгорѣвшей; права эти аппробованы въ г. Заславѣ 23 октября 1646 года княземъ Владиславомъ—Доминикомъ Заславскимъ, воеводой сандомірскимъ.

Церковь Спасская также существовала уже въ 1575 году; она была деревянная, находилась на томъ мѣстѣ, которое лежитъ между теперешними: уѣзднымъ казначействомъ и аптекой г. Циммермана. Князь Константинъ Острогскій 5 мая 1603 года—въ г. Острогѣ, далъ этой церкви право, въ которомъ объявляетъ, что онъ настоятелю церкви св. Спаса отцу Матвѣю отдаетъ приходъ—четвертую часть города въ духовное завѣдываніе, а также даетъ два колеса мучныхъ и третье отъ ступы каждой пятницы

**) С. Воронцы, на р. Случи, въ 7 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

***) С. Пашковцы, на р. Икопоти, въ 4-хъ верстахъ отъ г. Староконстантинова.

****) С. Вербородинцы, въ 10 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

день и ночь въ с. Пашковцахъ, а также поля и сѣнокосы; право это аппробовалъ 23 октября 1646 г. Князь Владиславъ—Доминикъ Заславскій, воевода сандомірскій.

Церковь Честнаго-Креста, деревянная, она находилась на Новомъ мѣстѣ,—на «Старикахъ» и называлась Старицкою; построена была она въ 1640 году; поля сѣнокосы и хуторъ далъ этой церкви въ 1641 году князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, воевода сандомірскій.

Церковь Рождества Богородицы, деревянная на Новомъ мѣстѣ, она называлась «Новомѣйскою и Шиховскою *), когда именно она построена—неизвѣстно; извѣстно только то, что она существовала уже въ 1687 году,—это доказываетъ находящійся въ той церкви св. Антиминсъ, на толстомъ холстѣ, съ такою надписью на срединѣ креста: «Божественный и священный алтарь Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа освященъ благодатію всеосвящающаго и животворящаго духа. Руководѣйственъ же и благословенъ боголюбивымъ господиномъ отцемъ Аѳанасіемъ Шумлянскимъ, милостію Божіею епископомъ луцкимъ и острожскимъ, прототроніемъ митрополіи кіевской» А внизу: при державѣ всесвѣтлаго короля Іоанна третего. Року Бож. 1687 мѣсяца дня положенъ въ храмѣ.»—Въ 1736 году церкви этой были выдѣлены поля сѣнокосъ и хуторъ, подлѣ хутора церкви Воскресенской. Въ 1807 году, вмѣсто деревянной церкви, построена была каменная церковь Рождества Богородицы священникомъ Николаемъ Палецкимъ и прихожанами. Церковь эта и теперь существуетъ. Эрекція на церковныя угодія этой церкви дана 5 іюля 1775 года княземъ Станиславомъ Любомірскимъ; вотъ эти угодія въ настоящее время: земли усадебной съ огородами 3½ десятины, пахатной въ 3-хъ смѣнахъ всего 40 десятинъ, сѣнокосной 8 десятинъ и лѣсу 9 десятинъ.

И такъ въ г. Староконстантиновкѣ при князѣ Константинѣ Острогскомъ было церквей немало; онѣ и духовенство при нихъ были обезпечены, матеріально, достаточнымъ образомъ; но князь Константинъ Острожскій уми-

---

*) Отъ рѣки Шиховки, протекающей подлѣ Новаго мѣста, и впадающей въ р. Случь здѣсь же подъ городомъ.

раетъ, а вскорѣ послѣ его смерти и весь родъ его угасаетъ; огромныя имѣнія князей Острогскихъ переходятъ въ родъ князей Заславскихъ, окатоличившихся,—и духовенство константиновское, лишившееся православнаго своего патрона, начинаетъ испытывать вмѣшательства въ свои дѣла владѣльцевъ г. Староконстантинова и управляющихъ ихъ.—Такъ въ 1646 году, при князѣ Владиславѣ Доминикѣ Заславскомъ,— въ г. Староконстантиновѣ между тамошнимъ духовенствомъ вышли споры и недоумѣнія на счетъ доходовъ ихъ съ мельницъ и изъ другихъ источниковъ; вслѣдствіе этого князь Заславскій даетъ приказъ своимъ управляющимъ, чтобы они составили списокъ всѣхъ священниковъ константиновскихъ имѣній, вникнули въ ихъ споры, и приказали явиться имъ въ г. Дубно къ его сіятельству, для представленія ему своихъ правъ на угодія церковныя и на доходы,—на 7-е число марта 1647 года; если же кто нибудь изъ нихъ (всѣхъ священниковъ было 26) не явится на срокъ въ г. Дубно, то подвергнется штрафу въ казну князя 20 копъ грошей литовскихъ.

Эрекціи князя Острогскаго на церковныя угодія уже князь Заславскій неохотно подтверждалъ; такъ, права, данныя княземъ Константиномъ Острогскимъ церкви замковой на с. Иршики и доходы съ мельницы г. Константинова онъ подтвердилъ только вслѣдствіе просьбы, ходатайства (za suplika) мѣщанъ константиновскихъ, прихожанъ той церкви; преемники же князя Заславскаго, по всей вѣроятности отняли у этой церкви вышеозначенныя права.

Когда именно водворилась унія въ с. Константиновѣ— неизвѣстно; извѣстно только то, что новомѣйская Рождество Богородичная церковь еще въ 1687 году была православная; это видно изъ того, что св. Антиминсъ для этой церкви въ 1687 году былъ освященъ епископомъ луцкимъ и острогскимъ Аѳанасіемъ Шумлянскимъ, который былъ православнымъ луцкимъ епископомъ, а не уніатскимъ, съ 1687 года по 1695 годъ.

Церковь соборная Успенія Пресвятыя Богородицы въ 1631 году была еще православною; это видно изъ письма епископа луцкаго Пузины, бывшаго православнымъ луцкимъ епископомъ въ 1631 году, которое предъявлялъ кон-

стантиновскій протопопъ Іосифъ Бульба въ 1946 году управляющимъ князя Владислава Доминика Заславскаго.

Съ вѣроятностью можно полагать, что православны жители г. Староконстантинова сдѣлались уніатами и церкви константиновскія уніатскими не раньше 40-хъ годо 18 столѣтія; вотъ основанія этого предположенія: извѣстно, что по введеніи брестской уніи (въ 1596 году) оставшіеся въ предѣлахъ Польши и Литвы православны терпѣли постоянныя гоненія. Короли, паны, ксендзы, особенно іезуиты постоянно думали и заботились о том чтобы всѣхъ русскихъ и православиыхъ, подданныхъ Польши, ополячить и скатоличить—Я небуду говорить здѣсь о тѣхъ жестокостяхъ, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя терпѣли православные отъ поляковъ католиковъ и отъ уніатовъ; я скажу здѣсь только то, что Волынь была земл многострадальная, что всѣ терзанія, всѣ оскорбленія пережитыя русскимъ народомъ на Волыни, во время ственнаго введенія уніи, забыть трудно, невозмож скіе паны, бывшіе неограниченными властителями въ с ихъ имѣніяхъ, были собственниками, патронами русских православныхъ храмовъ; они самовластно распоряжали православными храмами и отдавали ихъ вмѣстѣ съ корчмами въ аренду жидамъ.—Еще до начала 18 вѣка православные кое какъ держались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; в началѣ 18 вѣка былъ еще въ Луцкѣ православнымъ епископом Кириллъ Шумлянскій, но разныя несправедливости и гоненія уніатовъ заставили его удалиться изъ Луцка въ 1711 году; послѣ него уже не было на Волыни православныхъ епископовъ, во время польскаго владычества; уніаты завладѣли здѣсь всѣмъ. Епископы уніатскіе отбирали антиминсы кіевскіе и св. муро и раздавали свое; въ 1720 году открыто утверждены были уже епархіи: перемышльская львовская и луцкая и перешли въ унію. Если еще гдѣ оставались православные монастыри и приходскія церкви, то они подвергались неслыханному изувѣрству уніатовъ и католиковъ; ихъ обращали въ унію насильно; православныхъ иноковъ грабили, изгоняли и умерщвляли.—Наконецъ, для того, чтобы окончательно доконать православныхъ, епископы польскіе исходатайствовали у короля универсалъ въ 1747 году—не иначе поставлять православныхъ священ

ииковъ, какъ только пó соизвѣленію самаго короля, и помѣщики чтобы давали одобрительныя грамоты священникамъ только такимъ, которые соглашались на унію.— тимъ окончательно добили православныхъ. У нихъ не было уже ни епископа, ни священниковъ, по неволѣ они лжны были сдѣлаться уніатами!

Вотъ въ эти-то ужасные для православныхъ годы, церкви староконстантиновскія, по всей вѣроятности, сдѣлались уніатскими!

Въ 1771 году церкви константиновскія: Рождества Пресвятыя Богородицы и Успенія Пресвятыя Богородицы были уже уніатскія; въ томъ году, вотчинникъ Староконстантинова, князь Янушъ Сангушко писалъ къ епископу луцкому и острогскому, съ Божіей «и столицы апостольской» милости Екзарху митрополіи кіевской и галицкой есть вакансія настоятеля въ Константиновѣ церкви Успе- Матери грекоуніатскаго исповѣданія; по этому ушко презентуетъ епископу священника Булковго просить утвердить его тамъ, а онъ Сангушко ставляетъ его при правахъ, данныхъ предшественниками Сангушко съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ единствѣ вѣры и послушаніи римско-католическаго костела до конца своей жизни.»

Тогда же Сангушко представлялъ тому же уніатскому епископу, объ утвержденіи настоятелемъ церкви Рождество-Богородичной въ г. Староконстантиновѣ Алексѣя Палецкаго—на тѣхъ же условіяхъ.

Въ 1793 году Россія возвратила себѣ древнѣйшее достояніе свое на западѣ—Волынь; Императрица Екатерина II-я возвратила православной церкви около полутораста тысячь сыновъ ея (съ 1754—1796 г.), отторгнутыхъ отъ нея лукавствомъ и насиліемъ; въ это время и церкви константиновскія сдѣлались опять православными.

9.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКІЙ.

Извлеченіе изъ матеріаловъ для Географіи и Статистики. Грод. губер. (П. Бобровскаго).

Брестъ-Литовскій (Берестье, Brescia, Brzest, Brześć), въ древности Брестье русское—„Brsescia Ruthenicale". На правомъ береду западнаго Буга, при сліяніи съ нимъ р. Шлеерки и р. Муховца, соединяющаго посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала (Королевскаго) рѣку Припеть съ р. Бугомъ — Черное море съ Балтійскимъ, расположена первоклассная крѣпость, воздвигнутая на мѣстѣ древняго города, который перенесенъ на двѣ съ половиною версты на сѣверо-востокъ, образуя Кобринскій форштадтъ; на противуположной сторонѣ Мухавца, въ такомъ же почти разстояніи отъ крѣпости находится форштатъ Волынскій, у на лѣвой сторонѣ Буга, верстахъ въ 4-хъ, виднѣется мѣстечко Тересполь.

Пространныя полосы болотъ, образуемыемыхъ при сліяніи р.р. Буга и Шлеерки, недоступныхъ къ жительству и весною заливаемыхъ водою, раздѣляли старый Брестъ на пять частей. Главная часть города съ находящимися въ ней присутственными мѣстами, гостиннымъ дворомъ, остатками каменнаго города и лучшими городскими зданіями лежала на правомъ берегу Буга. Противъ нея на югъ, при сліяніи Буга и Мухавца, на высотѣ, возвышающейся надъ городомъ, стоялъ древній замокъ. Судоходная рѣка, обширныя болота, простирающіяся далеко на востокъ, и лѣса на сѣверъ и югъ отъ г. Бреста, съ давнихъ временъ придавали этому пункту весьма важное военное значеніе.

Отъ Дурячей, верстахъ въ 30 отъ Бреста, и отъ Ковеля, въ Волынской губерніи, по обѣимъ берегамъ р. Припети, расширяясь все более и более на востокъ, тянется обширная полоса лѣсовъ и мшистыхъ болотъ, почти неприступныхъ, съ безчисленнымъ множествомъ озеръ, рѣчекъ и ручьевъ. Границы *Полѣсья* (1) трудно опредѣлить съ точностью; сѣверная его окраина (Tractus Polesiensis), начинаясь у Бреста, простирается до верховьевъ Березины и Друца, мимо Кобрина, Слонима и Слуцка; южная мимо Влодавы, Ковеля, Клевани идетъ до Радомысла и далѣе по Днѣпру до впаденія въ него Тетерева. въ центрѣ этаго низменнаго, лѣсисто-болотистаго пространства расположенъ Пинскъ. На этихъ рубежахъ, лѣса и болота не прекращаются; напротивъ они въ разныхъ мѣстахъ соединяются въ болотистыми и лѣсистыми полосами западнаго пограничнаго пространства Россіи.

Извѣстія о Полѣсьи достигаютъ временъ древнѣйшихъ. Еще при Геродотѣ бассеинъ верхней Припети былъ залитъ водою; тутъ было обширное озеро, принимавшее рѣки *Оаръ*, *Сіургисъ*, *Ликъ* и *Танаисъ* (Горынь), *Стырь*, *Струменъ*, *Случь* (Валинскій). До сихъ поръ преданіе сохраняетъ смутные толки о какомъ-то невѣдомомъ морѣ; *Гречинское* болото (10 верстъ на югъ отъ Слуцка) въ устахъ туземцевъ считается высохшимъ заливомъ (2), того же невѣдомаго, скажемъ—пинскаго, моря. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь, въ этихъ болотахъ, открывали нерѣдко обломки корабельныхъ снастей, якоря, янтарь и кости морскихъ животныхъ; самое свойство почвы и необыкновенная впадина относительно уровня моря заставляютъ естествоиспытателей и геологовъ вѣровать въ Геродотово море; нѣкоторые даже утверждаютъ, что оно имѣло подземное сообщеніе съ Чернымъ моремъ (3). Разной величины острова, разсѣянные по болотистому Полѣсью, предста-

(1) Польскіе жители названіе Подлясье производятъ отъ слова подъ лѣсомъ (pod lasem), хотя въ этой странѣ лѣса были въ изобиліи. У русскихъ лѣтописцевъ страна по правую сторону р. Буга называется *Подляхіей*, отъ слова подъ *ляхами*; также точно ее называютъ жители Пружанскаго и Волковыскаго уѣздовъ; у нихъ *подляшукъ*, означаетъ жителя бывшей Бѣлостокской области, а *полѣшукъ*, а чаще *пинчукъ*, жителя Полѣсья.

(2) Podróż Kontryma po Polesiu, Raczyńskiego. Poznań 1839. Starożytna Polska III, 835.

(3) Тамъ же.

имѣютъ какъ бы оазисы, на которыхъ ростетъ густая и высокая трава, родится разнаго рода хлѣбъ и растутъ деревья; эти плодородные оазисы даже въ самое сухое лѣто доступны не иначе, какъ при помощи верблюдовъ. Здѣсь-то живутъ почти въ первобытномъ состояніи *полѣсяне*, вѣрнѣе *полѣщуки* и даже *пинчуки*, занимающіеся хлѣбопашествомъ и ловлею вьюновъ (piskorzy), составляющихъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ существованія неприхотливаго семейства. Съ наступленіемъ рабочаго времени, семейство полѣщука покидаетъ свою хижину и со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ у домашнею утварью переселяется на островъ. Тутъ, среди роскошной травы, высотою въ поясъ, среди разныхъ видовъ хлѣба, ржи, пшеницы, овса, дающихъ прекрасные урожаи, среди необозримыхъ и неприступныхъ болотъ, уединенно стоитъ убогая хижина, построенная изъ хвороста и листьевъ, едва охраняющая отъ непогоды. Въ этомъ, почти полудикомъ семействѣ, хотя и озаренномъ свѣтомъ евангелія, сохраняются еще преданія языческія, обычаи первобытной старины, временъ VIII и IX вѣковъ.

Природа Полѣсья и его необозримыхъ болотъ, этой мертвой страны, въ которой рѣдко гдѣ услышишь голосъ человѣка, оживляется только несмѣтными стаями птицъ, летающихъ въ воздухѣ, наполненномъ зловредными испареніями. Славяне, называемые у готлянцевъ *будинами*, жили съ самыхъ давнихъ временъ въ Полѣсьи, чрезъ которое съ сѣвера на югъ проходили готы, а въ VIII и IX столѣтіяхъ появились здѣсь варягоруссы, положившіе основаніе первыхъ городовъ (замковъ, укрѣпленій (1).

Исторію г. Бреста можно раздѣлить на четыре періода. Первый періодъ, отъ основанія Бреста до завоеванія его литовцами, обнимаетъ три или четыре столѣтія; во второмъ періодѣ разсмотримъ Брестъ подъ господствомъ Литвы, т. е. до люблинскаго соединенія или лучше до брестскихъ соборовъ, давшихъ начало религіозной уніи, здѣсь два столѣтія. Въ третьемъ опишемъ ходъ

(1) Тамъ же. Въ 1650 году издана была топографическая карта *Полѣсья* подъ названіемъ: Nova et nunc primum, Daniele Zwickero. Med. D. и проч. MDCL. Эта первая карта Полѣсья приложена къ статьѣ, читанной Ганелемъ въ с.-петербургской академіи наукъ 4 мая 1863 года. Статья Ганеля переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: Wiadomość historyczna o czerwcu araratskim i polskim. Wilno 1837. S. B. G. (Стат. Горскаго).

событій, отразившихся на Брестѣ, по соединеніи Литвы съ Польшею, тоже два столѣтія и потомъ, въ четвертомъ, состояніе города по возвращеніи западныхъ губерній къ Россіи,—на сколько позволяютъ собранные матеріалы.

а) Историческое обозрѣніе.

I.

По преданію, на берегахъ р. р. Мухавца и Буга первоначально была построена церковь какимъ-то купцомъ, завязшимъ въ болотахъ, изъ которыхъ удалось ему выбраться при помощи срубленной *бересты*. Около церкви вскорѣ появилось славянское населеніе. Когда именно совершилось это событіе въ точности неизвѣстно. Балинскій полагаетъ (1), что уже въ X столѣтіи славяне имѣли здѣсь свой укрѣпленный замокъ. *Ярошевичь* ясно говоритъ, что Брестъ основанъ въ 1018 году (2), у *Карамзина* о Брестѣ въ первый разъ упоминается въ 1099 году, во время борьбы Давида Игоревича, внука Ярослава (1093—1112), съ великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, своимъ двоюроднымъ братомъ (3). Основаніе Бреста одни приписываютъ Владиміру Святому, или Ярославу I, во время походовъ ихъ противъ ятвяговъ, воинственнаго племени; обитавшаго къ сѣверу отъ Бреста въ западной части Гродненской губерніи; польскіе же писатели считаютъ поляковъ основателями Бреста. Такъ или иначе возникъ городъ Брестъ, не подлежитъ однако сомнѣнію, что основаніе ему положено было славянами во времена Владиміра Святаго, или Ярослава I, когда въ ближайшихъ странахъ уже господствовали варяго-руссы, и что въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ Брестъ съ окрестною страною по правому берегу р. Буга находился во власти князей юго-западной Руси, потомковъ Ярослава, въ поколѣніяхъ: сперва—младшаго сына его Игоря, получившаго по смерти Ярослава въ удѣлъ владиміркую область, а потомъ—въ родѣ Станислава Черниговскаго; далѣе онъ остается во власти

(1) Балинскій III, 722.
(2) Obraz Litwy. Ярошевича, часть I, § 20.
(3) Исторія Карамзина; изд. Смирдина II, 136. Давидъ Игоревичъ долженъ бывъ бороться съ великимъ княземъ, который въ 1099 году сталъ въ Брестѣ, Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 114 и 117.

потомковъ внука Ярославова, Ростислава, и окончательно, до завоеванія западной Руси Литвою, принадлежитъ потомкамъ Владиміра Мономаха.

Во время раздоровъ русскихъ князей при в. князѣ кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ 1099 годомъ у Нестора говорится: „Святополку обѣщавшуся прогнати Давыда поиде къ Берестью, ко ляхомъ, се слышавы Давидъ иде въ ляхы ко Володиславу, ища помощи: ляхы же обѣщашася ему помогати и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: поиди съ нами къ Берестью.... и ту умиримъ тя съ Святополкомъ". Черезъ три года русскіе князья, отнявши владимірскую область у безпокойнаго Давида Игоревича, отдали оную съ Берестьемъ внуку Изяслава Ярославу Ярополковичу, князю берестейскому. Но въ 1101 г. Ярославъ былъ схваченъ въ Берестьи и отведенъ въ Кіевъ „заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи и иде нань Святополкъ и заста и въ градѣ, и емъ и, и приведе и Киеву". Не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, будучи схваченъ на р. *Нурѣ*, не далеко отъ Вреста (1102 года); „прелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярополчича, и ять и на Нурѣ и приведе и къ отцу Святополку". Ярославъ умеръ въ темницѣ, область его возвращена Давиду Игоревичу, и уже по смерти его въ 1112 году перешла на короткое время въ удѣлъ внука Изяславова, Ярослава Святополковича (1), прославившагося двукратнымъ походомъ противъ ятвяговъ.

До Романа Галицкаго исторія этой страны весьма мало извѣстна. Лѣтописцы въ сказаніяхъ о междуусобіяхъ удѣльныхъ князей, часто воспоминаютъ о Берестьи (Берестовѣ); но по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя составить систематическаго цѣлаго;—можно сказать только, что Верестье въ усобицахъ князей принимало весьма дѣятельное участіе.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125 г.), отнявшій Владимірскій удѣлъ у Ярослава, женатаго на Преславѣ, дочери польскаго короля Болеслава Кривоустого, отдалъ оный сыну своему Роману, а потомъ Андрею, женатому на дочери хана половецкаго Тугоркана. Владиміръ Мономахъ утвердилъ свое могущество на

---

(1) У Ярослава Святополковича были двѣ жены—первая Предслава, дочь польскаго короля Болеслава Кривоустаго, а вторая—Мстислава, внука Мономоха, Карамзинъ II, 136.

западѣ Руси, владѣлъ и Врестомъ (1), куда съзывалъ тысяцкихъ Ратибора кіевскаго, Прокопія бѣлгородскаго и Станислава переяславскаго (брацлавскаго), для совѣщанія относительно опредѣленія законовъ торговой несостоятельности и лихвы (уст. Владиміра Мономаха ст. 1).

Великій князь Всеволодъ Олеговичъ (1138—1146 г.), г. Брестъ и землю, къ нему принадлежавшую, отдалъ своимъ шуринамъ Святополку и Владиміру Мстиславичамъ. Но князья удѣльные, недовольные распоряженіемъ в. князя, по смерти Владиміра Андреевича Туровскаго заключили союзъ между собою, съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. Подъ 1142 годомъ въ ипатіевской лѣтописи объ этомъ такъ говорится: „И позва Всеволодъ братью (Святослава, Владиміра, Изяслава, Игоря) къ собѣ.... И ѣха Святославъ ко Игореви и рече: „что ти даетъ братъ старшій?“ и рече Игорь: „даетъ мы по городу, *Берестій* и Дрогычинъ, Чарторыескъ и Кличьскъ, а отчинѣ своеѣ не даетъ Вятичь“. Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: „братья моя, возмите съ любовью, что вы даю, Городечь, Рогачевъ, *Берестій*, Дорогичинъ, Кличьскъ и болѣе не воюетеся съ Мстиславичи“. Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ „радъ былъ разлученью ихъ... да *Берестій*, Дорогичинъ и Вьщижь, Орлину (вѣроятно Владиміру или Изяславу), а братома да Игорова Городечь, Гюргевъ, и Рогачевъ, а Святославу Кличьскъ и Черторыйскъ тако разидошася (2)“. Владимірко Галицкій старался изгнать родъ Святослава изъ Владиміра; послѣдовали безпрерывныя разоренія и опустошенія Владиміра и Галицкой области. Въ борьбѣ потомковъ Ярослава, западная Русь, какъ и восточная, раздробилась на множество удѣловъ; князья въ спорахъ и несогласіяхъ опустошали земли другъ у друга, призывая иностранцевъ поляковъ и венгерцевъ; — такое положеніе дѣлъ продолжалось до половины XIII вѣка, когда на западѣ Руси, подъ мощною рукою Даніила Романовича, возникла сильная и могущественная держава.

Между тѣмъ, какъ монголы, поработившіе большую часть областей восточной Руси, господствовали на востокѣ, западную Русь

(1) Энциклоп. лексиконъ Плюшара, 1839 года.

(2) *Зубрицкій*. Критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. 1845 стр. 61. О распряхъ удѣльныхъ князей съ Всеволодомъ. См. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. II, 18 и 19.

бепокоили поляки и венгерцы, всячески домогавшіеся утвердиться въ Галичѣ и во Владимірѣ;—въ тоже время литовцы, уже сильные и страшные своими опустошительными набѣгами, стали угрожать западной Руси съ сѣвера.

Во время Андрея Боголюбскаго (1157 — 1159 г.), въ то время когда въ Галичѣ княжилъ Ярославъ, сынъ могущественнаго Владимірка, Володимірская (Владимеро-Волынская) область принадлежала Мстиславу и Ярославу Изяславичамъ, внукамъ старшаго Мономахова сына Мстислава. А потому, когда со смертію Владиміра Ярославича пресѣкся родъ Володаря Галицкаго,—галицкіе бояре, не признавшіе своимъ княземъ Олега, прижитаго Владиміромъ съ Анастасіею, изгнали его и предложили престолъ Роману Мстиславичу, правнуку Мстислава старшаго, сына Мономахова. Дѣятельный Романъ не боялся ятвяговъ, отличался свирѣпымъ нравомъ, былъ любимъ въ собственномъ удѣлѣ, но нетерпимъ въ Галичѣ. Убитый въ войнѣ съ ляхами на рѣкѣ Вислѣ въ 1205 году, онъ ставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей—Даніила и Василька. Такимъ-то образомъ Даніилъ дѣлается родоначальникомъ галицкихъ князей, владѣвшихъ западною Русью до завоеванія литовцевъ и до окончательнаго утвержденія власти Гедимина и его потомковъ при помощи оружія, или еще болѣе посредствомъ родственныхъ связей съ потомками Даніила Романовича. Но сколько усилій и трудовъ надобно было перенести Романовымъ дѣтямъ, чтобы упрочить власть свою на западѣ Руси, не смотря на безотрадное, разстроенное ея положеніе, какъ вслѣдствіе угрожающихъ силъ сосѣдей, такъ еще болѣе отъ внутреннихъ усобицъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по смерти Романа, Галичь и Володимирія сперва дѣлаются предметомъ спора князей сѣверскихъ (Владиміра, Свѣтослава и Романа Игоревичей), короля венгерскаго Андрея и герцога польскаго Лешки, въ теченіе которыхъ малолѣтніе дѣти Романовы съ матерью своею вынуждены скрываться два раза на чужбинѣ; потомъ, когда Лешко въ союзѣ съ Александромъ Бѣльскимъ, племянникомъ Романа, овладѣлъ Владимірскою областію, Андрей, соединившись съ сѣверскимъ княземъ Романомъ, занялъ Галичь;—тогда владѣнія Романа Мстиславича раздѣлились, причемъ Брестъ отданъ малолѣтнему Васильку. Но когда князья сѣверскіе помирились и выгнали венгерцевъ изъ Галича, раздраженный Андрей принялъ сторону несчастныхъ дѣтей Романа,

явился съ юнымъ отрокомъ Даніиломъ въ Галичъ и, выгнавъ свирѣпыхъ Игоревичей, посадилъ на престолъ Галича Даніила (1211 г.). Безпорядки не прекращались: Лешко, изгнавъ Василька изъ Володимиріи, вынудилъ и Даніила съ матерью бѣжать въ Венгрію. Но въ 1213 году «возвратившася домови и ѣха съ братомъ и прія Берести, и Угровескъ и Верещинъ, и Столпье, Комовъ и всю Украину. Лестко же великъ гнѣвъ имѣя на Даніила; веснѣ же бывши и ѣхаша ляховье воевать и воеваше по Бугу». Послѣ чего Лешку удалось захватить большую часть Володимиріи; онъ занялъ Брестъ, съ многими другими городами по правому берегу р. Буга. Въ такихъ обстоятельствахъ, защитникомъ дѣтей Романа дѣлается могущественный Мстиславъ Новгородскій, женившій Даніила на своей дочери; онъ принудилъ Лешка уступить Владиміръ Васильку, оставивъ однако польскому королю Брестъ съ многими другими наслѣдственными городами князей Волынскихъ, по обѣимъ сторонамъ р. Буга. Даніилъ, окрѣпшій духомъ и тѣломъ, старался выгнать ляховъ изъ своихъ владѣній. Возобновивъ союзъ съ Андреемъ. Лешко одержалъ побѣду надъ Даніиловымъ полководцемъ Димитріемъ, осадилъ Галичъ и сталъ тревожить Володимирію; Даніилъ обратился къ князьямъ литовскимъ: Мендогу и Эрдзивиллу, окончательно утвердился въ западной Руси—въ 1222 году (въ княжествахъ Галицкомъ, Владимірскомъ и Кіевскомъ). Кажется съ этого времени окончательно упрочилась власть Романовыхъ дѣтей въ западной Руси, причемъ Брестъ остается во власти Василька. Подъ 1227 годомъ въ Ипатіевской лѣтописи сказано: «братъ же (Даніилъ) да Васильнови Луческъ и Пересопницю, *Берестій же ему бя прежде далъ.*» Въ томъ же году Даніилъ и Василько отражаютъ ятвяговъ, напавшихъ на Брестскую область, подъ предводительствомъ своихъ князей: *Монудинича*, *Шутрова*, *Стегуша*, *Зебровича*, *Небра*. Вѣ 1229 году Даніилъ, отправляясь съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, оставилъ въ Брестѣ князя Пинскаго Владислава, для защиты области Берестейской отъ нападенія ятвяговъ, „сама не идота на войну, остависта же *въ Берестіи* Володимира Пиньскаго, и Угровячаны и Берестьянъ стеречѣ земли отъ ятвязь“. На Брестскую область напали литовцы, но были истреблены до одного: „И придоша (Литва) *къ Берестью*.... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестьяне вси избиша ѣ вѣ (1)“.

(1) Карамзинъ II, 226; мѣста относящіяся къ событіямъ послѣ 1222 г. находятся въ П. С. Р. Лѣтоп. II, 168, 175 и 178.

Между тѣмъ наступила для западной Руси смутная эпоха; Володимирія подверглась страшнымъ опустошеніямъ. По словамъ Карамзина «Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрые русскіе князья пали, другіе скитались въ чужихъ земляхъ, матери оплакивали смерть дѣтей, дѣвицы въ отчаяніи о потерѣ своей невинности бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки; жены бояръ сдѣлались рабынями варваровъ—носили воду, мололи жернова».

По удаленіи Батыя въ Венгрію въ 1241 году, дѣти Романа не могли въѣхать отъ сирада ни въ Брестъ, ни во Владиміръ, и Даніилу не только пришлось вызывать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, но и бороться съ буйными боярами—самовольно расположившимися въ областяхъ, а воевода Дрогицкій даже не впустилъ князя въ этотъ городъ. „И пріиде ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ, идвѣсьтно быть ему, яко не внидими во градъ". Огорченный такимъ поступкомъ, Даніилъ говоритъ: *се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ*... и отъиде мыслячи, иже Богъ послѣже отъмстье створи державтелю града того и вдасть и въ руцѣ Даніилу; и обнови и созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: „се градъ мой, преже бо пріяхъ и копьемъ (1)". Отсюда Даніилъ отправился въ Брестъ, а потомъ въ *Холмъ*.

Въ теченіе второй половины XIII столѣтія, до распространенія надъ западною Русью господства Литвы, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами *Брестомъ*, *Дрогичиномъ*, *Мельникомъ*, *Бѣльскомъ* и др., уже находились постоянно во власти Даніила, а по смерти его во власти его преемниковъ почти до половины XIV столѣтія. О времени завоеванія Бреста литовцами, у литовскихъ и польскихъ писателей встрѣчается разногласіе: одни (Валинскій), повторяя Стрыйковскаго, относятъ это событіе къ Эрдзивиллу (2), другіе (Ярошевичъ) приписываютъ завоеваніе Бреста даже Витенесу, третьи—Гедимину. Слѣдуя Карамзину, Брестъ оставался во власти Даніила и его потомковъ почти до

(1) Карамзинъ III, 203 и слѣдующія; IV, 3, 4, 14, 18 и 19.

(2) По словамъ Стрыйковскаго—сынъ Молтвилловъ Эрдзивиллъ построилъ Гродно и завоевалъ Новогрудокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренный татарами, и побѣдилъ Кайдана. Но это несправедливо: Дрогичинъ и Брестъ остались при Даніилѣ и послѣ нашествія монголовъ. *Карамзинъ*.

половины XIV столѣтія, когда Владиміръ по родственнымъ связямъ достался Любарту. Но въ фактахъ Стрыйковскаго много ошибокъ, съ чѣмъ согласны польскіе писатели. Для исторіи западной Руси въ XIII вѣкѣ, самымъ лучшимъ и достовѣрнымъ источникомъ суть лѣтописцы волынскій и новгородскій, а потому, для разъясненія этого вопроса, мы обратимся къ современному дѣеписателю—справедливому и строгому лѣтописцу волынскому.

По смерти Даніила, княземъ владимірскимъ остался братъ его Василько; остальная часть галицкаго королевства раздѣлена была между Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ Даніиловичами. Въ 1269 году умеръ Василько, оставивъ наслѣдникомъ Володимирскаго княжества сына своего Владиміра, прозваннаго *Философомъ*, государя кроткаго, милостиваго и справедливаго. Онъ построилъ *Каменецъ* на р. Лѣстнѣ (Льснѣ), исправилъ и обновилъ укрѣпленія въ Брестѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, украсилъ церкви—живописью, серебромъ, финифтью и надѣлилъ ихъ священными книгами, имъ самимъ списанными „въ Берестіи же създа стлпъ (столпъ) каменъ, высотою яко и каменецкій (1)". Несмотря на раздробленіе, князья западной Руси дѣйствовали согласно въ войнахъ съ Польшею и Литвою. Владиміръ велъ малую войну съ Тройденомъ, наслѣдникомъ Гедимина, овладѣвшимъ землею ятвяговъ (сѣверо-западною частію губерніи) „про то, иже бяше отецъ его Василько убилъ на войнахъ три брата Тройденовы.... и воевашеся съ нимъ, но не великыми ратьми лѣето щѣло". Когда же Тройденъ овладѣлъ Дрогичиномъ (весною 1274 г.), бывшимъ во власти Льва Даніиловича, князья западной Руси просили помощи у великаго хана Менгу-Тимура. „Менгу-Тимуръ же да ему (Льву Даниловичу) рать и Ягуранна с'ними воеводу и заднепрскіи князи всѣ. Романа дэ Брянскаго и инѣхъ князи много. Тогда бо бѣху вси князи въ воли татарской". Съ наступленіемъ зимы князья русскіе (Рустіи) Левъ, Мстиславъ и Владиміръ приготовились къ походу; на походѣ къ Турову къ нимъ присоеди-

(1) «И за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемомъ Льстнѣ и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть каменна земля. Създа же въ немъ столбъ каменъ, высотою 17 саженей.... и церковь постави Благовѣщенія.... и украси ю иконы златыми и съсуды скова служебны, и евангеліе опракосъ скова серебромъ, апостолъ опракосъ и паромья, и съборникъ отца своего тутожъ положи, и крестъ воздвигальный. Также и у Бѣльску поустрои церковь иконами и книгами».... Карамзинъ т. IV примѣчаніе 166.

мись и князья Пинскіе.... „и бисть идущимъ имъ мимо Турова к'Случку, и ту ся сняте с'татары у Случка". По соединеніи съ татарами, войска союзниковъ двинулись къ Новогрудку; ночью перешли р. Серввче о съ восходомъ солнца двинулись далѣе въ двухъ колоннахъ. Татары шли въ правой колоннѣ, имѣя въ аріергардѣ отрядъ Льва Даниловича, а Владиміръ въ лѣвой. «Татарове же прислаша ко Львови, рекучи: дѣти наша видѣши, яко рать стоитъ за горою; пара идетъ изъ коней... Но пара идяше съ истоковъ текущихъ с'горъ, зане морози бяху велици.... И пріидоша ко городу....» Ждали на Романа и Глѣба, Мстиславъ же остался въ Полѣсьи „Мстиславъ же баше не притяглъ вояя въ Полѣсьи". По приходѣ Романа и Глѣба—хотѣли было итти въ Литву, но недовольные Львомъ, за то, что онъ съ татарами сжегъ окольный городъ, князья возвратились во свояси безъ всякихъ результатовъ. Владиміръ просилъ къ себѣ тестя Романа, въ свою столицу Владиміръ, но тесть отвѣчалъ «сыну Володиміре! не могу отъ рати своей отъѣхати; се хожію въ земли ратной; а кто дэ проводитъ рать мою домови (1)". Въ 1276 году Владиміръ и Левъ взяли Слонимъ, и во время дѣйствій съ Тройденовымъ полководцемъ, овладѣли Турійскомъ на рѣкѣ Нѣманѣ.

Въ 1277 году литовцы опустошили Добринь, Ленчицы и *Брестъ* съ окрестною страною, въ которыхъ погибло до 40,000 людей отъ меча и неволи (2). Вѣроятно эти дѣйствія литовцевъ вызвало слѣдующее обстоятельство въ 1277 году. Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ Льву, Мстиславу и Владиміру своихъ пословъ: Техичиха, Котлубуху и Эшимута съ грамотами, требуя отъ нихъ помощи противъ литовцевъ. Послы хановы говорили: „всегда ми жалуете на Литву; се же вамъ далъ есмь рать и воеводу с'ними Мамшея..." Съ наступленіемъ зимы Мстиславъ и Владиміръ выступили въ походъ на Новогрудокъ; Левъ же Даніиловичъ самъ не пошелъ, а послалъ сына своего Юрія. Въ Брестѣ русскіе князья узнали, что татары уже ихъ опередили и двигались къ Новогрудку: «князи же начаше думати: иже пойдемъ къ Новогрудку, а тамъ уже татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту. И пойдоша ко Городну, и т. д. (см. описаніе Грод-

(1) Skarbiec Даниловича т. I, № 222, годъ 1275; Карамзинъ, стр. 82, примѣч. 149 и 150. Волынскій лѣтописецъ.

(2) Дурсбургъ стр. 190. Кояловичъ стр. 146. Длугошъ стр. 811.

на) (1). Литва сильно тревожила русскихъ князей, но въ тоже время они должны были помогать и татарамъ; вліяніе которыхъ на нихъ было весьма значительно, если въ 1282 году въ походѣ противъ венгровъ они потребовали отъ русскихъ князей помощи.... „идущю беззаконному Ногаеви и Телебузѣ на Угры.... велѣша поіти съ собою и русскимъ княземъ..." Левъ послалъ вмѣсто себя сына своего Юрія. Этими обстоятельствами воспользовался король польскій Болеславъ и овладѣлъ 10 деревнями въ окрестностюхъ Щекарева. Въ тоже время Лешко овладѣлъ Переворескомъ и Львовымъ. Левъ спѣшилъ изъ Венгріи для защиты своихъ владѣній „и посла ко Володиміру, рѣка: брате! взведи Литву на Болеслава". Володиміръ же посла Дуная. Литва же обѣщася: «Володимере добры княже! можемъ за тя головы свои положити.... Левъ же и Володимеръ нарадиста рать... и *Берестью* ожидающимъ, Литва не приспѣ на рокъ.... и Левъ посла воеводу Туйма и Василька князя и Жилислава Бѣльжанина и Рябца, а Володимеръ Василька князя и Жилислава и Оловянца и Вишту.... и начаша воевати около Вышегорода.... По семъ пріидоша Литва къ Берестю». Владиміръ началъ думать, куда бы употребить литовцевъ „своя бо рать ушла бяше уже далече на Болеслава, а уже рѣки растекаются", но вспомнивъ о поступкѣ Лешка, который передъ тѣмъ овладѣлъ деревнею Воинъ „село на Вокрайници", обратилъ литовцевъ противъ ляховъ. Съ ними былъ Юрій Львовичъ, и «яко быша въ Мельницы, присла къ нему отецъ (Левъ), рѣка: не ходи съ Литвою; убилъ я князя ихъ Войшелка: любо всхотятъ месть учинити. Юрій же не иде, но посла рать свою.... и взяша Сохачевъ (2)».

Въ 1289 году умеръ Володимірскій князь Владиміръ Іоаннъ Философъ; смерть его оплакивали всѣ подданные, даже евреи. По завѣщанію бездѣтнаго князя мимо старшихъ въ родѣ Даніила, Льва и сына его Юрія, Владиміру Васильковичу наслѣдовалъ Мстиславъ Даніиловичъ (3). Оскорбленный Левъ Даніиловичъ хотѣлъ выпросить у него по крайней мѣрѣ Брестъ; но и это ему

(1) Даниловичъ I, № 225, годъ 1277; Волынскій лѣтописецъ; Карамзинъ IV, замѣч. 154.

(2) Даниловичъ № 228, годъ 1282; Карамзинъ IV, замѣч. 175.

(3) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвою Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи и святыхъ Ангеловъ. «Се азъ князь Володимеровъ сынъ Василько, внукъ Романа, даю всю свою землю и

не удалось. Не удалась также и хитрость сына его Юрія, властвовавшаго въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владиміру на своего отца. „Господине стрыю мой!... отецъ мой... отнимаетъ у мене городы, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червень и Холмъ, а велитъ ми быти въ Дорогичинѣ и въ Мельницѣ; а бъю челомъ Богу и тебѣ, стрыеви своему, дай ми господине, *Берестій*; то бы ми тому было". (Ипатьевск. лѣтоп.). Но Владиміръ Бреста не далъ; тогда Юрій прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ; онъ еще при жизни Владиміра склонилъ на свою сторону берестьянъ, которые „учинили коромолу.... ѣхавши къ Юрьеви князю цѣловаше крестъ и то рекуще: „како недостанетъ стрыя твоего (Владиміра), ино мы твои, и городъ твой, а ты намъ князь„. И дѣйсвительно, по смерти Владиміра, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ, но убоясь гнѣва своего отца и угрозъ Мстислава, удалился въ Дрогичинъ со своими приверженцами: „поѣха Юрій вонъ изъ города (Бреста) съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ домы стрыя своего, и неостася камени въ Берестьи, и въ Каменцѣ и въ Бѣльски"....

Пробывъ нѣсколько дней въ Брестѣ, Мстиславъ отправился черезъ Каменецъ въ Бѣльскъ, „ради ему быша вси людье", назначилъ начальниковъ, возобновилъ укрѣпленія, вооружилъ ихъ и поставилъ свои гарнизоны „утвердивъ людій, засаду въ Бѣльски и Каменци". По возвращеніи въ Брестъ строго наказалъ жителей за ихъ крамолу. „Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю Ловчіе на Берестьяны во вѣкъ за ихъ крамолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по двѣ овцы, по пятнадесятъ десятковъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, и по 20 куровъ; а по тольку съ всякаго ста; а на горожанѣхъ 4 гривны куръ, а кто мое слово порушитъ, а станетъ съ мною предъ Богомъ". Потомъ Мстиславъ отправился во Владиміръ, торжественно вступилъ на престолъ на Святую, 10 апрѣля 1289 года (6797) и началъ княжить спокойно, храня миръ съ сосѣдними ляхами, нѣмцами и литовцами (1).

города по смерти своей брату моему Мстиславу Даниловичу, со стольнымъ моимъ городомъ Володимеромъ». Другое завѣщаніе касается вдовьяго удѣла жены его. Оба завѣщанія напечатаны съ копіи Румянцевымъ т. II, стр. 7, № 4 и 5. Волынскій лѣтописецъ; Карамзинъ т. IV, замѣч. 175.

(1) «Князь же Мстиславъ сѣдѣ на столѣ Володимера на самый

Татары, уже не безпокоили западной Руси; ятвяги поворенные Тройденомъ въ Литвѣ жили мирно, получая отъ русскихъ хлѣбъ въ замѣнъ бобровъ, черныхъ куницъ, воска и серебра; пограничные князья литовскіе братья Будикидъ и Буйвидъ, уступивъ *Волковыска* купили дружбу Мстислава, а Болеславъ и Конрадъ искали этой дружбы.

По смерти Мстислава Даніиловича, Юрій Львовичъ наслѣдовалъ Владимірское княжество, а въ 1301 году, по смерти отца своего Льва Галицкаго, возобновилъ титулъ своего дѣда Даніила, и подобно ему именовался королемъ русскимъ. Юрій умеръ въ 1316 году, передавъ власть своимъ сыновьямъ Андрею и Льву, одинъ изъ нихъ былъ тестемъ Любарта. Андрей и Левъ, въ договорѣ съ великимъ магистромъ прусскимъ Карломъ Трирскимъ, называли себя князьями Руси, Галиціи и Лодомиріи (Володимиріи). Это былъ первый договоръ князей русскихъ съ орденомъ, заключенный вѣроятно для охраненія себя отъ завоеваній Гедимина (1). Послѣдній владѣтель Галиціи князь Юрій Андреевичъ, въ договорахъ съ тѣмъ же орденомъ (1325—1334), жившій до 1336 года, именовался тоже княземъ русскимъ (2).

По завоеваніи Кіева Гедиминомъ (1320 г.), княжество Во-

Великъ день въ лѣто 6797 (1289) априль и нача княжити правдолюбіемъ свѣтясь... и бысть радость велика людемъ се воскресеніе Господне, а се княже сѣденіе, миръ держа съ кольними сторонами, съ ляхы, съ Нѣмцы и съ Литвою, одржа землю свою величествомъ ольны по татары, а семо по Ляхы и по Литву. Тогда же литовскій князь Будикидъ и братъ его Буйвидъ даша Мстиславу городъ свой Волковискъ, абы съ нимъ миръ держати» Даниловичъ.

(1) Оригиналъ на латинскомъ языкѣ хранится въ Кенигсбергѣ; копія у Карамзина, т. IV, замѣч. 268 (изданія 1819). На подлинникѣ двѣ печати—на одной печати изображенъ князь Юрій или Георгій, сидящій на тронѣ съ короной и держащій въ правой рукѣ мечь; кругомъ написано: *Domini Georgii Regis Russiae;* на другой сторонѣ изображеніе всадника со щитомъ и копьемъ въ рукѣ съ надписью: *Domini Georgis Principis Ladimeriae.* Вторая печать повреждена, на ней видно изображеніе съ одной стороны рыцаря, окруженнаго звѣздами, луною и крестомъ, а съ другой льва. Даниловичъ I, № 281, годъ 1313.

(2) Даниловичъ I, № 619, годъ 1325; № 341, годъ 1334; № 369, годъ 1342. Карамзинъ т. IV, замѣч. 276, (изданіе 1819); договоръ съ великимъ магистромъ Вернеромъ Урселеномъ и княземъ Людеромъ Брюнсвикскимъ.

лодимирское сохраняло еще нѣсколько лѣтъ свою независимость и силу; владѣтели его Андрей и Левъ умерли только въ 1324 году, оставивъ наслѣдникомъ малолѣтняго Юрія или Георгія (1335—1345 г.), который въ грамотахъ писался княземъ русскимъ, наслѣдникомъ Романа, Даніила, Льва, Юрія и Андрея, жилъ то въ Владимірѣ, то въ Львовѣ, употреблялъ печать своего дѣда; за малолѣтствомъ князя, государствомъ управлялъ Гедиминъ.

Брестъ не былъ завоеванъ Гедиминомъ; въ 1319 году, вмѣстѣ съ Дрогичиномъ онъ еще принадлежалъ Володимірін, можетъ быть послѣ побѣды одержанной литовцами надъ владимірскимъ княземъ, Гедиминъ жилъ нѣкоторое время въ Брестѣ, но князь Левъ отнялъ эти города.

Вскорѣ послѣ этого событія мы находимъ Брестъ въ рукахъ ордена; ибо въ 1334 году во время войны съ королемъ польскимъ Казиміромъ, магистръ тевтонскій Людеръ Брюнсвикскій, заключилъ договоръ на продолженіе перемирія, по которому — *замокъ Брестъ съ городомъ и землею магистръ уступаетъ или князю мазовецкому или Матфею епископу владиславскому; но если бы миръ не состоялся Брестъ возвращается магистру* (1). Вѣроятнѣе всего, что Брестъ достался ордену по добровольной уступкѣ Льва, съ которымъ Людеръ Брюнсвикскій находился въ родствѣ.

Слѣдуя Ярошевичу, Брестъ, Слонимъ, Волковыскъ и Гродно завоеваны были Витенесомъ (1283—1315); но князья русскіе при каждомъ удобномъ случаѣ старались возвратить свои владѣнія, дружились съ орденомъ и татарами и, хотя слабы, дѣйствовали болѣе и менѣе успѣшно. Гедиминъ (1315—1340 г.), женившій сына своего Любарта на Буши дочери и наслѣдницѣ владимірскаго князя, внука Даніилова (2), могъ водвориться въ какой нибудь части Владимірін раздробленной между многими небольшими русскими князьями Даніилова рода, которые владѣли ея частями какъ удѣлами, доставшимися имъ отъ прежнихъ соплеменныхъ государей. либо же получили ихъ по смерти Юрія въ

(1) Даниловичъ 1, № 342, годъ 1334.

(2) Obraz Litwy, Jaroszewicz, часть I, § 24 и 25. Зубрицкій говоритъ, что Любартъ женатъ былъ на дочери Андрея, а не Владиміра Львовича; у Ярошевича сказано, что Любартъ былъ женатъ на Буши дочери Владиміра Львовича; послѣднему слѣдуетъ Лелевель.

силу договоровъ съ Гедиминомъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ лучше что нибудь имѣть, нежели позволить овладѣть цѣлымъ государствомъ тому изъ среды себя, кому оно принадлежало по праву наслѣдства. А потому не ранѣе, какъ по смерти послѣдняго потомка Даніила въ нисходящей линіи, Кейстутъ и Любартъ, въ 1337 году, безъ труда захватили себѣ всѣ русскія земли, смѣжныя съ Литвою (Брестъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Владиміръ и Луцкъ), или заставили добровольно покориться себѣ русскихъ князей, обезсилившихся отъ своего размноженія и усобицъ, по выраженію лѣтописца, «обезсиливши по несогласіи ихъ» и присягнуть въ вѣрности (1).

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій и сличенія литовскихъ и русскихъ историковъ видимъ: что 1) земли, лежащія по лѣвому берегу западнаго Буга, гдѣ главнымъ пунктомъ былъ городъ *Брестъ*, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи русскимъ князьямъ. Но не безъ основанія думаемъ, что они принадлежали потомкамъ Владиміра Святаго въ XI и даже въ X столѣтіи. Въ этомъ мнѣніи насъ утверждаютъ не только слова Нестора и Карамзина, но и слѣдуюшія обстоятельсва: а) западный Бугъ съ давнихъ временъ считается пограничною рѣкою; б) самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «Brzescia Ruthecicale» т. е. Брестье русское, и в) берестьяне, по словамъ Нарушевича (Hist. Narod. Pols IV), съ давнихъ временъ были послѣдователями православной вѣры и всегда тяготились зависимостію отъ польскихъ королей, которымъ въ описываемыя нами столѣтія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, иногда удавалось короткое время владѣть этою страною и городомъ Брестомъ.

2) Въ княжествѣ Володимірскомъ потомки Даніила княжили независимо почти до XIV столѣтія, когда слабые удѣльные князья частію силою, частію же по родственнымъ связямъ, подпали подъ верховную зависимость Литвы, или искали покровительства могущественнаго Гедимина.

3) Если укрѣпленія Бреста были заняты Эрдзивилломъ, а можетъ быть Витенесомъ, то оставались во власти Литвы не долго. Мы даже не имѣемъ достовѣрныхъ доказательствъ о завоеваніи Бреста; напротивъ, изъ словъ лѣтописцевъ, видимъ, что берестьяне успѣшно отражали нападенія Литвы въ концѣ XIII столѣтія.

(1) Зубрицкій стр. 92.

Только послѣ завоеванія Кіева (1320), мы видимъ въ рукахъ Гедимина и Брестъ, въ которомъ, какъ въ сильномъ военномъ пунктѣ, могъ быть оставленъ литовскій гарнизонъ, и такимъ образомъ *Брестъ* могъ подпасть подъ власть Литвы ранѣе окончательнаго занятія ею *Володимиріи* и вѣрнѣе всего перешелъ къ ней отъ магистра Брюнсвикскаго, который находился въ родственныхъ связяхъ съ княземъ Володимірскимъ Львомъ.

II.

Въ половинѣ XIV столѣтія древнее Галицкое королевство раздроблено было между иноплеменниками: въ Галиціи утвердились поляки; во Володиміріи—литовцы. Король польскій Казиміръ, по смерти Болеслава Тройденовича, захвативъ Галицію, простиралъ свои виды и на Володимірію. Пользуясь отсутствіемъ литовскихъ князей Любарта, Кейстута и Патрика, занятыхъ войною съ орденомъ, проницательный король собралъ войско и двинулся въ 1348 году въ Володимірію—взялъ Луцкъ, Владиміръ, Холмъ, крѣпость Брестъ и занялъ всю брестскую землю; многіе укрѣпленные пункты—Дрогичинъ, Бранскъ и другіе смѣжные съ Пруссіей сами отворили ворота побѣдителю; русскіе князья, оставшіеся еще въ своихъ удѣлахъ, присягнули Казиміру въ вѣрности и получили отъ него собственныя земли съ верховною зависимостію отъ Польши; въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ оставлены польскіе гарнизоны. Но князья литовскіе, породнившіеся по женамъ съ русскими и принявшіе большею частію ихъ вѣроисповѣданіе, по окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ рыцарями, безъ труда выгнали поляковъ изъ Володиміріи, воротили назадъ *Брестъ*, Владиміръ, Холмъ и Бельзъ, т. е. всю Володимірію, кромѣ Львовской земли, и заключили съ Казиміромъ миръ, по которому Володимірія остается въ рукахъ литовцевъ. Однако, и послѣ такого успѣха, литовскіе князья, ведя безпрерывную войну съ орденомъ, не могли обращать надлежащаго вниманія на Казиміра, который въ 1366 году (по Бѣльскому въ 1365) захватилъ Белзъ, Холмъ и Владиміръ,—на этомъ впрочемъ ограничились успѣхи поляковъ; по договору Казиміра съ Ольгердомъ, Кейстутомъ и Любартомъ— *за Литвою остаются*: *Бѣлскъ*, *Браньскъ*, *Дрогичинъ*, *Мельникъ*, *Брестъ*, *Каменецъ и Кобринъ*, — *т. е. Русь по-*

граничная съ Польшею, Мазуріею и Пруссіею, въ окрестностяхъ р. р. *Нарева, Нѣмана и Буга* (1); составлявшая удѣлы Ольгерда и Кейстута, *а также и земля Луцкая*,—удѣлъ Любарта. Въ послѣдующихъ войнахъ Литвы съ Польшею, за Володимірею остаются и другія земли Галицкаго королевства, князья литовскіе удержали за собою почти всю западную Русь, оставшеюся за Литвою до люблинскаго соединенія (1569), когда она съ Польшею составила одно государство.

По смерти Кейстута, часть Володимірія (*Брестъ*, Гродно, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Каменецъ и другіе въ окресностяхъ Буга) перешла къ Витольду и до 1569 года входилъ въ составъ сперва Гродненскаго и Брестскаго княжествъ, а съ 1501 года составляла часть Подляшскаго воеводства; наконецъ съ 1569 года изъ нее образовано воеводство Брестское, въ которомъ были уѣзды Брестскій, Пинскій и Кобринскій.

Во второй половинѣ XIV столѣтія русскіе, находясь подъ вліяніемъ Литвы почти ежегодно нападали на поляковъ или владѣнія ордена; съ обѣихъ сторонъ велись опустошительныя войны; къ нимъ въ послѣдствіи присоединились междуусобія Ягеллы съ Витольдомъ; при этомъ *Брестъ* неоднократно подвергался разореніямъ, а въ укрѣпленномъ замкѣ его находили убѣжище Кейстутъ, Бирута и Витольдъ. Между прочими сказаніями о Брестѣ въ эту эпоху литовскіе историки отмѣтили слѣдующія событія:

Въ 1389 году рыцари Тевтонскаго ордена, подъ предводительствомъ Теодорика Эльнера, достигли Бреста. Въ 1378 и 1382—Янъ князь мазовецкій, союзникъ и зять великаго князя литовскаго, вторгнулся въ Подлясье, принадлежавшее Володимірія, овладѣлъ Дрогичиномъ и Мельникомъ и опустошилъ земли—Бѣльскую, Суражскую, Каменецкую и Брестскую; но изъ уваженія къ Бирутѣ Бреста не тронулъ. Въ 1389 году, когда Витольдъ, вторично поссорившись съ польскимъ королемъ, искалъ помощи у тевтонцевъ, Брестъ былъ взятъ Ягелломъ, который оставилъ въ крѣпости свой гарнизонъ, подъ командою Гинча (Hincza) изъ Рогова (2); но подобно Гродну, *Брестъ*, при помощи ордена и многихъ рыцарей и князей англійскихъ, французкихъ и нѣмецкихъ (3),

---

(1) Зубрицкій стр. 151 и 152.
(2) Starożyt. Polska. Балинскій т. III, стр. 724.
(3) При осадѣ Гродна и Берестова войсками командовалъ князь Ланкастерскій, старшій сынъ короля англійскаго. Но эта осада

вать обратно Витольдомъ. Осаждающими предводительствовалъ князь ланкастерскій, впослѣдствіи англійскій король Генрихъ Черный.

Властительный и славный военными подвигами великій князь литовскій Витольдъ, по прекращеніи междуусобій съ двоюроднымъ братомъ, обратилъ вниманіе на глубокія раны своего обширнаго государства. Еще въ 1390 году Ягелло далъ обывателямъ Бреста и иногороднымъ жителямъ полякамъ и Руси, всякаго состоянія и всѣмъ христіанамъ магдебургское право, отмѣнившее всѣ прежнія русскія и литовскія права и учрежденія и установившее власть войта, отъ котораго апелляція восходила непосредственно къ самому королю. Городу отведено 60 франконскихъ уволокъ или лановъ земли съ опредѣленіемъ чинша, уплачиваемаго ежегодно въ день Св. Мартина (1). Витольдъ, подтверждая привиллегію короля Владислава, новою льготою 1408 года, освобождаетъ изъ подъ власти войта русскихъ и новокрещенныхъ литвиновъ; возвращаетъ русскимъ прежніе русскія права; дозволяетъ какъ имъ, такъ и новокрещеннымъ литвинамъ судиться по своимъ собственнымъ законамъ; распространяетъ городскія земли через причисленіе къ городу деревни *Козловичъ* со всѣми землями; опредѣляетъ съ лана плату обыкновеннаго чинша; разрѣшаетъ мѣщанамъ пользоваться доходами съ постригальни и воскобойни и опредѣляетъ для Бреста размѣръ податей, права и преимущества одинаковые съ Люблиномъ (2).

Мы уже сказали, что въ XI столѣтіи въ Брестѣ и окрестной странѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Буга господствовала національность русская и что берестьяне исповѣдывали православную (греко-восточную) вѣру. Но въ исходѣ XV столѣтія въ Брестѣ было немало и р. католиковъ, поселившихся вѣроятно при Казимірѣ и Ягеллѣ. Балинскій полагаетъ, что первая р. католическая церковь во имя Св. Креста заложена въ Брестѣ Ягелломъ.

вѣроятно случилась раньше или послѣ 1389 года, ибо въ этотъ году князь Ланкастерскій воевалъ въ Испаніи. Зубрицкій.

(1) Привилегія короля Владислава Ягеллы, данная брестскимъ мѣщанамъ въ Краковѣ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 1390 г. Крашевскій. Obrazy podróży i życia. Wilno. стр 174.

(2) Льгота в. к Витольда мѣщанамъ г. Бреста 1408 г. въ четвергъ послѣ обращенія апостола Павла. Крашевскій стр. 174. Балинскій т. ш, 726.

Витольдъ, заботившійся одинаково о подданныхъ безъ различія происхожденія и вѣры, обновивъ эту церковь въ 1412 году, надѣлилъ причтъ землею и двумя корчмами; дозволилъ капеллану в. к. литовскаго и брестскому пробощу Андрею на отведенной землѣ осадить 40 огородниковъ, которые вмѣстѣ съ содержателями корчемъ обязаны были платить церкви—первые по 12 широкихъ грошей, а послѣдніе по одной копѣ, за то какъ тѣ такъ и другіе освобождались отъ службы и податей, а по суду и расправѣ подлежали настоятелю костела, а не замковой юрисдикціи; послѣдней подчинялось духовенство православныхъ церквей; въ то же время духовенству р. католической церкви предоставлено право—десятины со всѣхъ княжескихъ имѣній (фольварковъ), приписанныхъ къ брестскому замку, и свободной ловли рыбы въ рр. Бугѣ и Мухавцѣ. Около того же времени въ Брестъ призваны изъ Казимірова августіанскіе монахи, которымъ отданы обширные плацы между рр. Мухавцемъ и Бугомъ для постройки, а на ихъ содержаніе опредѣлены доходы съ брестскаго мыта 4 копъ широкихъ грошей и съ княжескихъ имѣній десятина и данина воскомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ къ августіанскому монастырю приписана деревня Костомолы на р. Бугѣ (1). Въ привиллегіи Витольда (1412) упоминается только объ одной греко-восточной церкви Св.-Николая (Микулы); но безъ сомнѣнія православныхъ церквей въ то время было еще нѣсколько

Витольдъ послѣ пораженія при Ворсклѣ (1399) жилъ мирно съ татарами; обращая болѣе вниманіе на западъ, онъ велъ войну, съ тевтонцами, и дѣйствовалъ согласно съ Ягелломъ, который любилъ часто посѣщать свое прежнее отечество Литву,—то охотясь вмѣстѣ съ Витольдомъ въ Бѣловѣжской пущѣ, то проводя время въ совѣщаніяхъ о способахъ веденія войны съ рыцарями. На одномъ изъ такихъ совѣщаній, происходившемъ въ Брестѣ въ 1409 году, приглашенъ и кипчакскій султанъ Саладинъ; общимъ совѣтомъ рѣшено было соединенными силами дѣйствовать противъ рыцарей; походъ заключила славная побѣда при Грюневальдѣ или Таненбергѣ въ 1410 году. Въ этомъ сраженіи находились полки брестскій, гродненскій, пинскій, дрогичинскій, мельницкій и др., составленные частію изъ литовцевъ; успѣхъ побѣды главнымъ образомъ приписывали русскимъ (Длугошъ).

(1) Балинскій III, 725 и 726.

Сигизмундъ Кейстутовичъ неоднократно пребывалъ въ Брестѣ; между множествомъ заключенныхъ здѣсь договоровъ, уцѣлѣлъ его трактатъ 1438 года 27 мая, заключенный съ магистромъ относительно времени обмѣна плѣнныхъ.

Казиміръ Ягелловичъ, избранный въ 1440-мъ году на престолъ велико-княжескій, выѣхалъ въ Вильну изъ Бреста съ большими почестями.

Въ 1444 году, когда подъ Варной палъ польскій король Владиславъ IV, высшее духовенство и вельможи польскіе на съѣздѣ съ Сѣразѣ рѣшили просить великаго князя литовскаго принять польскую корону. Зная политику польскихъ вельможъ, стремившихся овладѣть имѣніями его подданныхъ въ Литвѣ и привыкшихъ къ уменшенію правъ королевскихъ, Казиміръ, привязанный къ русскому народу и языку, господствовавшимъ въ Литвѣ,—не соглашался мѣнять вѣнца велико-княжескаго на королевскій и, подкрѣпляемый своимъ литовскимъ совѣтомъ, по нѣскольку разъ отправлялъ обратно польское посольство. Въ началѣ, 1446 года онъ даже послалъ русскихъ князей Василія по прозванію Краснаго, Юрія Семеновича Острожскаго и четырехъ бояръ, собственно литвиновъ въ Петрковъ съ окончательнымъ отказомъ отъ польской короны. Однако поляки, избирая князя мазовецкаго Болеслава, если бы Казиміръ отказался отъ короны, охотнѣе желали видѣть польскую корону на главѣ богатаго и могущественнаго в. к. литовскаго, а потому отправили къ нему еще одно посольство, и на этотъ разъ успѣли въ своемъ дѣлѣ. Окруженный своимъ совѣтомъ, Казиміръ соглашался вступить на польскій престолъ, но съ условіемъ, чтобы поляки не присвоивали себѣ никакого права на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городно и землю Олельскую (1). Потомъ онъ приказалъ отдѣлить отъ Польши Ломазы и Полубицы, со многими селами на лѣвомъ берегу р. Буга, которую поляки хотѣли имѣть границей между Польшею и Русью, и присоединивъ оные къ Бресту,

---

(1) Зубрицкій стр. 345, 346 и 347.

Балинскій выставляетъ этотъ фактъ совершенно въ иномъ видѣ. Подъ 1446 годомъ у него польскіе вельможи призываются въ Брестъ будто бы для совѣщаній относительно присоединенія Волыни и Подоли къ Литовскому государству (III, 727). Между тѣмъ дѣло выходило иное— польскіе вельможи его искали и готовы были на все согласиться, лишь бы на престолѣ имѣть могущественнаго государя. *Зубрицкій.*

явно тѣмъ показывалъ, что онъ принимаетъ корону вовсе не для того, чтобы Литовское государство слить въ одно цѣлое съ Польшею. Напротивъ, находясь на тронѣ Польши, онъ считалъ Литву настоящимъ своимъ отечествомъ и, часто пребывая въ Гроднѣ, не забывалъ и Бреста, одного изъ лучшихъ городовъ своего государства. Передъ войною съ орденомъ Казимiръ созвалъ сюда знатнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, предоставляя имъ охранять Литву отъ замысловъ рыцарей: въ Брестъ прибыли литвинъ Гастольдъ и русинъ князь Юрій Острожскій, управлявшіе Литовско-русскими владѣніями. Во время Казимірова правленія литовскіе вельможи неоднократно съѣзжались въ Брестѣ для совѣщаній (1453, 1454, 1460, 1461, 1478), вызывая Казиміра изъ Польши въ Литву жить среди любящаго его народа, или предлагая ему отказаться отъ польской короны въ пользу Симеона Олельковича, князя кіевскаго. Но король, пріѣзжавшій въ Литву съ своей женою, просьбами, подарками и пріятнымъ обхожденіемъ успѣвалъ отлагать нетерпѣливость и требованія литовцевъ и русскихъ. Въ 1478-мъ году на брестскомъ сеймѣ присутствовалъ даже самъ король: вельможи литовскіе и русскіе упрашивали его дать имъ въ государи одного изъ своихъ сыновей, но Казимiръ, пока былъ живъ, никому не хотѣлъ поручать управленія Литвою (1); надо полагать, что безъ доходовъ литовскихъ, онъ не могъ поддерживать своего королевскаго двора и вліянія на поляковъ; при томъ онъ могъ опасаться вовлечь Литву въ войны въ Польшею, въ успѣшномъ исходѣ которыхъ сомнѣвался,

Причисленный въ 1441 году къ числу главныхъ городовъ Литовскаго государства, *Брестъ* въ половинѣ XV столѣтія былъ весьма важнымъ городомъ, не только по богатству и обширности, но и по своему значенію,—пріѣзжавшіе вельможи на сеймы должны были занимать не малое число выгодныхъ и хорошихъ помѣщеній. Такое значеніе *Брестъ* удержалъ и въ первой половинѣ XV столѣтія, не смотря на то, что въ 1500 году значительная часть города была опустошена крымскими татарами, не причинившими впрочемъ никакого вреда укрѣпленіямъ (замку).

Въ 1505-мъ году король Александръ, по поводу жалобы Михаила Глинскаго на нѣкоторыхъ вельможъ въ нарушеніи ими власти созвалъ сюда сеймъ, на которомъ воевода трокскій Забржезин-

(1) Dlugosz стр. 553; Зубрицкій стр. 400.

скій, намѣстникъ смоленскій Станиславъ Кишка, полоцкій воевода Глѣбовичъ и староста жмудскій Жарновскій—первоначально осуждены къ тюремному заключенію, но впослѣдствіи спасены ходатайствомъ канцлера велик. княжества Литовскаго Ивана Ласскаго. Дѣло кончилось отрѣшеніемъ Забрезинскаго отъ должности воеводы и заключеніемъ въ тюрму старосты лидскаго Ильинича. Во время сейма Александръ съ торжествомъ принималъ хана крымскаго Шаха-Ахмета, который прежде содержался въ Вильнѣ подъ стражею. Король выѣхалъ за 5-ть миль отъ Бреста и встрѣтилъ хана подъ богатымъ наметомъ (шатромъ). Многіе литовцы, русскіе, поляки и татары пожалованы были въ рыцари. По окончаніи брестскаго сейма король отправился на польскій сеймъ въ Радомъ.

Въ 1511 году, король Сигизмундъ I созвалъ въ Брестъ литовскихъ вельможъ для совѣщанія относительно защиты государства отъ нападеній крымскихъ татаръ. Между прочими распоряженіями король и великій князь подтвердилъ на этомъ сеймѣ права и преимущества мѣщанъ (15 октября), на основаніи прежнихъ привилегій: въ видахъ же улучшенія города Сигизмундъ обратилъ въ его пользу доходъ съ хлѣба, привозимаго на торги (торговые) и чиншъ съ лавокъ и мясныхъ рядовъ; содержателямъ шинковъ дозволилъ право торговли, освободилъ ихъ отъ платы чинша съ пива, меду и водки (капщины), а содержателей бань и воскобоень увольнилъ отъ платежа всѣхъ податей, исключая взноса опредѣленныхъ доходовъ въ пользу ратуши. Сигизмундъ I, обратилъ особенное вниманіе на брестскихъ евреевъ, отличавшихся богатствомъ и зажиточностію и имѣвшихъ здѣсь знаменитую въ то время синагогу. Евреи поселены въ Брестѣ еще князьями галицкими, при Кейстутѣ ихъ было здѣсь уже немало, а Витольдъ даровалъ имъ значительныя преимущества и права въ торговлѣ. Сигизмундъ подтверждая права евреевъ, данныя предмѣстниками, разрѣшилъ имъ отпускать кирпичь и глину на починку синагоги; евреи въ свою очередь должны были починить на собственный счетъ мостъ на Угрипкѣ, по дорогѣ къ еврейскому кладбищу. Черезъ 4 года Сигизмундъ I, снова созываетъ въ Брестъ литовскихъ вельможъ и обсуживаетъ съ ними средства обороны въ войнѣ съ татарами; въ тоже время изъ латеранскаго собора къ королю прибылъ архіепископъ гнѣзненскій Иванъ Ласскій съ титломъ Legatinati (народнаго легата).

Вообще Брестъ пользовался у Ягеллоновъ особеннымъ внима-

ніемъ—здѣсь началъ политическое поприще Казиміръ, сперва какъ великій князь, потомъ какъ король; тутъ объявленъ великимъ княземъ и Сигизмундъ-Августъ, постоянно обращавшій вниманіе на устройство и улучшеніе Бреста. Разрѣшивъ въ пользу города давній споръ ратуши съ замкомъ относительно платежа чинша съ 60 лановъ городской земли, отведенной Бресту Ягелломъ, Сигизмундъ-Августъ обязалъ мѣщанъ построить часы на ратушѣ и содержать при нихъ трубача; потомъ (1551) освободилъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, мѣщанъ отъ поставки подводъ для королевскихъ гонцовъ, назначивъ таковую только при проѣздѣ чрезъ Брестъ самаго государя и его свиты; далѣе обязалъ мѣщанъ платить доходъ съ питей въ замковую казну на сумму въ 50 копъ литов. грошей, и наконецъ, въ 1554 году, распространяя права и преимущества мѣщанъ, даровалъ городу Бресту гербъ съ изображеніемъ на красномъ полѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ, каменной башни или замка.

Король Стефанъ Баторій, подтверждая льготы данныя Бресту предмѣстниками, увеличиваетъ городской доходъ мытомъ съ мостовыхъ (1580, генваря 2). Около этого же времени въ Брестѣ впервые появляются аптеки. Аптекарю (берестейскому цирюльнику), Генриху Петерсону, по распоряженію короля (18-го ноября, 1583) отведенъ участокъ земли, принадлежавшей замку, а домъ его и комора освобождены отъ платежа податей и повинностей (1).

Въ началѣ царствованія Сигизмунда III, въ Брестѣ появляются мостовыя, на устройство и поддержаніе которыхъ въ 1588 году обращена часть городскихъ доходовъ. Въ видахъ распространенія торговли въ 1607 году установлено, чтобы каждая изъ трехъ существовавшихъ ярмарокъ продолжалась по мѣсяцу; иногороднымъ купцамъ на этихъ ярмаркахъ въ теченіи двухъ первыхъ недѣль дозволено не вносить торговыхъ пошлинъ и устранены разнаго рода повинности, сопряженныя съ торговлею.

Такимъ образомъ со временъ Витольда до Сигизмунда Вазы, съ теченіе двухъ столѣтій, Брестъ отстроился и украсился такъ, что

(1) Привиллегія Стефана Баторія берестейскому цирюльнику Петерсону, относительно постройки камеры для склада аптечныхъ вещей, данная на имя берестейскаго старосты—канцлера в. к. Литовскаго Остафія Волловича, 8 ноября 1583 г. Крашевскій (Obrazy z podróży i życia), Балинскій III, 731.

въ началѣ XVII столѣтія, занималъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ Литовскомъ государствѣ. Но историческое значеніе Брестъ пріобрѣтаетъ не столько политическими сеймами литовскихъ бояръ, сколько религіозными соборами русскихъ епископовъ. Въ слѣдствіе этихъ соборовъ произошелъ рѣшительный переворотъ въ судьбѣ православныхъ Литовскаго государства, потрясшій основы даже его политическаго устройства, не говоря о народномъ духѣ;—отсюда начало упадку Бреста.

III.

Коренное населеніе съ древнѣйшихъ временъ православное при Владимірѣ Васильковичѣ видѣло евреевъ, которые въ XV столѣтіи имѣли въ Брестѣ славную синагогу. Ягеллоны, призвавшіе въ Литву поляковъ, а съ ними и множество монашескихъ орденовъ, въ томъ же столѣтіи соорудили во многихъ литовскихъ городахъ р.-католическія церкви. За католиками въ XIV столѣтіи въ Литвѣ находятъ своихъ послѣдователей гуситы, лютеране, кальвины, аріане и другіе реформаты,—такъ что въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа въ Литвѣ насчитывалось до 70 разныхъ христіанскихъ сектъ (Нарушевичъ). Брошенныя сѣмена въ Вильнѣ быстро распространялись по всему государству. Мѣщане слѣдовали за реформою Лютера, шляхта держалась Кальвина; даже самое духовенство, какъ православное, такъ и Р.-католическое, непрочь было принимать преобразованія. Брестскій староста князь Николай Радзивиллъ Черный, призвавъ въ Брестъ протестантовъ, около XVI столѣтія, сдѣлалъ его средоточіемъ послѣдователей Кальвина, отъ котораго самъ былъ въ восторгѣ. Вскорѣ кальвинисты учредили въ Брестѣ свой синодъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго ученаго того времени Симона Заціуша (Szymona Zacyusza), вызвали изъ Кракова Бернарда Воеводку (1558) и при помощи старосты основали свою типографію, напечатавшую въ теченіи 12-ти лѣтъ множество книгъ духовнаго и политическаго содержанія, разосланныхъ по Литвѣ. Здѣсь же напечатанъ на польскомъ языкѣ переводъ Библіи съ греческаго и еврейскаго языковъ; эта кальвинская Библія, изданная въ 1263 году, подъ главной редакціей Андрея Тржецяка, извѣстная подъ именемъ Радзивиловской, нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость,

Въ тоже время кальвины нашли сильныхъ соперниковъ въ новыхъ аріанахъ (или социніанахъ), первыя сѣмена которыхъ въ Брестскомъ воеводствѣ бросилъ Петръ Гонціушъ (Gonciusz-Генісидъ), въ 1556 году аріанъ поддерживали Кишки, въ особенности виленскій каштелянъ Янушъ Кишка; аріане, быстро распространившіеся по Полѣсью, вели изустную и письменную борьбу съ брестскими кальвинами. Такое распространеніе религіозныхъ сектъ, стало угрожать католицизму; особенно когда диссиденты на гродненскомъ сеймѣ 1568 года были сравнены въ правахъ съ р. католиками. Монастыри пустѣли, алтари и иконы предавались поруганію. Папская власть, пустившая уже глубокіе корни въ Литвѣ, была въ величайшей опасности. Напрасно виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ Шумковскій (1556—1579 г.) прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ; диссиденты, покровительствуемые Сигизмундомъ Августомъ и вельможами, не боялись угрозъ и быстро распространялись. Въ такахъ обстоятельствахъ епископъ Валеріанъ въ 1569 году вызвалъ въ Вильну іезуитовъ (Bracі Iezusowych), извѣстныхъ уже своею религіозною ревностію. Это было лучшимъ средствомъ—не прошло и 20 лѣтъ отъ появленія іезуитовъ въ Вильнѣ, какъ ученіе ихъ нашло послѣдователей во всемъ Литовскомъ государствѣ; такъ быстро въ то время мѣнялись убѣжденія. Но политика этого ордена, уничтожая одно зло, прекращая размноженіе сектъ, раждала другое, язву пагубную для существованія государства: ученіе іезуитовъ, коснувшись совѣсти каждаго гражданина, поколебавъ чистоту убѣжденій и породивъ фанатизмъ, дошедшій до изувѣрства, ввергло Литву въ нескончаемыя религіозныя смуты, скрѣпляя одно, они сыпали въ тихомолку ядовитыя сѣмена разложенія во всѣ составныя части общественной жизни.

Вызванные въ Брестъ, въ 1616 году, луцкимъ епископомъ Павломъ Валицкимъ, іезуиты прежде всего захватили въ свои руки кальвинскую типографію и перенесли ее въ Вильну; потомъ стали учреждать свои школы, въ подрывъ существовавшихъ школъ, изъ которыхъ извѣстна была школа при церкви св. Николая, гдѣ дѣтей учили по гречески, по латынѣ и по русски. Въ то же время своими происками они содѣйствовали къ закрытію брестскаго кальвинскаго собора.

Кажется уже несомнѣнно дѣло рѣшенное, что унія, это незаконное дитя восточной церкви, была дѣломъ іезуитовъ. Въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе Литвы съ Польшею;

совершившись вопреки многихъ передовыхъ и вліятельныхъ умовъ, это событіе вмѣстѣ съ вліяніемъ іезуитовъ и ихъ ревностныхъ послѣдователей поляковъ, нанеся ударъ лютеранамъ, кальвинамъ и социніанамъ, коснулось и православныхъ, имѣвшихъ съ временъ Витольда (1415 г.) своего особаго митрополита. Понятіями и своеволіемъ поляковъ стали заражаться не только литовско-русскіе вельможи, но весь свободный классъ народа, получившій недавно право участвовать въ сеймахъ, іезуиты явились кроткими иноками благотворителями несчастныхъ, ревностными проповѣдниками слова Божія и безкорыстными наставниками юношества. „Подъ гибельною маскою притворства и ханжества іезуитовъ развилась въ литовскихъ латинахъ страшная нетерпимость въ дѣлахъ вѣры" говоритъ Кояловичъ въ исторіи литовской уніи. Послѣ Сигизмунда Августа, на престолъ литовско-польскій, стали вступать государи иноземные, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, какъ было прежде при Ягеллонахъ; покровительствуемые правительствомъ, іезуиты получали возможность дѣйствовать въ Литвѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Сгарая желаніемъ окончательнаго торжества своей церкви и зная непреклонность православныхъ къ совращенію въ католицизмъ, іезуиты обратились къ уніи. Какимъ образомъ они приводили въ исполненіе планъ уніи оставалось тайною до конца 1595 года. Такъ и всегда дѣйствовали іезуиты; гибельныя язвы ихъ политики не ранѣе можно было примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ приходилъ въ воспалительное состояніе (Койловичъ).

При вступленіи на престолъ литовско-польскій, воспитанника іезуитовъ Сигизмунда III, состояніе западной-русской церкви, отдѣленной отъ восточной-русской, во многихъ отношеніяхъ было бѣдственное и опасное; требовались рѣшительныя мѣры для возстановленія чистоты даже въ духовенствѣ. Всѣ іерархи, братства и міряне чувствовали необходимость собора. Митрополитъ западно-русской церкви назначилъ соборъ въ Брестѣ, на которой получили приглашеніе и многіе знатные міряне. Собранные въ Брестѣ епископы постановили жаловаться королю на притѣсненіе православной церкви; но не сдѣлали общаго окончательнаго дѣла, отъ котораго страдала православная церковь въ Литвѣ (1); напротивъ Кириллъ

(1) Балинскій на стр. 723 говоритъ несправедливо, будто бы на брестскій соборъ 1590 года кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза

Гедеонъ, Леонтій и Діонисій, представивъ брестскому собору жалобу на притесненіе короля- коварно скрывали тайну своихъ настоящихъ намѣреній. Во всей западно-русской церкви возникло волненіе, отъ котораго приходили въ смущеніе самые ревностные поборники, а такое смущеніе было находкою для Кирилла и другихъ проповедниковъ уніи. Православный народъ, постоянно волнуемый разными слухами, мало по малу терялъ любовъ къ своей церкви, и терпя разныя притесненія за любовь къ ней, приходилъ постепенно къ заключенію о подчиненіи папѣ и принятію уніи. Даже лучшіе люди этого времени, мало по малу такимъ путемъ приходили къ мысли объ уніи.

Въ 1592 или 1593 году скончался брестскій епископъ Мелетій Хрептовичъ и на его мѣсто поставленъ Ипатій Поцѣй, человѣкъ обширнаго ума и знатнаго рода. Въ 1594 году на соборъ брестскій кромѣ Поцѣя, какъ мѣстнаго епископа брестской епархіи, явились митрополитъ Рогоза, Кириллъ Терлецкій и депутаты братствъ: виленскаго, львовскаго, берестейскаго, красноставскаго, голъшанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго и многихъ другихъ (1). Братства приносили жалобы на своихъ іерарховъ и требовали опредѣленія отношеній ихъ къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ. Между тѣмъ латиняне вооружились противъ митрополита за созваніе собора въ отсутствіе короля и вопреки конституціи 1593 года. Но противъ притязаній краковскаго архіепископа (примаса), поддерживали митрополита лучшіе изъ православныхъ. Соборъ приступилъ къ рѣшительному спасенію православной церкви отъ опасныхъ нововведеній. Общимъ мнѣніемъ постановлено: 1) львовскаго епископа Гедеона лишитъ святительскаго сана и каѳедры. 2) Утверждены всѣ прежнія братства. 3) Духовенство братское въ ставропогіальныхъ братствахъ подчинено митрополиту, а другихъ—мѣстнымъ епископамъ. 4) Братства получили права учредить шко-

---

созвалъ всѣхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ уніи. Такое мнѣніе ни на чемъ не основано. Никто изъ іерарховъ тогда еще не помышлялъ объ уніи; эта мысль прежде всего родилась въ головѣ Кирилла Терлецкаго, и то уже послѣ перваго брестскаго собора, а приведена въ исполненіе Ипатіемъ Поцѣемъ. Митрополитъ же былъ вовлеченъ въ унію происками другихъ, а не самъ собою. Кояловичъ.

(1) Литовско-церковная унія—Кояловича 1859 с. стр. 112.

лы и типографіи и имѣть проповѣдниковъ (1). Объ уніи здѣсь не было произнесено ни слова, напротивъ распоряженія собора клонились къ скрѣпленію связей православной церкви, которая въ братствахъ нашла сильныхъ поборниковъ. Валинскій въ своемъ описаніи Бреста, выставляетъ брестскіе соборы 1590 и 1594 года въ такомъ видѣ, какъ будто бы дѣло шло о рѣшенной уніи, что будто бы митрополитъ Рогоза, въ 1590 г., созывалъ въ Брестъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ уніи, и будто бы соборъ 1594 года рѣшилъ отправить въ Римъ Кирилла Терлецкаго и Поцѣя съ поклоненіемъ папѣ и для переговоровъ о дѣлахъ уніи.

Соборъ и не думалъ посылать въ Римъ этихъ епископовъ, никто не зналъ еще о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ іерарховъ, надѣявшихся черезъ унію или достигнуть своихъ честолюбивыхъ плановъ, или загладить свои преступленія. Мы съ намѣреніемъ вошли здѣсь въ подробности, чтобы выставить дѣла двухъ первыхъ брестскихъ соборовъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй поѣхали въ Римъ сами собою; склонивъ предварительно на свою сторону и нерѣшительнаго митрополита Михаила, еще въ январѣ 1595 года. Вслѣдъ за симъ, уполномоченные митрополитомъ, Поцѣй и Терлецкій представили Сигизмунду III условія уніи и довѣренность на веденіе переговоровъ. Условлено было, что митрополитъ, Поцѣй и Терлецкій съѣдутся въ *Кобрынѣ*. Но къ назначенному сроку, 18 мая 1595 года, митрополитъ не явился. Его нерѣшительность смутила Терлецкаго и Поцѣя; они укорили владыку въ измѣнѣ, угрожали гнѣвомъ короля и звали его явиться поскорѣе въ *Брестъ*; тѣмъ дѣло и кончилось; митрополитъ и въ Брестъ не поѣхалъ, когда узналъ, что Терлецкій и Поцѣй совершенно предаютъ латинянамъ свою церковь. Послѣ такихъ происковъ и сношеній съ римскимъ дворомъ при посредничествѣ Сигизмунда и іезуитовъ, Кириллъ и Терлецкій поѣхали въ Римъ въ сентябрѣ 1596 года, т. е. не прямо изъ брестскаго собора, какъ уполномоченные, а спустя цѣлый годъ, какъ духовные послы католическаго государя, а не православной церкви.

Такимъ то образомъ рѣшилось дѣло уніи, окончательно созрѣвшее въ умѣ Сигизмунда III и его сподручниковъ іезуитовъ, надобно было только дать ей законную силу; а по тому по возвращеніи

(1) Тамъ же стр. 115 и 116.

епископовъ изъ Рима опредѣленъ общій съѣздъ православныхъ, уніатовъ и латинянъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ. Временемъ открытія собора назначено 6 октября 1596 года.

Въ описаніи столь важнаго факта, совершавшагося въ Брестѣ, скажемъ словами Кояловича.

«На соборъ запрещено являться лютеранамъ и никто изъ вельможъ не долженъ былъ имѣть при себѣ вооруженной силы. По областямъ разосланы грамоты, чтобы никто не вмѣшивался въ дѣла, подлежащія духовной власти, чтобы не происходили нигдѣ мятежи и не предпринимались ни тайныя, ни явныя мѣры противъ митрополита.

«Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ литовскомъ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ экзархъ константинопольскаго патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человѣкъ извѣстный многимъ даже латинянамъ своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ; Кириллъ Лукарисъ—экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; Лука митрополитъ велиградскій; два архимандрита съ Святой горы Макарій и Матѳей, множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; далѣе князь Острожскій съ сыномъ, воеводою волынскимъ и многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей, и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели уніи: луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій съ іезуитами, Станиславъ Гомолинскій, епископъ хелмскій; потомъ гетманъ литовскій князь Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Димитрій Халецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ, немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніатами, Поцѣемъ и другими епископами, неотказавшимися отъ уніи и взяли чуть-ли не подъ стражу Михаила Рогозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами Гедеономъ львовскимъ, Михаиломъ перемышльскимъ, князьями Острожскими, послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представили собою грозное ополченіе; шатры и пушки покривали окрестности

Бреста, и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніятскую половину и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный, благочестивый князь увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено и мы думаемъ, что слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла.» *и далье* «Но сейчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того, они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобы лишить соборъ православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найдти въ Врестѣ пообширнѣе. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ, и освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу.»

Не признавъ уніи, низложивъ съ каѳедръ митрополита и виновныхъ епископовъ и составивъ противъ ихъ и уніи протестъ, православный соборъ отправилъ къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ. Между тѣмъ уніяты, окруживъ себя военною силою и допустивъ въ члены собора иновѣрцевъ латинянъ въ кафедральной церкви св. Николая провозгласили унію. Такимъ образомъ общій съѣздъ, собравшійся въ Брестъ для разсужденій въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалахъ короля и въ грамотѣ митрополита, не достигъ своей цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины православную и латинскую, которыя остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшала дѣло уніи (Кояловичъ). Рѣшить вопросъ предоставлено будущему времени. Всѣ земскіе послы и представители западно-русской церкви торжественно объявили незаконность уніи. Вопросъ объ ней рѣшали столѣтія, пока не пала Польша и іезуиты.

Религіозныя смуты, войны внутреннія (конфедератовъ) и внѣшнія, безпрестанныя пожары, моровыя язвы и разстройство админи-

страціи характеризуютъ исторію Руси и Литвы, соединенныхъ съ Польшею въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ; съ послѣднею искрою Ягеллоновъ угасла самостоятельность Литвы, осужденной силою обстоятельствъ черпать у своей сосѣдки одни внутреннія смуты и раздоры.

Появленіе въ Литвѣ и на Руси іезуитовъ, устроившихъ унію, повело за собою сильное распостраненіе въ Западной Россіи католическаго духовенства, умноженіе костеловъ, надѣляемыхъ богатыми фундушами, упадокъ православія, замѣна литовско-русскихъ учрежденій польскими. Сильное распространеніе латинства этой искони православной странѣ при Сигизмундѣ, который проливалъ кровь литовцо-русскихъ изъ за своихъ личныхъ видовъ за шведскую корону, отразилось въ Брестѣ появленіемъ множества монастырей, разныхъ католическихъ орденовъ и обѣдненіемъ жителей черезъ контрибуціи, налагаемыя возстававшими войсками. Въ началѣ XVI вѣка въ Брестѣ появились бернардины, которымъ для постройки монастыря, Сигизмундъ въ 1609 году назначилъ вспомоществованіе въ 500 злотыхъ, а Левъ Сапѣга богатый фундушъ. Тотъ же Сапѣга построилъ каменное зданіе для помѣщенія іезуитской коллегіи и школы и подарилъ іезуитамъ имѣніе *Деревну*; за бернардинами и іезуитами вскорѣ появились въ Брестѣ тринитары (Trynitarze). Въ 1629 году, т. е. спустя съ небольшимъ тридцать лѣтъ, при содѣйствіи Генриха Енельскаго, воздвигнутъ въ Брестѣ базильянскій монастырь Петра и Павла; въ 1659 году явились бернардинки, содержавшія при бернардинскомъ костелѣ богадельню; Александръ Гонсѣвскій, вскорѣ за бернардинками призвалъ бригитокъ; въ 1630 году, появились доминиканы, надѣленные Софіей Быховецкой.

Распространеніе латинства и уніи здѣсь шло съ такимъ успѣхомъ, что въ исходѣ XVIII столѣтія въ Брестѣ существовало семь католическихъ орденовъ: августіановъ, бернардиновъ, бернардинокъ, іезуитовъ, тринитаровъ, бригитокъ и доминикановъ, уніятскій монастырь базиліановъ, три уніятскія церкви—соборная св. Николая, Свято-Троицкая и св. Михаила и только одинъ православный Спасскій монастырь. Р. католическіе ордена помѣщались въ обширныхъ зданіяхъ и располагали богатыми фундушами и землями. Всѣ эти монастыри были уничтожены при постройкѣ Брестъ Литовской крѣпости.

Мы видѣли какое значеніе имѣлъ Брестъ въ XVI столѣтіи. Мѣщане, платившіе 50 копъ. литовскихъ грошей и выставлявшіе

150 лошадей на военныя потребности (по уставу Сигизмунда I), славились богатствомъ и зажиточностію. Кромѣ замка и каменнаго города, Брестъ украсился дворцомъ съ обширнымъ паркомъ и множествомъ каменныхъ церквей и монастырей. Пользуясь значеніемъ главнаго города воеводства своего имени и укрѣпленнаго пункта, Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія воеводы, кастеляна (коменданта), старосты и собраній шляхты для выборовъ въ депутаты на общіе сеймы. Здѣсь часто пребывалъ и епископъ туровскій. Такимъ застаю Брестъ XVII столѣтіе—вѣкъ страшныхъ бурь и всеобщей неурядицы въ Польшѣ, вѣкъ страшныхъ гоненій и преслѣдованій, смутное время Литовскаго государства, въ которое и Бресту, подобно многимъ городамъ суждено было низойти на степень весьма незначительнаго города. Уже въ началѣ XVII столѣтія въ городѣ замѣтно сильное разложніе: пожары и войны 1605 и 1612, пожаръ 1613 года и контрибуціи начальниковъ востававшихъ войскъ (конфедератовъ), довели жителей до такого бѣдственнаго состоянія, что въ 1614 году разрѣшено мѣщанамъ собирать въ городскую казну подати (мыто) по грошу литовскому съ бочки солода и по одному полѣну съ воза дровъ.

Однако цвѣтущее состояніе города, одного изъ самыхъ населенныхъ въ соединенныхъ государствахъ, продолжается еще лѣтъ 40, т. е. до смутной эпохи, когда литовская Русь вовлечена была въ войны внѣшнія и много потерпѣла отъ внутреннихъ раздоровъ.

Въ 1653 году 24 марта, передъ наступленіемъ катастрофы, въ Брестѣ подъ предсѣдательствомъ литовскаго хорунжаго Христофора Паца былъ военный совѣтъ, касательно способовъ и средствъ къ войнѣ съ внѣшними врагами. Въ 1857 году шведы подъ предводительствомъ седмиградскаго воеводы князя Ракоцція овладѣли брестскимъ замкомъ, въ которомъ находилось 400 человѣкъ гарнизона одной пѣхоты, безъ артиллеріи; шведы предавались насилію и страшному грабежу; опустошивъ городъ, Ракоццій назначилъ комендантомъ замка Бокола и отправился съ войскомъ въ Варшаву.

По окончаніи войны съ шведскимъ королемъ Брестъ медленно поднимается изъ упадка; одна только торговля, благодаря судоходству по Вугу, обозначала въ немъ признаки жизни и нѣкотораго рода дѣятельности. Надобно было подумать о существенныхъ потребностяхъ, найдти средства для оказанія помощи обѣднѣвшимъ жителямъ. Въ 1661 году сеймъ дозволилъ городу управлять вы-

мороченными домами и имѣніями, въ теченіе 3 лѣтъ, когда должно было послѣдовать новое распоряженіе, съ подтвержденіемъ прежнихъ льготъ; указаны средства къ погашенію долговъ, вызванныхъ потребностями военными; разрѣшено строить новыя дома, на мѣстахъ сгорѣвшихъ, и установлена новая подать на городскихъ обывателей всѣхъ состояній, владѣвшихъ какою бы то ни было собственностью. Въ тоже время укрѣпленія возобновлены и приведены въ лучшее состояніе, но оставлены невооруженными; въ замкѣ всѣ зданія приспособлены къ жительству.

Между тѣмъ безпорядки въ Польшѣ не прекращались и по смерти Іоанна Казиміра. До избранія новаго короля, хорунжій в. к. литовскаго Огинскій заперся въ Брестѣ съ войсками своей партіи; противникъ его гетманъ в. к. литовскаго Казиміръ Сапѣга обложилъ Брестъ и разными обѣщаніями успѣлъ усмирить недовольныхъ солдатъ, которымъ была тотчасъ роздана половина слѣдовавшаго имъ жалованія.

Въ началѣ XVIII столѣтія послѣдовала сѣверная война. Въ 1706 году Карлъ XII, перейдя Бугъ, отрядилъ для занятія Бреста 4 полка подъ командою генерала Мерфельда. Мерфельдъ склонилъ мѣстную шляхту на сторону Станислава Лещинскаго (Addereld, 605) и усилилъ свой отрядъ литовскимъ войскомъ, приведеннымъ сюда Сапѣгою въ числѣ 5,000 человѣкъ. По смерти Августа III начались смятенія въ Литвѣ и Польшѣ по поводу гоненій на диссидентовъ, которыхъ конвокаціонный сеймъ (1733) отрѣшилъ отъ всѣхъ мѣстъ, званій, должностей и старостствъ. Со вступленіемъ на престолъ Понятовскаго православные жители обратились къ защитѣ русскаго двора, а реформаторы къ прусскому. Католическіе магнаты, подстрекаемые духовенствомъ, въ 1764 году составили конфедераціи для защиты, господствующей вѣры противъ иностранцевъ. Вскорѣ литовско-польское государство покрылось конфедераціями недовольныхъ и Брестъ нѣкоторое время (1769) былъ занятъ одними изъ главныхъ предводителей барской конфедераціи Казиміромъ и Францискомъ Пулавскими, которые намѣревались перенести свое оружіе въ Литву. Но побѣды Суворова, Салтыкова, Кречетникова, князя Голицына и графа Тотлебена смирили конфедератовъ. Конфедерація уничтожена и въ 1772 году совершенъ первый раздѣлъ Польши (1). Во время воинъ съ бар-

1) Конфедераціи и конфедераты В. Э. Л. общества военныхъ

скими конфедератами, Суворов, предводительствуя авангардом Бунмерса за Брестом у деревни Ореховой (на юг в 80 верстах) после упорной свалки разбил маршала Котлубовскаго, спешившаго в Варшаву, потом занял Люблин и нанес поражение Мешинскому (1). В последнюю (тарговицкую) конфедерацію, в 1792 году, в Бресте происходили неоднократныя совещанія конфедератов, перенесенныя впоследствіи в Гродну, где был последній сейм. В последовавшую за тем конфедератскую войну Россіи с Польшею, Брест пріобрел значеніе по военным действіям, происходившим в его окрестностях. Вытеснив из *Крупчиц* корпус Сераковскаго, который, отступив к Бресту и Тересполю (в 4 верстах), намерен был идти к Варшаве, куда уже отправил часть обозов, Суворов решился в туже ночь переправиться через Буг выше Бреста и нанес совершенное пораженіе полякам. Одержав победу, Суворов занял Брест двумя баталліонами, а остальными расположился лагерем перед городом (2).

По последнему разделу Польши Брест возвращен к Россіи, а в 1802 году поступил на степень уезднаго города Гродненской губерніи.

В отечественную войну в окрестностях Бреста происходили второстепенныя действія сперва Тормасова против Ренье, а потом адмирала Чичагова против Шварценберга (3).

П. Бобровскій.

(Окончаніе будет).

III.

—

ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

Такими письмами мы называемъ письма, помѣщаемыя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ,“ достигшія уже „несчастной“ цифры XIII (1), перешагнувшія за предѣлы минувшаго года и пріобрѣвшія печальную извѣстность подъ названіемъ „Виленскихъ писемъ.“ Преобладающій характеръ этихъ писемъ - безпримѣрный хаосъ въ изложеніи, „непроходимая“ путаница представленій, безконечная вереница противорѣчій, словъ и выраженій, набросанныхъ безъ сознанія, претендующихъ на краснорѣчіе и оставляющихъ въ душѣ читателя, поставленнаго въ тяжкую необходимость пробѣжать эти письма, какую-то нравственную копоть и удушье. Такими свойствами по преимуществу отличаются первыя пять писемъ. Прочитавъ эти письма ex officio, не вольно задаешься вопросомъ: чтó если бы была назначена демидовская премія за отысканіе человѣческаго смысла и логической послѣдовательности въ этихъ письмахъ, — уже-ли нашлись бы соискатели такой преміи? Еслибъ эти письма продолжались такъ, какъ

(1) Теперь, говорятъ, ихъ написано уже XVII, но мы не имѣли еще охоты и досуга пробѣжать ихъ.

начались, намъ оставалось бы пожалѣть объ артистѣ, играющемъ изъ любви къ искуству, — для препровожденія времени, — пожалѣть объ изданіи, такъ самоотверженно отмежевавшемъ на столбцахъ своихъ такое крупное и видное мѣсто такой безтактной и безпримѣрной ерундѣ; но подъ конецъ VI письма, изъ этого писанья—для писанья, изъ этого тумана словеснаго, начинаетъ проглядывать что-то похожее на фразы, имѣющія нѣсколько понятный смыслъ и полемико-междоусобное направленіе. Вошедши во вкусъ такого направленія, авторъ „Виленскихъ писемъ" бросаетъ перчатку всему, что не его расы и варіируетъ свою тему до истощанія всякаго терпѣнія у слушателей. Эти варіаціи невольно напоминаютъ намъ слѣдующій анекдотъ. Подгулявшая въ кабакѣ старушка, воспользовавшись антрактомъ между танцами молодежи, пустилась въ пляску. Танцовала она, конечно, слишкомъ дурно, но неутомимо. Потерявшая терпѣніе публика, наконецъ сказала старушкѣ: „какъ ты плохо, бабушка, танцуешь!" за то долго, отвѣчала она самодовольно.

Но шутки въ сторону, потому что и авторъ „Виленскихъ писемъ," кажется, не шутитъ: онъ раздражается, негодуетъ, бранится. На сколько можно понимать творца этихъ писемъ, онъ негодуетъ на русскихъ уроженцовъ здѣшняго края, на какую-то „клерикальную партію, мрачное сонмище", — разумѣя подъ этими русскими, партіей, сонмищемъ всѣхъ честныхъ и трезвыхъ людей, держащихся направленія „Вѣстника западной Россіи," названнаго, наконецъ, въ этихъ письмахъ по имени. При такомъ вызывающемъ направленіи послѣднихъ „Виленскихъ писемъ," мы обязаны принять вызовъ—тѣмъ болѣе, что вызывающій старается, на сколько у него хватаетъ силъ, заподозрить политическую благонадежность лучшихъ людей края и пошатнуть тѣ принципы, на которыхъ должно утверждаться его обрусѣніе. Не умѣя разсуждать á la N (такою неопредѣленною величиной называетъ себя авторъ), — не умѣя говорить вдругъ обо всемъ и ни очемъ, мы скажемъ

сперва кое-что а) о русскихъ туземцахъ,—потомъ б) о „клерикальной партіи и мрачномъ сонмищѣ"—тожъ.

I.

Становимся на почвѣ исторіи, какъ на почвѣ незыблемой. Говоря по необходимости о событіяхъ общеизвѣстныхъ, мы будемъ соблюдать возможную краткость очерка. Западная Россія, вмѣсто дружелюбной федераціи съ Польшею, нашла въ ней самую жестокую и упорную притѣснительницу. Всѣ статьи федеративнаго акта, касавшіяся неприкосновенности русскаго землевладенія, свободы совѣсти, равноправности предъ закономъ сословій и національностей, входившихъ въ составъ Польскаго государства,—были нарушены до послѣдней крайности, до попранія всѣхъ правъ божескихъ и человѣческихъ. Земли русскія сдѣлались землями польскими, вѣра православная, ея служители и чтители были угнетены, унижены, поруганы, измучены; народъ русскій огласилъ воздухъ стонами и воплями, удобрилъ родную землю потомъ своимъ и кровью и, не въ силахъ будучи переносить пытки нравственныя и физическія, бросалъ нерѣдко опустошенную страну, могилы предковъ и бѣжалъ въ Сѣчь, на лѣвую сторону Днѣпра, въ степи нынѣшней Харьковской ([1]), Екатеринославской и западной половины Воронежской губерній.

Давленіе на западную Россію враждебной ей—пришлой силы не могло совершаться безнаказанно, обойдтись безъ реакціи,—и эта реакція открылась вездѣ, гдѣ появлялось насиліе, и длилась она цѣлые вѣки, внесла въ лѣтописи западнаго края Россіи много кровавыхъ страницъ и кончилась побѣдою туземцевъ надъ пришлецами и измѣнниками. Для этой борьбы герои выходили изъ среды массъ народныхъ, духовенства и городскихъ населеній. Большинство родовъ

(1) Названной потому Слободоукраинской, что она населена выходцами изъ Украины, искавшими сл(в)ободы отъ гнета польскаго внѣ своей родины.

дворянскихъ показало, если можно такъ выразиться, тылъ при первомъ натискѣ непріятелей. Они до того дорожили своими привиллегіями экономическими и гражданскими, что предпочли ихъ вѣрѣ и народности предковъ. Недовольствуясь ролью измѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ явились самыми суровыми и безчестными пропагандистами пришлой вѣры и народности, и тѣмъ болѣе чѣмъ удвоили силу противнаго Россіи лагеря. Потому ли что они хотѣли рьяностью своей пропаганды увѣрить и себя, и старыхъ и новыхъ друзей въ искренности своего совращенія, потому ли что подвигами новой миссіи они хотѣли заглушить вопли своей совѣсти,—только они пошли на пути насилій едва ли не дальше своихъ руководителей и предшественниковъ: они уже отдали вѣру православную на поруганіе евреевъ, глумились надъ прахомъ предковъ, терялись въ изобрѣтательности пытокъ и казней, какимъ подвергали непреклонныхъ въ вѣрѣ православной и русской народности соотечественниковъ. Какъ враги домашніе, бывшіе когда-то друзьями Россіи, они лучше пришлецовъ знали слабыя и сильныя стороны, больныя и здоровыя мѣста своей родины и могли дѣйствовать во вредъ ея интересамъ и вѣрнѣе, и зловреднѣе. Оттого гоненія на православіе и народность русскую во второй половинѣ эпохи польской надъ Русью деспотіи были несравненно суровѣе, нежели въ первой; такъ какъ въ этотъ періодъ гоненій къ силѣ и злобѣ папистовъ примкнула злоба и сила ренегатовъ,—съ пропагандой папства соединилась пропаганда уніи.

И эту неровную борьбу съ двойною силой должна была выдерживать западная Русь безъ помощи отынуды, предоставленная самой себѣ, да дикому произволу враговъ. Сѣверовосточная Россія, занятая домашними неурядицами, стѣсненная политическими смутами и отношеніями, не могла протянуть руки помощи своей сестрѣ юго-западной. Она сама съ трудомъ отбивалась отъ постояннаго и разнообразнаго латинопольскаго нашествія: Смоленскъ уже былъ не нашъ, поляки хозяйничали въ Москвѣ, она уже при-

сягнула королевичу Владиславу; Великая Россія сама нуждалась въ помощи. Даже при Екатеринѣ II, прямо и грозно принявшей сторону угнетенныхъ собратій, словомъ и дѣломъ протестовавшей противъ латинопольскихъ насилій въ западной Россіи, гоненія не только не прекратились, но еще усилились—и въ качествѣ, и въ количествѣ,—такъ что этотъ періодъ времени можно назвать самымъ кровавымъ финаломъ кровавой драмы, разыгрывавшейся, съ небольшими антрактами, въ теченіи болѣе трехъ вѣковъ на западныхъ окраинахъ Россіи. При всемъ томъ побѣда осталась не на сторонѣ нападавшихъ, а оборонявшихся: ни интрига, ни насиліе не могли сокрушить доблести и стойкости русскихъ; православіе и русская народность отстояны и сбережены.

Для тѣхъ, которые не хотятъ или *не могутъ* вразумляться уроками исторіи, мы рекомендуемъ получать вразумленіе изъ явленій текущаго вѣка и — еще ближе текущаго десятилѣтія. Быть можетъ *и этимъ,* весьма недалекимъ въ знаніи судебъ здѣшняго края, теоретикамъ извѣстно, что ни револьверъ, ни петля, ни золотыя грамоты недавнихъ бунтовщиковъ не могли отклонить туземцевъ русскихъ отъ того пути, на которомъ поставилъ ихъ долгъ и присяга; что въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось выбирать одно изъ двухъ— или смерть, или измѣну, они охотно предпочитали первую послѣдней; что свѣжими могилами этихъ доблестныхъ сыновъ Россіи освящены многія мѣста здѣшняго края; что пастыри церкви православной, и словомъ, и дѣломъ, и мученическою кончиной, подавали примѣръ пасомымъ. И такихъ людей, такихъ русскихъ, и этихъ героевъ, этихъ мучениковъ невѣжество или зависть какого-то пришелца или туриста осмѣлилась заподозрить въ какой-то двусмысленности поведенія, двуличности симпатій и убѣжденій, нравственно-политической испорченности! Вотъ какъ честитъ какой-то N (значитъ, личность темная) такихъ русскихъ: „не естественно же ненавидѣть вѣчно другъ друга! (Почему? не судите, г. N,

о другихъ по себѣ!)....Нечего удивляться сближенію родству мѣстныхъ русскихъ и поляковъ (можетъ быть русскихъ, но не мѣстныхъ)... Вы можете считать мѣстную русскую интеллигенцію *ополяченной* (курсивъ автора писемъ) по сживчивости и кровнымъ связямъ съ поляками, по широтѣ религіозной терпимости (ея то и меньше всего здѣшнихъ русскихъ), по знанію польскаго языка (невѣжество!....)....Одни изъ мѣстныхъ недостаточно русскіе, другіе мало православные (а N достаточно не русскій и много неправославный), третьи много ополячены, четвертые — полякующіе, всѣ вообще — *одно слово: мѣстные*". На эту тему г. N особенно расписался въ своемъ VII письмѣ; паѳосъ въ концѣ этого письма достигъ своего апогея; тутъ г. N. затрудняется подборомъ эпитетовъ, сближеній, ругательствъ, которыми осыпаетъ здѣшнихъ передовыхъ русскихъ; по его мнѣнію, они и „больные люди (вотъ, что называется съ *больной* головы на здоровую!) и мрачное сонмище, и непроходимая (?) семинарщина, тупая кадетчина, пустая ноздревщина (и всѣмъ и вся!), и мрачные, отпѣтые (?) идіоты (sic!), и тѣни Магницкаго, и сухіе, безчувственные клерикалы, фарисеи, ханжи, развратители, душетлѣнная среда, отребье мѣстной жизни, поклонники разныхъ кумировъ" и проч., — ну словомъ — чего хочешь, того просишь. Во всѣхъ этихъ *любезностяхъ*, встрѣченныхъ дружнымъ аплодисменомъ егомосцей и потираньемъ рукъ учениковъ Лойолы, такъ и сквозитъ (пользуемся нѣкоторыми эпитетами г. N) „непроходимое" невѣжество, „отпѣтое" идіотство, „тупѣйшее" неразуміе, мелочная зависть, злостная клевета на людей честныхъ, доблестныхъ, искушенныхъ въ любви къ Россіи и православію,— безсильная досада— отъ невозможности, изъ плохихъ учениковъ, попасть въ наставники, миссіонеры, „просвѣтители", привить къ общественному мнѣнію свои мутныя чувства и туманныя теоріи, — оттереть передовыхъ туземцевъ на задній планъ, сбить ихъ съ пути, указываемаго логикой, исторіей, евангеліемъ, обезпечить,

быть можетъ, за собою отступленіе— точнѣе— постыдное бѣгство (1). Нѣтъ, г. N! не такихъ сотрудниковъ ожидали мы отъ тѣхъ, кто къ намъ пожаловалъ— прошенный или непрошенный!.... Не туда и не такъ направили вы свои стрѣлы!.... Не думали мы, чтобы печальная необходимость заставила насъ поворотить оружіе съ враговъ на единобратій (если вы русскій), отъ войны перейдти къ междоусобію!... Медвѣжью вы, г. N, оказываете услугу здѣшнему краю!... Вы и не замѣчаете, что танцуете по дудкѣ *пршіяцели,* бьетесь въ сѣтяхъ исповѣдниковъ польскаго катихизиса, учениковъ Лойолы, Босаковъ, Мѣрославскихъ!... Вы самый послушный, хотя, можетъ быть, и самый наивный ученикъ тѣхъ, которые сказали вамъ и вамъ подобнымъ: „раздѣли (силы и средства) и властвуй"!... Каковы бы мы ни были, не къ лицу вамъ съ нами драться, если вы русскій!.. То-то и горе наше, что врагамъ приходится не поражать насъ, а только добивать!... У кого вы искали популярности посредствомъ своего кощунственнаго, можно сказать, глумленія надъ нами?— У — русскихъ? Но честные русскіе насъ знаютъ и назовутъ васъ тѣмъ, чѣмъ должно назвать людей подобнаго вашему смысла и направленія. У поляковъ? Желаемъ вамъ успѣха!... Но поляки тоже знаютъ насъ, а мы ихъ еще лучше, чѣмъ многіе иные русскіе!... Вы, думаемъ, поймете (а можетъ быть и не поймете), что такіе русскіе какъ вы и виленскіе корреспонденты „Вѣсти" для поляковъ—кладъ, а не супостаты!... Они очень хорошо знаютъ гдѣ сила, кто мы, что мы; имъ хочется устранить насъ отъ дѣла и вотъ они подсказали вамъ, что мы— и „мрачное сонмище" и „зло края", что мы „дразнители" людей самыхъ мирныхъ, невинныхъ, любезныхъ, что безъ насъ было бы шито— крыто,— и вотъ мы, что есть мочи, валяемъ лобъ объ лобъ, другъ друга, а общіе наши *пріятели* только помираютъ со смѣху, любуясь нашею пота-

(1) Г. N что то, въ самомъ дѣлѣ, часто толкуетъ о бѣгствѣ. Ужъ не думаетъ ли онъ дать тягу? Туда ему и дорога! Жаль только, что безпокоился!.

совкой!.,. Не хорошо, быть можетъ, поступаемъ и мы съ вашими лбами, но что же дѣлать, когда терпѣніе наше истощилось, когда вы стали рядомъ съ тѣми, противъ которыхъ направлены всѣ наши боевые припасы, когда вы исповѣдниковъ и мучениковъ края обзываете чуть не измѣнниками, когда вы мѣшаете намъ кончить такъ блистательно безъ васъ начатое и продолженное нами дѣло,— когда вы словомъ и дѣломъ, съ намѣреніемъ, или поневѣденію (для насъ и дѣла—все равно) рѣшились не помогать, а портить, не удвоить силы русскія, а раздвоить, ослабить,— воевать съ нами, а не съ тѣми, для битвы съ которыми вы сюда прибыли, но съ которыми сражаться вы или не умѣете, или не желаете. Мы жили, бились и побѣдили безъ вась... Назадъ тому лѣтъ шесть больше удѣлялось нашею прессой вниманія Курильскимъ и Алеутскимъ островамъ, нежели западнымъ окраинамъ Россіи. Когда мы заговорили первый разъ о скопленіи тучъ надъ этими окраинами, потомъ о близости бури, подобные г. N русскіе обозвали насъ Донъ-кихотами. Только тогда, когда буря разразилась, кровь русскихъ мучениковъ оросила здѣшнюю землю, когда мы нравственно и физически ополчились противъ супостатовъ, расказали—въ чемъ дѣло, гдѣ опасность, въ чемъ средства къ ея прекращенію въ настоящемъ, къ устраненію въ будущемъ,— въ чемъ сила врага, что можетъ сокрушить ее, что нужно для измѣненія къ лучшему судебъ здѣшняго края,— только, говоримъ, тогда русская пресса начала дарить насъ своимъ вниманіемъ, въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ сколько то было нужно; всѣ, и по наслышкѣ кое что знающіе о здѣшнемъ краѣ и ничего объ немъ незнающіе, и вѣрящіе и не вѣрящіе разнаго рода и происхожденія, различной честности и правдивости, корреспондентамъ,— пустились въ публицисты, резонирующіе по крайнему разумѣнію о состояніи здѣшняго края,—въ руководители и „просвѣтители" тѣхъ именно людей, у которыхъ имъ не мѣшало бы многому—и многому поучиться, хоть бы для того, чтобы не

розвить исторіи, ходу современныхъ событій, другъ — другу и самимъ себѣ, что бы не тормозить дѣло, довольно для нихъ темное и чуть ли не безразличное, что бы не дѣлать тѣхъ промаховъ, которыми весьма искусно имѣютъ пользоваться наши *благопріятели.* Мы вѣримъ, что вамъ непріятно сознаться въ незнаніи края, его исторіи, этнографіи, условій русской въ немъ миссіи; но чтожъ дѣлать когда безъ такой исповѣди немыслимо гражданское исправленіе, когда безъ продолжительной подготовки немыслимо успѣшное прохожденіе людьми русскими здѣшней миссіи,— съ какимъ бы запасомъ энергіи и благонамѣренности ни приступали эти люди къ этой миссіи. Латинская пословица: „vana ira sine viribus“ едва ли найдетъ гдѣ лучшее примѣненіе къ дѣлу, какъ въ настоящемъ случаѣ. Да, въ прибывающихъ сюда людяхъ русскихъ самомнѣніе должно уступить мѣсто гражданской чести, а искренность сознанія въ недостаткѣ предварительной подготовки къ здѣшней миссіи должна привести ихъ въ объятія русскихъ туземцевъ, которые готовы дружелюбно подѣлиться съ прибывшими сюда собратіями тѣми свѣденіями, наблюденіями, предосторожностями, пріемами битвы оборонительной и наступательной, безъ которыхъ наши гости и сотрудники могутъ попасть въ сѣти невѣдомой для нихъ интриги, должны будутъ дѣйствовать ощупью, наугадъ, дѣлать промахи и, вмѣсто дружнаго взаимодѣйствія, копировать одно изъ тѣхъ трехъ животныхъ, которыя, у Крылова, „везти съ поклажей возъ взялись“. Г. N самымъ грубымъ образомъ нарушилъ этосамое простое правило благоразумія и, оказавъ предпочтеніе самомнѣнію предъ гражданскою честью и славянскою искренностью, очутился „ракомъ“ въ передвиженіи здѣшняго „воза съ поклажей.“

Мы сказали выше: поляки знаютъ гдѣ сила, знаютъ кто мы, что мы. Да, г. N, поляки насъ знаютъ и боятся, потому что увѣрены и въ нашемъ знаніи и неизмѣнности чувствъ. Они знаютъ, что мы принадлежимъ къ сонму

тѣхъ ратоборцевъ, противъ которыхъ напрасно истощал свою изобрѣтательность продолжительная физическая нравственная пытка злѣйшихъ и непримиримѣйшихъ вра говъ Россіи и православія, и которые, на мученических могилахъ своихъ предковъ, водрузили теперь знамя побѣды Они знаютъ, что между нами и ими вражда вѣковая, завѣт ная, непримиримая, потомственная, наслѣдственная; потом что между нами нѣтъ ни одного, который не считалъ бы въ сонмѣ своихъ предковъ нѣсколькихъ исповѣдниковъ мучениковъ за русскую народность и православіе; потому что наша принадлежность къ числу русскихъ—правосла ныхъ есть несомнѣнное ручательство того, что мы выдер жали съ честью битву за все завѣтное для насъ и святое потому что у насъ накопилось къ взаимной враждѣ много такихъ причинъ, какія для другихъ не существуютъ, и какихъ другіе, можетъ быть, не понимаютъ. Они знаютъ, что мы лучше другихъ изучили, тверже другихъ закрѣпили въ памяти и сердцѣ исторію здѣшняго края, упитаннаго кровью родныхъ намъ мучениковъ, покрытаго руинами памятниковъ, воздвигнутыхъ нашими предками. Они знаютъ, что мы окончательно изучили всѣ пріемы ихъ единоборства съ нами, всѣ пріемы отраженія ихъ ударовъ, всѣ тонкости интриги, всю испорченность ихъ духа и что насъ нельзя поймать на одну изъ тѣхъ удочекъ, которыхъ у пропаганды такая богатая коллекція, на одну изъ тѣхъ приманокъ, которыя сластолюбіе или неопытность могутъ почесть хлѣбомъ насущнымъ. Они знаютъ, что мы не повѣримъ ихъ объясненіямъ въ любви, ихъ раскаянію, благонамѣреннымъ заявленіямъ, желанію мириться; обруситься—до тѣхъ поръ, пока они не перешагнутъ чрезъ раздѣляющую ихъ отъ насъ и отъ всего славянскаго міра пропасть, называемую папствомъ, и не породнятся съ нами союзомъ православія. Они знаютъ, г. N, и васъ и подобныхъ вамъ—или точнѣе—они не хотятъ васъ знать. Къ чему имъ напрасно озабочиваться изученіемъ васъ, борьбой съ вами, когда вы разгаданы ими съ первыхъ пяти

фразъ, когда вы—крѣпость, взятая безъ приступа,—гарнизонъ, предавшійся бѣгству отъ холостыхъ выстрѣловъ и картонныхъ штыковъ. На словахъ они, можетъ быть, изумляются предъ вами и вашими друзьями вашему великодушію, безпристрастію, здравомыслію, благородству, братолюбію, вѣрности взгляда на русскихъ туземцевъ; а въ душѣ—не прогнѣвайтесь за горькую истину—презираютъ васъ на столько, что даже не слишкомъ восторгаются легкостью одержанной надъ вами побѣды и со вздохомъ говорятъ: ахъ, еслибъ намъ такъ легко можно было провести „мѣстныхъ" русскихъ! Да, г. N, мы здѣсь должны повторить вамъ стихи Пушкина:

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда.......

Говоря о сѣтяхъ польской интриги, въ которыя обыкновенно попадаются неосторожные русскіе, мы никакъ не можемъ обойдти одной тирады, помѣщенной на страницахъ „Вѣстника западной Россіи" въ то время, когда мы весьма благовременно желали подѣлиться нашими свѣденіями по этой части съ разными сословіями русскими, въ томъ числѣ и съ русскими чиновниками. Въ декабрской за **1863** годъ книжкѣ „Вѣстника" (1) вотъ какъ мы обрисовали ловлю русскихъ чиновниковъ польскими удочками:

„Какъ ни ловко, какъ ни дружно и неусыпно дѣйствуетъ въ своихъ видахъ враждебная нашей вѣрѣ и народности партія, она понесла бы пораженіе на всѣхъ пунктахъ, если бы встрѣтила совокупную, энегричную реакцію со стороны всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, всѣхъ органовъ нашей прессы,—реакцію, подобную той, какою встрѣтилъ ее нашъ народъ православный, наше духовенство, наше христолюбивое, царелюбивое, русское воинство Но, вѣроятно, древнему афоризму: „причиною нашихъ несчастій—мы сами„—суждено быть аксіомою во всѣхъ случаяхъ человѣческой жизни, не исключая и того, о которомъ теперь идетъ рѣчь на-

(1) Отдѣл. III, стр. 51—53.

ша. Въ теченіи полвѣка постоянно устремленное на одинъ и тотъ же предметъ вниманіе, неутомимое изученіе сердца русскаго вообще и чиновничьяго въ частности, сдѣлало польскихъ миссіонеровъ такими практическими психологами, такими достойными сподвижниками Лойолы, для которыхъ мало невозможнаго, которые отыщутъ тропинку во всякую почти душу и борьба съ которыми требуетъ особенной зоркости, самоотверженія, а главное непоколебимой и всецѣлой преданности интересамъ русской вѣры и народности, совокупнаго противодѣйствія всѣхъ патріотовъ русскихъ—сверху до низу. Если взять во вниманіе то, что польскою миссіею занимаются всѣ, кто только имѣетъ р. католическую душу въ польскомъ тѣлѣ,—отъ малаго до стараго, отъ женщины до мужчины, отъ перваго до послѣдняго; то трудности нравственной борьбы нашей съ ними еще усложняются, а шансы на побѣду уменьшаются. При такихъ средствахъ къ веденію пропаганды, при такомъ количествѣ польскихъ пропагандистовъ, борьба съ ними требуетъ особенной осторожности, энергіи и самопожертвованія. Всякъ изъ насъ имѣетъ болѣе или менѣе видныя слабости. Эти слабости съ безпримѣрною зоркостью подмѣчаются и съ необыкновеннымъ искуствомъ употребляются въ дѣло польскими пропагандистами. Кто богатъ тщеславіемъ, того окурятъ ѳиміамомъ лести, низкопоклонничества, превозносятъ до небесъ его умъ, его сердце, его доблести, его физіономію—и въ глаза, и предъ такими людьми, которые непремѣнно передадутъ этотъ панигирикъ по принадлежности; къ нему относятся на словахъ и на бумагѣ съ такой титуляціею, такимъ самоуниженіемъ, которыя свойственны только людямъ, обратившимъ фразы: до ногъ падамъ, цалуѣнъ ножки въ поговорки народныя, низости польскаго катихизиса — въ догматическія убѣжденія. Тщеславный чиновникъ таетъ отъ этой лести и низостей, да и знакомство съ паномъ ничуть не унижаетъ его самолюбія. Панъ—ни плебей, ни чиновникъ; онъ, такъ сказать, человѣкъ nullius (ничей), съ нимъ можно быть короткимъ, не роняя своей

чиновности, можно подать ему всю руку, тогда какъ съ чиновниками нужно наблюдать извѣстныя степени чиночитанія, условливаемыя ихъ чинами: одному поклониться низко, другому сдѣлать лбомъ едва уловимое движеніе; одному протянуть всю руку, другому показать одинъ-два-три пальца, къ рукѣ иного сдѣлать только прикосновеніе, а иному и этого не дѣлать. Кто страдаетъ скукой въ своемъ захолустьѣ отъ недостатка образованнаго круга, свѣтскихъ развлеченій, того, послѣ болѣй или менѣе долгихъ усилій, ухаживаній, затянутъ, наконецъ, будто случайно, въ какое либо общество, гдѣ, по заранѣй условленному плану, сберется все, что есть въ околоткѣ очаровательнаго, краснорѣчиваго, ловкаго; тутъ окружатъ дорогаго гостя самою нѣжной и заботливой предупредительностью, изысканнымъ гостепріимствомъ; танцы, карты, смотря по вкусу гостя, къ его услугамъ; въ первомъ случаѣ гость непремѣнно выиграетъ, въ послѣднемъ его насквозь пронижетъ перекрестный огонь и черныхъ какъ полночь, и голубыхъ какъ небо, словно гладящихъ по сердцу, польскихъ глазокъ; гость будетъ выбираемъ во всякую фигуру мазурки, не останется безъ движенія ни на минуту. А сколько онъ наслушается во время танцевъ самыхъ симпатичныхъ, по звуку, комплиментовъ, нѣжностей, самыхъ восхитительныхъ полунамековъ, сколько почувствуетъ самыхъ незастѣнчивыхъ рукопожатій, какъ плотно прижмется къ нему, какъ предательски-наивно склонитъ свою кудрявую головку на плечо его въ опасной полькѣ, въ страстномъ вальсѣ, бѣсъ искуситель— въ образѣ рѣзвой какъ котенокъ, опасной какъ Калипса, предательской какъ Іуда — польки! Вотъ подали ужинъ; хозяинъ, хозяйка, ихъ дѣти, гости сосредоточили все свое вниманіе на „*дрогимъ москалю,*" упрашиваньямъ, подливаньямъ нѣтъ конца и счета; подумаешь, что гостя хотятъ напитать на цѣлую жизнь. Вотъ, послѣ ловкаго намека насчетъ ничтожности въ дѣлѣ личныхъ отношеній такихъ пустяковъ, каковы разномыслія политическія, либо,

послѣ искуснаго панигирика великодушію, мудрости и гуманности русскаго Монарха, послѣ задушевныхъ, повидимому, жалобъ па агитаторовъ польской революціи, разорившей, погубившей страну, проклятій на ржондъ народовы, съ его лотрами (разбойниками)—жандармами-вѣшателями, послѣ изумленія силѣ и величію Россіи, храбрости ея войска (если гость будетъ военный), послѣ горькой ироніи надъ безсиліемъ враговъ Россіи вообще и ничтожествомъ лѣсныхъ героевъ польскихъ въ частности,—идетъ въ ходъ прадѣдовскій медъ и дѣдовскій маслачъ; „*кохайми сънъ*“ не умолкаетъ ни на минуту, у гостя губы распухли отъ поцѣлуевъ, ребра трещатъ отъ дружескихъ обьятій, голова кружится отъ древнихъ пектарей.... Стоитъ только разъ стать на крутой, скользкой покатости, чтобы понестись внизъ съ неудержимой быстротою.... Установляются знакомства, приглашенія сыплются со всѣхъ сторонъ; отказаться отъ нихъ уже невѣжливо, визиты, балы, обѣды, пикники, охота, сюрпризы слѣдуютъ непрерывной вереницею. Держись, русскій, крѣпче за умъ и сердце, иначе ты очутишься въ роли Телемака безъ Ментора!... Ну-какъ устоять противъ такихъ искушеній, какъ не повѣрить такимъ задушевностямъ!... Какъ донести на такихъ милыхъ, радушныхъ сосѣдей, погубить такихъ очаровательныхъ сосѣдокъ!... Какъ уважить просьбу какого нибудь мужика, осмѣлившагося жаловаться на обижающаго притѣсняющаго его ясневельможнаго?... Едвали нужно и говорить о томъ, что если опытные пропагандисты имѣютъ дѣло съ человѣкомъ молодымъ, холостымъ, военнымъ, великорусскимъ (1),—тѣмъ надежды на успѣхъ пропаганды вѣрнѣй и несомнѣннѣе. Кто страдаетъ корыстолюбіемъ, тотъ самая легкая добыча пропаганды. Панъ отразу не посмѣетъ

(1) Военный юноша, по своему роду службы, изолированный больше гражданскаго чиновника, легче поддастся искушенію — воспользоваться случаемъ къ развлеченію и заняться игрой въ любовь. У холостаго великоросса, встрѣчавшаго на родинѣ одно прямодушное обращеніе, скорѣе пойдетъ кругомъ голова отъ мнимой задушевности поляковъ и нѣжности

явиться къ новому чиновнику съ предложеніемъ матеріальныхъ услугъ, а заберетъ предварительно чрезъ фактора-еврея справки на счетъ безкорыстія чиновника и является къ нему не съ деньгами, а разными произведеніями сельскаго хозяйства, какъ бы, въ видѣ обычной вѣжливости, приносимыми на первоначальное обзаведеніе. Если чиновникъ будетъ человѣкъ семейный, шансы на успѣхъ, соблазны искушенія удвояются, утрояются. Не приметъ мужъ, такъ приметъ жена, мать. Узнавъ, что мужа соблазнить подаркомъ трудновато, пропаганда является съ нимъ къ женѣ, разумѣется, во время отсутствія мужа, и такъ ловко, чрезъ хитраго повѣреннаго, или въ запискѣ, объяснитъ ничтожность, естественность подарка, что даже какъ-то неловко оскорбить вѣжливаго сосѣда грубостію отказа: и сатана подступилъ къ Евѣ, во время отсутствія Адама.... А если это приношеніе дѣлается по случаю какихъ нибудь особыхъ событій семейныхъ (напрм., имянинъ, крещенія дитяти, сватьбы), или праздниковъ христіанскихъ (напр., Воскресенія и Рождества Христова, новаго года), то приношеніе дѣлается еще естественнѣй и пріемъ его еще безукоризненнѣе. Едва ли нужно и говорить, къ чему ведутъ эти одолженія и къ чему обязываютъ одолженнаго. Купленный человѣкъ дѣлаетъ уже не то, что велитъ дѣлать долгъ и честь, а что укажетъ купившій.

Но, кромѣ этихъ трехъ слабостей, сбивающихъ человѣка съ пути чести и долга, есть много страстишекъ побочныхъ, смѣшанныхъ, много особыхъ положеній въ частной и общественной жизни, изъ которыхъ умѣетъ сдѣлать нужное употребленіе польская пропаганда. Если же никакія положительныя средства не ведутъ къ цѣли, если чиновникъ остается нѣмъ и глухъ ко всѣмъ приманкамъ

полекъ, чѣмъ голова туземца, очень ясно сознающаго ту степень сердечности, какая управляетъ этими ухаживаньями. Впрочемъ, мы этимъ имѣли въ виду только сдѣлать пріѣзжимъ русскимъ нужное предостереженіе на счетъ ожидающихъ ихъ здѣсь, состороны латинопольской пропаганды, искушеній и опасностей.

пропаганды, она хватается за средства отрицательныя,— окружаетъ чиновника шпіонами, искусно сбиваетъ его съ прямаго пути, заставляетъ сдѣлать ложный шагъ, приводитъ его въ разладъ съ народомъ, пишетъ фальшивые доносы, употребляетъ друзей своихъ въ метрополіи орудіемъ погибели добросовѣстнаго слуги царя и отечества, и нерѣдко достигаетъ своей цѣли. Короче: такъ ли—или иначе, только лишь латинопольская пропаганда располагаетъ такими огромными средствами къ парализованію или искаженію мѣръ правительства, съ такою ловкостью, единодушіемъ и неутомимостью направляетъ эти средства къ осуществленію своихъ намѣреній, что настоитъ неотложная необходимость противопоставить имъ всю силу власти и права, всѣ средства войны оборонительной, чтобъ отнять у этихъ враговъ домашнихъ—однажды навсегда—возможность повести съ нами еще разъ войну наступательную. Польская партія такъ много, такъ дерзко расчитываетъ на свою ловкость и силу въ дѣлѣ пропаганды, что осмѣливается не только думать, но даже говорить: „хоть бы вы прислали къ намъ изъ самой Москвы, самаго „*заядлего*“ русскаго, мы въ три мѣсяца сдѣлаемъ его другомъ Польши и сотрудникомъ въ исполненіи нашихъ намѣреній. Грѣшно намъ будетъ и стыдно, если мы не докажемъ на дѣлѣ, что это ложь.“

Это было писано слишнимъ четыре года тому назадъ; послѣ того неразъ доказалъ опытъ, что мы порядочно изучили этнографію и психологію нашихъ сосѣдей и даже не лишены способности видѣть кое-что въ будущемъ. Мы видѣли какъ разные паны и пани ухаживали за разными пріѣзжими, вліявшими на дѣла людьми русскими, и какъ ихъ ухаживанья достигали иногда своей цѣли. Мы видѣли, какъ *егомосци* встрѣчали своихъ новыхъ начальниковъ на станціяхъ желѣзныхъ и не желѣзныхъ дорогъ, какъ заискивали у нихъ исполненіемъ чуть не лакейскихъ обязанностей, увлекали начальника на нанятую для него, снабженную всѣмъ нужнымъ для комфортабельной жизни, квар-

тиру, окружали его своимъ вниманіемъ и предложеніемъ разнородныхъ услугъ и одолженій; мы видѣли, какъ сосѣди и сослуживцы изъ *егомосцей* встрѣчали своихъ новыхъ сосѣдей и товарищей, какъ помогали имъ устроиться поудобнѣе на новосельи, очаровывали ихъ своими ласками и гостепріимствомъ, услугали и одолженіями. Когда, послѣ того, мы знакомились съ нашими новичками въ краѣ и заводили рѣчь объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ на нихъ этотъ край, его обитатели, подчиненные, сослуживцы, сосѣди,—новички не находили словъ и вырожeній для восхваленія ихъ дружелюбія, предупредительности, вниманія, и свой панигирикъ по большей части оканчивали послѣсловіемъ въ такомъ родѣ: „мы не понимаемъ, какъ вы ухитрились разсориться съ такими милыми, уступчивыми, вѣжливыми, симпатичными людьми, какъ поляки; мы не понимаемъ, какъ можно не любить ихъ, тѣмъ болѣе преслѣдовать ихъ своимъ негодованіемъ“ ! Да, отвѣчали мы новичкамъ:

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда,—

и прибавляли: поживите здѣсь столько, сколько живемъ мы, изучите окружающую васъ среду такъ, какъ изучили ее мы, присмотрітесь глубже и пристальнѣе къ исторіи, къ характеру текущихъ событій, и вы убѣдитесь, что поймaны на самую грубую приманку, что вашъ оптимизмъ скоро— спѣлъ и мимолетенъ, что вы сочли обманъ за искренность, мишуру дружбы за чистое золото.

Едва ли нужно и оговариваться, что все недавно сказанное относится только къ тѣмъ весьма немногимъ русскимъ, которые, подобно г. N, больше запаслись для здѣшней миссіи самомнѣніемъ, нежели познаніями,—религіозно-политическимъ индифферентизмомъ, нежели стойкостью убѣжденій. Огромное большинство прибывшихъ сюда собратій нашихъ пополнило ряды здѣшнихъ дѣятелей если не практическими, то хоть теоретическими мудрецами, если не специалистами по части знанія края и его исторіи, то

хоть людьми честными, энергичными и благонадежными. Институтъ мировыхъ учрежденій, болѣе чѣмъ на половину состоящій изъ нетуземцевъ, оказалъ краю, православію и Россіи незабвенную, неоцѣнимую услугу и еще большую можетъ оказать русскому въ краѣ землевладѣнію; огромное большинство членовъ земской полиціи зорко слѣдило и слѣдитъ за польской интригою, твердо защищало и защищаетъ интересы господствующей вѣры и народности; большая половина чиновниковъ честно и усердно исполнила свой долгъ и, по своимъ средствамъ, способствовала усиленію въ краѣ русскаго элемента, къ водворенію гражданской честности въ судахъ и довѣрія къ администраціи въ обществѣ. Ни одинъ изъ этихъ доблестныхъ сыновъ великой Россіи не отнесся съ словомъ укора или презрѣнія къ своимъ туземнымъ сотрудникамъ, тогда какъ, напротивъ, весьма многіе изъ нихъ обращались и обращаются за совѣтомъ и руководствомъ къ здѣшнимъ русскимъ въ разныхъ случаяхъ житейской и дѣловой казуистики, которою старается опутать интрига польская всѣ отправленія здѣшней жизни. Съ такими пріѣзжими мы идемъ рука—объ руку по пути служенія русскому въ краѣ дѣлу; они дорожатъ нашего опытностью, познаніями, даже запальчивостью, — мы ихъ энергіей, усердіемъ и содѣйствіемъ; безъ нихъ русская сила была бы здѣсь мала, безъ насъ ничтожна и не дѣйствительна.

Не умѣя, или не желая понять характеръ нашей миссіи, г. N весьма *остроумно* называетъ ее „дразненіемъ.“ Если это остроуміе есть, дѣйствительно, продуктъ невѣжества, то намъ остается только пожалѣть о его изобрѣтателѣ и подѣлиться съ нимъ слѣдующими соображеніями. Г. N (и подобные ему) можетъ мириться съ тѣмъ, кто съ нимъ не ссорился, прощать того, кто его не оскорблялъ, не защищаться отъ того, кто не нападаетъ, считать другомъ того, кто „падаетъ до ногъ, цѣлуетъ ножки“,—съ кѣмъ онъ не имѣетъ счетовъ—ни прошедшихъ, ни настоящихъ. Пожаловавъ къ намъ, быть можетъ, въ тотъ моментъ, когда

буря промчалась, когда снаружи, вокругъ насъ „тишь да гладь," онъ думаетъ, что такъ было и будетъ всегда. Судя объ отношеніяхъ людей русскихъ къ здѣшней польской средѣ по своимъ личнымъ отношеніямъ, онъ думаетъ, что мы горячимся изъ любви къ искуству, что наша славянская *вендетта* не имѣетъ ни смысла, ни основанія, что мы не сражаемся, а „дразнимся." Будь у г. N хоть сердце, онъ отнесся бы симпатичнѣе къ нашему ропоту, къ нашей домашней расправѣ съ людьми, противъ которыхъ у насъ накопилось много поводовъ къ укору, вразумленію и обличенію, съ которыми покончимъ мы счеты только тогда, когда они сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были ихъ и наши предки. Будь у г. N побольше зоркости, не умствуй онъ о состояніи края „по щучьему велѣнію," не дѣлай заключенія отъ безмятежія своего кабинета, миролюбія своего гуманнаго духа къ отишію и миролюбію душъ польскихъ,—и онъ увидѣлъ бы, что вокругъ насъ не все такъ тихо и мирно, какъ ему кажется, что ксендзы шныряютъ, паны шушукаются съ западниками,; пани не сидятъ безъ дѣла, что питаются какія то надежды, сочиняются и подбираются всевозможныя противъ Россіи комбинаціи, сѣется вражда и семейная и между—народная, что пресса наша раздирается междо-усобіями летятъ за границу лжи и клеветы, іереміады и прокламаціи, что, по милости разныхъ махинацій, стачекъ, изобрѣтеній, усиленіе въ краѣ землевладѣнія русскаго, идетъ очень туго, обходится для русскихъ слишкомъ дорого, можетъ водворить въ странѣ людей весьма сомнительныхъ убѣжденій, національностей, симпатій и тенденцій, и проч....

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

IV.

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ.

*(Окончаніе *).*

Природа. окружающая прежде описаннаго мною человѣка, природа дикая, разнообразная, оригинальная, еще неизслѣдованная, далеко любопытнѣе всего того, что можетъ создать воображеніе степняка. Если были люди, восхищавшіеся однообразіемъ степи, умѣвшіе даже находить въ ней и среди ея ощущенія, не чуждыя поэзіи **); то гдѣ взять красокъ для изображенія богатства природы полѣской, какъ передать разнообразіе впечатлѣній, производимыхъ ею на душу наблюдателя! Въ полѣской природѣ все замѣчательно: и воды, и земля, и лѣсъ, особенно послѣдній.

Полѣсье-бѣлорусское—едва ли не самая низменная часть европейскаго материка. Будучи назадъ тому нѣсколько тысячелѣтій глубочайшимъ мѣстомъ исчезнувшаго съ лица земли океана,—оно и доселѣ такъ низменно, что весной едва ли не третья часть его покрыта водою. Кромѣ судоходныхъ рѣкъ, упомянутыхъ мною въ началѣ этого очерка, оно все изборождено рѣками меньшими и ручейками, все изрыто заливами, притоками, озерами и озерками, бродами, а особенно болотами. Полѣшуки говорятъ, что Припять нужно называть Три-пять, потому что въ нее впадаетъ 15 рѣкъ. А сколько каждая изъ этихъ рѣкъ принимаетъ въ свое лоно ручейковъ, рукавовъ, сколько, въ свою очередь, рождаетъ заливовъ, озерокъ, притоковъ, это одному Богу извѣстно. Болота, то длинныя какъ рѣки, то широкія какъ озера, подернутыя дымкой легкаго тумана, стелются предъ вами до края горизонта и исчезаютъ въ синевѣ дали. Тамъ, въ глубинѣ перспективы, подъемлются на болотѣ высокіе острова, покрытые гигант-

---

*) См. Книга 8, 9 и 10.
**) Пассекъ, Гоголь и др.

ской растительностью. Напрасно они манятъ къ себѣ ваши взоры и желанія! Нога ваша никогда не ступитъ на эту землю невѣдомую. Болото какъ будто покрыто сплошной растительностію; вы дѣлаете шагъ впередъ, и вотъ скатерть, образовавшаяся на немъ изъ переплетшихся корешковъ разныхъ растеній, вспучилась предъ вами по грудь, а ноги увязли въ зыбучую почву, а почва эта заволновалась вокругъ васъ сажней на двадцать. Вы заносите ногу, помогаете ногѣ руками, вскарабкались на образовавшійся предъ вами недавно холмикъ, и предъ вами новый. Остановитесь, вернитесь назадъ, или вы погибли! Поддерживавшія васъ доселѣ тонкія нити корешковъ растеній не выдержатъ далѣе тяжести вашего тѣла; предательская ткань разъединится и бездонная пучина ила приметъ васъ въ свои объятія, и хотя бы вы были вдвое выше Голіаѳа, вдвое сильнѣе Сампсона, васъ ожидаетъ неизбѣжная, медленная, мучительная смерть; пучина бездонна; вы погибнете въ мукахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Загоскина: «Юрій Милославскій.»

Бываетъ разъ лѣтъ во сто, что зной солнечный осушитъ влагу этихъ болотъ, хоть на поверхности ихъ. Илъ сгущается, твердѣетъ, на немъ образуются огромныя трещины; полѣшукъ даже сѣетъ просо на этомъ недавнообразовавшемся, богатомъ свѣжими растительными силами, полѣ. Болотный торфъ иногда самъ собою воспламеняется; тамъ и здѣсь виднѣются ночью огромные столбы зарева; картина страшная и грандіозная! Звѣри ищутъ спасенія въ водѣ, другіе отъ ужаса бѣгутъ куда попало и даже появляются среди населенныхъ мѣстъ. Любопытство влечетъ тогда человѣка на недоступные для него дотолѣ острова болотные. Онъ пошелъ, преодолѣлъ невѣроятныя трудности, но достигъ своей цѣли. Онъ дивится богатству животнаго и растительнаго царства этой новооткрытой страны; а четвероногіе и двуногіе ея ебитатели еще болѣе удивляются, видя среди себя существо доселѣ, быть можетъ, невиданное ими,— безъ ужаса и злости пялятъ на нею свои любопытные глаза, не подозрѣвая даже въ немъ опаснаго врага своего и разумнаго владыки. Грянулъ выстрѣлъ, они только вздрогнули, изумились, переглянулись другъ съ другомъ и, поминутно озираясь на незваннаго огнедышущаго гостя, безстрашно и неторопливо убѣжали или улетѣли въ глубь бора. Но вотъ глаза пришельца съ изумленіемъ остановились на двухъ ѳоснахъ. И есть чему изумиться: между ними положена перекладина, очевидно, рукою человѣка, на ней виситъ колоколъ *). Путникъ осматривается, подвигается

*) Это случилось въ 1828 году, въ Минской губерніи.

далѣе, находитъ дотлѣвающіе остатки скороспѣлыхъ жилищъ человѣческихъ, видитъ обломки разной глиняной посуды, кости различныхъ животныхъ, замѣчаетъ нѣсколько насыпей съ истлѣвшими надъ ними крестами, возвращается въ раздумьи домой, распрашиваетъ обо всемъ видѣнномъ имъ столѣтняго старца сосѣдней деревни, и онъ передаетъ ему такую повѣсть: «Отецъ мой сказывалъ мнѣ,' такъ передаетъ старецъ разсказъ отца, что когда воевалъ здѣсь шведъ и не щадилъ никого и ничего, морозы были такъ жестоки, что даже болота замерзли. Не надѣясь нигдѣ найдти спасенія отъ свирѣпаго врага, мы ушли со всѣмъ своимъ имуществомъ въ наши лѣса безконечные. Но и здѣсь считая себя не вполнѣ безопасными, попробовали пробраться на тотъ островъ, который ты видѣлъ недавно. Попытка удалась; наша переправа совершилась благополучно, при пособіи досокъ; мы на-скоро устроились на нашемъ новосельи, повѣсили даже колоколъ, снятый нами съ колокольни нашей церкви, какъ для того чтобы спасти его отъ похищенія, такъ и для того, чтобы благовѣстить имъ въ дни праздничные и воскресные и созывать народъ въ случаѣ опасности, или какой либо другой надобности. Но у страха, какъ говорятъ, глаза только велики; непріятель не показывался; вокругъ все тихо; ледъ только трещитъ отъ мороза на озерахъ болотныхъ. Прошло недѣль около десяти. Мы послали на рекогносцировку хитрыхъ и ловкихъ парней въ нашу околицу; чрезъ три дня они возвратились и донесли намъ, что непріятеля давнымъ-давно невидно и неслышно въ окрестности. Мы собрались на скоро въ обратный путь, захвативъ съ собою только нужнѣйшее, цѣннѣйшее и легчайшее имущество. Когда мы возвратились за остатками его (къ числу ихъ принадлежалъ и колоколъ), случилась оттепель; ледъ на болотѣ сдѣлался рыхлымъ (это было въ концѣ великаго поста); мы пробовали перебраться къ острову по доскамъ; опытъ не удался; съ слезами на глазахъ возвратились мы домой, а колоколъ такъ и остался на островѣ; потому что съ тѣхъ поръ болото не замерзало и не высыхало доселѣ. Скоро послѣ того народъ съ торжествомъ отправился на описанный недавно островъ, взялъ колоколъ, повѣсилъ его на незнакомой уже ему колокольнѣ, и звонъ его, полтора почти вѣка не раздававшійся въ воздухѣ, по старому призвалъ православныхъ на молитву Господню, и они набожнѣе перекрестились, торопливѣе поспѣшили въ храмъ Божій, теплѣе помолились за себя и за души своихъ предковъ.

Вотъ вы, съ ружьемъ на плечахъ, идете въ раздумьи по лѣсу; вотъ предъ вами ручей. Вы хотите пробраться чрезъ него,—не тутъ то было: онъ глубокъ, онъ холоденъ какъ ледъ, несмотря на то, что въ тѣни неменѣе 25° теплоты, по Реомюру. Но этотъ

самый ручей не замерзаетъ въ самую сильную стужу; паръ валитъ изъ него столбомъ при 25° мороза. Вы опускаете руку въ воду, и, отъ обмана ли чувствъ, или и въ самомъ дѣлѣ, вода тепла, почти горяча. Пропитанная газами, наполненная міазмами, образовавшимися отъ разложенія на свои элементы различныхъ растеній и животныхъ, она не позволяетъ самому сильному морозу оковать льдомъ свою поверхность. Вы идете возлѣ этой странной рѣченки, ползущей змѣей подъ навѣсомъ исполинскихъ сосенъ, замѣчаете тропинки, проложенныя къ ней обитателями лѣсовъ, утоляющими въ ней свою жажду, видите остатки плотинъ, возлѣ нихъ слѣды рудокопень, остатки мѣдныхъ, чугунныхъ или желѣзныхъ заводовъ. Вы переходите плотину и снова углубляетесь въ чащу лѣса, идете долго, и вотъ слухъ вашъ поражаетъ кваканье утокъ, въ лице вамъ пахнулъ свѣжій вѣтерокъ, предваряющій васъ о близости большаго басейна воды; вы прошли нѣсколько шаговъ, поднимаете глаза, и предъ вами широкое озеро,— озеро невѣдомое географіи, знакомое немногимъ даже туземцамъ, оживленное безчисленными стадами дикихъ утокъ и гусей, населенное несмѣтными стаями вьюновъ и нѣкоторыхъ рыбъ. Озеро это по большей части есть море для тѣхъ рѣченокъ, съ одною изъ которыхъ недавно мы познакомились и, подобно имъ, и по тѣмъ же причинамъ, рѣдко когда замерзаетъ. Зная по инстинкту, а можетъ быть и по опытности своихъ старожиловъ и вожатыхъ, это оригинальное свойство подобнаго озера,— дикія утки и гуси и не думаютъ съ нимъ разставаться даже зимой. Онѣ знаютъ, что на югѣ имъ не будетъ житья ни привольнѣе, ни жирнѣе: тамъ онѣ не найдутъ такого обилія мягкихъ и вкусныхъ вьюновъ и разныхъ мелкихъ и жирныхъ рыбъ, какое, безъ труда и вояжа, валится имъ здѣсь въ ротъ, такъ сказать, само собой. Онѣ здѣсь до того жирѣютъ, что почти теряютъ способность летать. А теплота южная для нихъ несноснѣе здѣшней прохлады, весьма впрочемъ умѣренной при ихъ пушистыхъ шубкахъ. Разъѣзжая и бродя по своимъ надобностямъ зимой по лѣсу, крестьяне находятъ это озеро, видятъ на немъ несмѣтныя стада пернатыхъ, возвращаются домой, разсказываютъ о своемъ открытіи, приглашаютъ извѣстныхъ имъ стрѣлковъ изъ числа своихъ родныхъ и друзей, кладутъ на сани, или привязываютъ къ нимъ одну—двѣ лодки, запасаются, конечно, ружьями и зарядами и отправляются къ описанному недавно озеру. Устроившись кое-какъ на новосельи, охотники спускаютъ лодки на воду, подъѣзжаютъ на ружейный выстрѣлъ къ птицамъ, хлопаютъ въ ладоши, птицы вспорхнули, по нимъ сдѣланъ залпъ изъ трехъ-четырехъ ружей, и десятки ихъ валятся на воду и подбираются стрѣлками. Остальныя взвились высоко на воздухъ, разбились на нѣсколько отрядовъ, мет-

нулись сюда-туда, немногія нашли не замерзшую рѣченку и тамъ укрылись на время отъ напасти, остальныя, утомленныя безполезными поисками теплаго и безопаснаго пріюта, тучностію тѣла и жестокостію холоднаго воздуха, сгруппировались надъ озеромъ, описали два три круга въ воздухѣ, и съ шумомъ плеснулись на тоже самое озеро, только лишь подальше отъ того мѣста, на которомъ случилось съ ними недавнее злополучіе. Но птицамъ ли перехитрить человѣка! Пока онѣ метались въ разныя стороны, люди скрылись; какъ только утки и гуси усѣлись, люди или дѣлаютъ дружный залпъ изъ-за кустовъ и болотныхъ купинъ, или повторяютъ прежній маневръ, и снова подбираютъ птицъ въ лодки десятками. Если стрѣлки сдѣлаютъ пять-шесть залповъ, будетъ чѣмъ лакомиться до самаго великаго поста не только имъ, но и роднымъ ихъ друзьямъ и сосѣдямъ, а особенно *панъ-отцу* (священнику) и его семейству. Дьячка и пономаря они пригласятъ къ себѣ на домъ, на *учту* (угощенье) само собою—гости не будутъ такъ невѣжливы, чтобы явились къ гостепріимнымъ хозяевамъ съ пустыми руками, безъ бутылки, то есть, въ рукахъ. Впрочемъ, дьячокъ и пономарь нерѣдко сами бываютъ дѣйствующими лицами въ этой охотѣ. Но часто подобное озеро есть басейнъ воды, образовавшійся отъ стока водъ болотныхъ, и расположившійся въ самомъ центрѣ болота. Болото, окружающее озеро, простирается иногда на нѣсколько верстъ и, какъ выше было замѣчено, весьма рѣдко замерзаетъ. Къ подобному озеру доступъ не возможенъ. Несмѣтныя стада дикихъ утокъ и гусей привольно и безопасно плещутся и пресыщаются въ водахъ его, не страшась человѣка. Въ самомъ близкомъ разстояніи озера отъ материка, ихъ не достанетъ выстрѣлъ изъ самаго лучшаго французскаго карабина, какихъ довольно осталось у полѣшуковъ послѣ 1812 г., а особенно въ Минской губерніи, послѣ несчастной переправы Наполеона I чрезъ Березину. А если бы какой либо заливъ озера былъ и подъ выстрѣломъ, утка не будетъ плавать днемъ по этому заливу: въ случаѣ опасности, она уплываетъ или улетаетъ въ даль озера.

Воды полѣскія, кромѣ обилія животныхъ, живущихъ въ водѣ и на водѣ, довольно населены и земноводными. Мало того, что гости, налетающіе къ намъ всякую весну съ юга, едва ли не оставляютъ цѣлой трети своей въ Полѣсьи, какъ странѣ, которая лежитъ на трепутьи къ Великороссіи, и предлагаетъ такую просторную, привольную, роскошную и уединенную жизнь гостямъ своимъ,—въ водѣ его живетъ бобръ и выдра.

Въ большихъ рѣкахъ не любитъ жить выдра, особенно бобръ. Тамъ онъ не можетъ угоняться за добычей, тамъ трудно ему воздвигать свои постройки; а еслибъ это и удалось, теченіе раски-

даетъ ихъ, песокъ занесетъ, плотъ и судно разшатаютъ, или разломаютъ ихъ,—вообще тутъ безпокоитъ бобра и человѣкъ, и природа. Но за то рѣчки узкія, уединенныя, съ берегами, поросшими крупнымъ—чернымъ лѣсомъ, какъ нельзя лучше удовлетворяютъ ихъ потребностямъ и даже прихотямъ. Бобры сваливаютъ огромнѣйшія липы, ольхи (рѣдко другія, болѣе твердыя деревья чернаго лѣса), повисшія надъ рѣчкою, или пользуются готовыми, сваленными водорѣзомъ, и изъ нихъ, не учившись архитектурѣ, строятъ свои циклоническіе домы, болѣе похожіе на палаты исполиновъ, или дворцы Наядъ, чѣмъ на жилье такого крошки, каковъ бобръ. Ихъ особенно много въ нѣкоторыхъ рѣченкахъ Минской губерніи. Едва ли для нихъ не любимѣе прочихъ—упомянутая мною рѣка Случь. Она такъ загромождена постройками бобровъ, что въ мелководье сплавъ лѣсныхъ продуктовъ по ней не возможенъ. Съ трудомъ найдете хоть одно глубокое мѣсто въ этой рѣкѣ, не застроенное бобромъ. Въ подобныхъ домахъ живетъ ихъ многочисленное общество *). Въ другихъ рѣкахъ и притокахъ они чаще живутъ парами. Тогда у нихъ нѣтъ средствъ и необходимости воздвигать прочныя и обширныя зданія: они строятъ себѣ жилье или въ большихъ норахъ берега, покрытыхъ всегда водою, или между корнями прибрежнаго дерева, или между вѣтвями огромнаго дуба, свалившагося въ воду и потонувшаго на дно рѣки. Выходя для своихъ нуждъ на берегъ, и притомъ всегда почти однимъ и тѣмъ же путемъ, бобръ пролагаетъ въ травѣ довольно замѣтную тропинку. Эту тропинку подмѣчаетъ человѣкъ, ставитъ насупротивъ ея подъ водою капканъ съ вечера, и бобръ, почти только ночью или въ раннее утро, выходящій на берегъ, попадаетъ въ эту западню. Хотя ловля бобровъ воспрещена была закономъ, несмотря на то полѣшукъ никакъ не могъ отъ нея удержаться. Она такъ прибыльна, что если только промышленникъ поймаетъ двухъ-трехъ бобровъ, у него заведутся деньги, весьма лишнія. Мѣхъ полѣскаго бобра далеко не такъ пушистъ и цѣненъ, какъ камчатскаго; на немъ вовсе почти нѣтъ ости, особенно просѣди; но за то струя бобровая, даже на мѣстѣ, проданная жиду украдкой, покупается весьма не дешево. Въ общей сложности охотникъ выручитъ за хорошаго бобра около 20 руб. Бьютъ, хоть весьма рѣдко, бобровъ и изъ ружья. Это бываетъ особенно тогда, когда бобръ катаетъ на поверхности воды своихъ дѣтенышей на какой нибудь доскѣ, или большой корѣ древесной. Столкнувшись нечаянно съ жаднымъ и жестокимъ врагомъ, онъ не броситъ своихъ дѣтей, проливаетъ даже слезы, какъ бы прося пощады своимъ малюткамъ у человѣка; но что для человѣка

*) Говорятъ, что теперь почти истреблены бобры въ Случи.

слезы бобра, когда онъ часто смотритъ равнодушно на слезы друга и брата! Онъ не пропуститъ случая воспользоваться богатою добычей, если только ружье у него подъ рукою. Я самъ видалъ эти слезы, но, судя по физіономіи и позѣ бобра, думаю, что это слезы ужаса, а не мольбы о пощадѣ.

Выдра также попадается въ капканъ, только рѣже, чѣмъ бобръ. Ее бьютъ изъ ружья, на льду, возлѣ проруби, или отталины. Охотникъ идетъ по льду рѣки, осматриваетъ каждую проталину и, если только увидитъ, что вокругъ ея разбросаны по льду искусно оглоданные остовы рыбокъ,—выходитъ на берегъ, притаится въ какомъ нибудь кустѣ, или за кустомъ и держитъ ружье наготовѣ. Не пройдетъ иногда и получаса, какъ поверхность воды взволнуется и изъ нея проворно выпрыгнетъ на ледъ черное, красивое, продолговатое (побольше обыкновенной кошки) животное, съ трепещущеюся рыбкою въ зубахъ. Вотъ оно отряхнуло съ себя воду, бойко осмотрѣлось вокругъ себя черными, зоркими глазенками, настороживо чуткія ушки, убѣдилось, повидимому, въ своей безопасности и начинаетъ свой завтракъ или ужинъ. Обманчивая увѣренность! Полѣскій охотникъ не знакомъ съ промахомъ,—выдра не кончитъ своего завтрака или ужина: сверкнетъ выстрѣлъ, и кожа ея чрезъ нѣсколько дней будетъ продана пану, или жиду за 2, за 3, иногда и болѣе (смотря по величинѣ и добротѣ кожи) руб.

По случаю низменной почвы Полѣсья, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько же на лодкѣ и около того пройдти пѣшкомъ. На лѣсныхъ дорожкахъ чуть-чуть замѣтны признаки давней и рѣдкой ѣзды бѣдныхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ прокатилось нѣсколько телегъ, только трава немного помята, принижена и пожелтѣла, на остальныхъ мѣстахъ дорожки ростутъ всякіе грибы да молоденькіе побѣги сосѣднихъ деревьевъ. Но всего неудобнѣй и непріятнѣй эти дорожки отъ попадающихся на нихъ довольно часто лужъ или бродовъ, изъ которыхъ иные бываютъ длиною съ версту и болѣе. Чѣмъ мѣстность низменнѣй и болотистѣе, тѣмъ, конечно, чаще такіе броды тиранятъ и непривычнаго къ нимъ путника, и везущихъ его бѣдныхъ животныхъ. Но большая половина этой тираніи получается путникомъ не столько отъ самихъ бродовъ, сколько отъ ихъ обстановки и обитателей. Едва вы въѣхали въ бродъ, какъ несмѣтныя полчища различныхъ насѣкомыхъ, проснувшихся отъ всплесковъ воды, отъ близости лакомаго блюда, тучами налетятъ на васъ. Муха, комарь и слѣпень жужжатъ невыносимо, съ бѣшенствомъ кидаются въ глаза и другіе открытые члены тѣла

путника; оводы всѣхъ возможныхъ породъ, начиная отъ маленькаго сѣраго, желтаго и свѣтло-зеленаго, немного побольше мухи, до желто-сѣраго, немножко побольше колибри, и наконецъ до сѣраго, поуже и длиннѣе пчелы, *здрока,*—этого тигра насѣкомыхъ,—вся эта кровожадная сволочь осыпаетъ путника и животныхъ. Первый, отмахиваясь отъ аттакующихъ его кровопійцъ, долженъ обратиться въ perpetuum mobile, послѣднія выбиваются изъ силъ отъ двойной работы, боли и истощанія крови. Особенно онѣ боятся послѣдняго, потому что онъ кусается, какъ бѣшеная собака. И животное чувствуетъ его приближеніе; оно очень хорошо различаетъ его шмелиный полетъ между миріадами его сотрудниковъ, оно воздрагиваетъ судорожно—всякій разъ, какъ только здрокъ готовъ на немъ усѣсться. И недаромъ! Если бы здрокъ укусилъ лошадь, незнакомую съ его зубами, путникъ не собралъ бы, что называется, и косточекъ. Вотъ, наконецъ, вы выѣхали изъ брода, но нерадуйтесь еще преждевременно: вы попали изъ воды въ огонь,—вы попали въ зыбучій песокъ; колеса телѣги вашей утопаютъ въ немъ по ступицы; вы плывете по этой новой жидкости неспѣшно, подвигаетесь впередъ немного скорѣе черепахи. Лошадь ваша, на всякомъ шагу, теряетъ цѣлую его треть, потому что, не смотря на свою опытность и снаровку,—не смотря на то, что она ступаетъ совсѣмъ иначе, нежели степная, держитъ ноги косо, подаваясь всѣмъ тулевищемъ впередъ, стараясь кончиками копытъ отыскать на днѣ песка прочную точку опоры,—она ровно на цѣлую треть своего шага, отъѣзжаетъ назадъ, а колеса ваши, прыгая по скрытымъ въ пескѣ и торчащимъ, подобно ребрамъ скелета, на поверхности земли сосновымъ корнямъ, да задѣвая близко подошедшія къ узенькой дорожкѣ деревья, производятъ болѣзненное сотрясеніе во всемъ вашемъ организмѣ, особенно въ его внутренностяхъ. И насѣкомыя не всѣ, не скоро отстанутъ отъ васъ; черепашье движеніе по песку много благопріятствуетъ ихъ усѣсту; а если эти попутчики знаютъ, что другой бродъ близко, онѣ всей ватагой будутъ конвоировать туда своихъ жертвъ. Въ мѣнѣ брода на бродъ онѣ ничего нетеряютъ: и тамъ у нихъ будетъ вода, мошка на водѣ, трава, осока и листья кустарниковъ, на которыхъ онѣ любятъ дремать послѣ сытнаго обѣда, поджидать новыхъ жертвъ, и подъ которыми могутъ прятаться отъ дождя, или зноя солнечнаго; имъ уже не первый разъ производить эти конвоировки. Не много, правда, сократитъ ихъ добычу дѣлежъ ея съ полмильономъ товарищей, которыхъ встрѣтятъ онѣ въ новомъ бродѣ и которые вступятъ съ ними въ конкурренцію по части кровопійства; но путнику и везущимъ его животнымъ нисколько отъ того не легче. Но вотъ вы пріѣхали къ броду весьма сомнительной наружности. Вы видите, что поперегъ дороги идетъ

рѣка. Въ омутѣ ея темно, какъ въ могилѣ. По окраинамъ страшнаго пути плаваютъ водяныя лиліи, съ своими широкими круглыми листьями. Но вы туземецъ, вы не поворотите своихъ оглоблей назадъ потому только, что на рѣкѣ нѣтъ ни моста, ни парома. Доски вашей телѣги добыты со дна ея и положены поперегъ. На этомъ импровизированномъ паромѣ вы кладете свой багажъ, если онъ есть; а если нѣтъ, безъ затѣй обнажаете ноги за колѣна, становитесь па билахъ вашей телѣги, понукаете вашихъ животныхъ, и онѣ, безъ сопротивленія, иныя даже съ охотой *), поплыли чрезъ рѣку, и рыбы—большія и малыя снуютъ вокругъ васъ, какъ бы изумляясь вашей отвагѣ, или любуясь вашимъ оригинальнымъ вояжемъ. Но не пугайтесь, умѣйте только болансировать вашими ногами и туловищемъ,—поддерживать равновѣсіе свое и телеги, и будьте увѣрены, что васъ не постигнетъ участь Фараона: рано и поздно, вы очутитесь на другомъ берегу моря. Животныя вамъ не измѣнятъ, онѣ облегчены отъ излишнихъ на водѣ стѣсненій свободы ихъ движеній; онѣ не разъ уже купались въ этой рѣчкѣ, а въ телегѣ вашей довольно сухаго дерева, для поддержанія тяжести вашего тѣла. За исключеніемъ двухъ-четырехъ весьма тонкихъ подосковъ, въ ней нѣтъ и одного гвоздика желѣзнаго. Такіе броды полѣшукъ для шутки называетъ *бродзенятами* (броденками). Въ полѣской пословицѣ: отъ Колка до Храпуня **) сорокъ бродуовъ и бродзеня, бродзеня именно такое, какое сейчасъ мною описано.

Впрочемъ, хоть изрѣдка, на такъ называемыхъ купеческихъ трактахъ, лежащихъ въ казенныхъ имѣніяхъ, попадаются на Полѣсьи довольно хорошо устроенныя плотины, простирающіяся иногда па значительное разстояніе. Между прочимъ, я знаю одну плотину, тянущуюся верстъ на 30, по одной болотистой мѣстности Мозырскаго уѣзда, между селеніями Озерянами и Тонѣжами, въ бывшемъ салогубовскомъ, теперь казенномъ имѣніи. Устройство этой прекрасной плотины стоило огромнаго труда и издержекъ. Плотина окопана глубокими рвами, изъ которыхъ одинъ (правый) далеко глубже и шире своего сосѣда, такъ какъ по немъ производится въ весеннее время сплавъ лѣсныхъ продуктовъ. Ровъ этотъ никогда не высыхаетъ, потому что въ него стекаетъ вода изъ ключей и лѣсныхъ ручейковъ.

---

*) Истерзанныя насѣкомыми, измученныя ѣздой, онѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, пока человѣкъ окончитъ всѣ приготовленія къ переправѣ и, лишь только онъ очутится на телегѣ, опрометью кидаются въ благодѣтельную влагу.

**) Названіе двухъ сосѣднихъ селъ Мозырскаго уѣзда, между которыми не болѣе 10 верстъ разстоянія.

Земля полѣская довольно неблагодарна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Въ Полѣсьи больше рукъ, чѣмъ сколько нужно для обработки его полей. Поэтому, хотя хлѣбъ въ немъ никогда не бываетъ такъ дешевъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, но за то и голодъ на большинствѣ полѣской территоріи, весьма рѣдкое явленіе. Это отъ того, что на Полѣсьи меньше потребителей, труднѣе сбытъ сельскихъ продуктовъ и что земля тамъ двоякаго свойства: возлѣ дома по большей части черноземъ, не требующая даже унаваживанья, на бору песчаныя поляны. Во время засухи, земледѣлецъ едва соберетъ съ послѣдней сѣмена, употребленныя на посѣвъ: малорослый, хоть и тяжеловѣсный колосокъ, стоитъ не близко отъ своихъ сосѣдей; но за то на черноземи урожай тогда будетъ превосходный. Когда весной будетъ такое половодье, что нѣкоторыя села полѣскія кажутся издали плавлющими по морю, или когда случится дождливое лѣто, черноземъ измѣнитъ земледѣльцу, за то урожай на бору вознаградитъ его за скудость жатвы возлѣ дома. Въ умѣренный годъ и первое и второе поле дастъ жатву достаточную для пропитанія земледѣльцевъ. Поэтому многосемейный полѣшукъ оставляетъ на лѣто одного-двухъ мужчинъ для уборки хлѣба, особенно сѣна, для сѣвбы и другихъ хозяйственныхъ работъ; остальные идутъ въ погонщики судовъ, въ проводники плотовъ, или на какой нибудь другой промыселъ, и возвращаются къ осени домой и съ деньгами, и съ обновами для своего прекраснаго пола, и съ полушубкомъ, купленнымъ въ Кременчугѣ, Екатеринославѣ или Кіевѣ. Иногда (очень рѣдко) женщины отправляются въ Малороссію на зажонъ, т. е. жнутъ за 4 и 5 (по уговору) снопъ.

Впрочемъ, есть на Полѣсьи много и такихъ полосъ земли, которыя потягаются плодородіемъ съ лучшими участками Украины. Бываетъ и то, что изъ Полѣсья вывозятъ по днѣпровской системѣ много разнаго хлѣба даже за границу, тогда какъ обратное его движеніе случается весьма рѣдко. И въ настоящій моментъ (67 года) въ иныхъ мѣстахъ Полѣсья хлѣбъ далеко дешевле, чѣмъ въ Кіевѣ, этой житницѣ Малороссіи.

Но если что плѣняетъ воображеніе существа чувствующаго, если что переноситъ его въ дѣвственные лѣса Америки, то это лѣса полѣскіе. Люблю васъ,—читатель долженъ простить мое увлеченіе,—люблю васъ лѣса моей родины, лѣса гигантскіе, лѣса дремучіе, безвѣстные, безконечные! Я не забуду васъ, вашей тишины, вашего шопота, вашей тѣни; буду часто вспоминать о тѣхъ частыхъ, уединенныхъ, незабвенныхъ прогулкахъ, которыми такъ часто я наслаждался подъ сѣнью ва-

шею, о тѣхъ думахъ и восторгахъ, которыя проходили тогда чрезъ душу юноши, заставляли его проливать слезы радости, изумленія, повергаться въ прахѣ предъ величіемъ и благостью Творца.

Вотъ рабочіе наши отправляются верстъ за 10 въ боръ, на цѣлыхъ двѣ недѣли. Тамъ они будутъ пахать и сѣять рожь на нашемъ участкѣ. Пользуясь моей вакаціей, я примыкаю къ ихъ отряду. Пріѣхали, устроились, разложили оссіановскій костеръ, собрали порядочную лахань грибовъ, съѣли вкусную кашу съ свинымъ саломъ, полакомились грибами, помолились Богу въ нерукотворенномъ Его храмѣ, при мерцаніи невещественныхъ лампадъ, теплящихся предъ престоломъ Всевышняго, и упокоились на лонѣ матери-земли, подъ навѣсомъ свода небеснаго. Крѣпокъ сонъ юноши, послѣ неудобнаго вояжа и вкуснаго ужина. Порой только потревожитъ его трескъ и гулъ обгорѣвшихъ пней древесныхъ на нашемъ кострѣ, рухнувшихъ въ пепелище, или вой голоднаго волка *), невмѣру сократившаго, въ пароксизмѣ аппетита, разстояніе между собой и живою говядиной, или порывистое движеніе воловъ, плотнѣе прижавшихся въ испугѣ къ телегѣ, другъ къ другу, къ огню и человѣку, или звонкій лай собаки, дающей знать врагу, что, въ случаѣ его нападенія, онъ встрѣтитъ зубы крѣпкіе, ноги стойкія и грудь могучую. Но это пробужденіе мгновенно: рабочій подбавитъ дровъ, обернешься только другою стороною туловища къ огню, и мечты грезы уже понесли тебя на своихъ волшебныхъ крыльяхъ въ страну чудесъ. Ахъ, если бы человѣкъ порѣже пробуждался!...

Едва только засѣрѣлъ востокъ, рабочіе уже проснулись; но они ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ и молятся Богу шопотомъ, дѣлаютъ свои приготовленія къ работѣ и къ обѣду осторожно, безъ шуму, боясь разбудить *панича* (барича); они такъ его любятъ. Волкъ ушелъ въ глубь лѣса, собака вознаграждаетъ себя за бодрствованіе во время ночи, волы отвязаны отъ возовъ и пущены на подножный кормъ, еще унизанный перлами росы. Невнятный говоръ пробудившейся природы уже дѣйствуетъ безсознательно на мое ухо. Вотъ онъ дѣлается явственнѣе, опре-

---

*) Иногда и медвѣдь пробирается къ огню, чтобъ убить и утащить въ лѣсъ вола. Но онъ его не тронетъ пока горитъ огонь. Чтобъ избавится отъ этого докучнаго свидѣтеля, медвѣдь идетъ къ ближайшему ручью или болоту, окупается, бережно несетъ къ огню воду, которою напиталась его пушистая шуба, подходитъ къ огню и отряхаетъ на него воду. Повторивъ, если нужно, этотъ маневръ два-три раза, медвѣдь потушитъ огонь совершенно, если только пуля полѣшука, проснувшагося отъ тревоги животныхъ или лая собаки и наблюдавшаго, изъ-подъ руки, продѣлки косолапаго, не прекратитъ ихъ впору.

дѣленнѣе, разнообразнѣе; я протянулся, чтобы выпрямить члены тѣла, утомленные продолжительнымъ бездѣйствіемъ и неестественнымъ положеніемъ; открываю глаза, и міръ Божій является мнѣ въ полномъ освѣщеніи, и жизнь природы коснулась всѣхъ моихъ чувствъ, и я на ногахъ. Среди окружающей меня великолѣпной панорамы, куда устремится первый порывъ мысли и чувства, какъ не ко Всеблагому, Премудрому и Всемогущему! Но духъ мой развлекается отрывками «житейскихъ попеченій», занесенныхъ изъ міра въ пустыню вмѣстѣ со мною. Человѣкъ и его заботы и его сотрудники требуютъ моего вниманія. Пойду молиться Богу туда, гдѣ душѣ моей будетъ вторить вся природа,—то звонкими, то безмолвными, но тѣмъ неменѣе внятными и краснорѣчивыми, голосами,—пойду туда, куда недаромъ уединялись всѣ желавшіе быть ближе къ Богу и дальше отъ міра, куда не проникаетъ ни соблазнъ, ни зависть, ни ненависть, ни интрига людская, гдѣ суета житейская не стучится во всѣ пять дверей храмины духа. И вотъ я въ чащѣ лѣса. Собака хотѣла мнѣ сопутствовать; но она не входила въ мои планы, я велѣлъ ей возвратиться къ обозу. Нехотя, съ поджатымъ хвоотомъ, она исполнила мое приказаніе. постоянно осматриваясь и какъ бы спрашивая меня взглядомъ,—не перемѣнилъ ли я на счетъ ея своего намѣренія. Двустволка была захвачепа мною такъ себѣ, по привычкѣ, безсознательно.

Я очутился подъ навѣсомъ вѣковыхъ сосенъ. Какая торжественная тишина, какое краснорѣчивое молчаніе вокругъ меня! Какой просторъ здѣсь для души моей и тѣла! Какъ легко паритъ мысль моя къ Творцу этого великолѣпія! Какъ пріятно и свободно расширяются мои легкія, для вдыханія воздуха чистаго, ароматнаго, незараженнаго тлѣніемъ, пропитаннаго цѣлебными смоляными частицами! Вокругъ меня исполины лѣсовъ. Стволы ихъ ровны и чисты.. До самой макушки не пестритъ ихъ ни одинъ сучекъ, ни одна вѣтка. Они стоятъ какъ свѣчи гигантскія предъ престоломъ Всевышняго. Никакой кустикъ, никакая травка не смѣютъ стоять съ ними рядомъ. Они заслоняютъ отъ нихъ жизнь, они—эгоисты не удѣляютъ этимъ пигмеямъ растенія ни одного луча солнечнаго; они ловятъ его на лету своими косматными шапками; имъ такъ много нужно! Блестящій, пушистый, золотистый коверъ, неоскверненный, быть можетъ, ногами человѣка, раскинутъ у подножія ихъ на необъятное пространство. Темнокофейные только боровики, пушистые, нѣжные, атласные, какъ ланиты красавицы-креолки, да огневые рыжики, да пестрые мухоморы группами раскинуты на этомъ коврѣ, какъ разноцвѣтные узоры. Взоръ вашъ далеко-далеко вонзается въ глубь бора. Вотъ въ глубинѣ перспективы мелькнула робкая коза, промчалось стадо лосей. Вотъ звонко вспорхнулъ тетеревъ съ вѣтки надъ самой головой вашей,

и бриллiанты росы засверкали въ воздухѣ предъ самыми глазами нашими. Вотъ острымъ своимъ клювомъ стучитъ дятелъ въ сосну, чтобы выдолбить въ ней дырочку и спрятать въ ней свѣжую сосновую шишку, про черный день. Вотъ жолна запустила въ очко улья свою удочку, — свой длинный и влажный языкъ, пчелы покрыли его собою со всѣхъ сторонъ и очутились нечаянно и мгновенно въ желудкѣ коварной птицы, и она, радостнымъ свистомъ, выражаетъ свое самодовольство. Вотъ здѣсь и тамъ зачиликала, застонала, заплакала одинокая птичка. Тонкiй и упругiй воздухъ далеко разноситъ эхо этихъ голосовъ, такъ рѣдко нарушающихъ царствующее здѣсь безмолвiе въ теченiи дня. Часы уже показываютъ половину 12, солнце уже надъ головой моей, воздухъ раскаленъ его лучами; но сплошный навѣсъ изъ сосновыхъ шапокъ заслоняетъ меня отъ зноя; я, по прежнему, наслаждаюсь прiятною прохладой утра. Кое-гдѣ только лучи солнца прорвались сквозь кудры вѣтвей и разсыпали по иглистому фону золотые арабески.

Но я слишкомъ далеко углубился въ чащу бора. Да и скучный голодъ началъ безотвязно ворчать въ моемъ желудкѣ. Крылья моего духа быстро отпустились наземь; я торопливо сдѣлалъ направо-кругомъ и, руководимый теченiемъ солнца, частiю замѣтными для глаза полѣшука только да индiйца слѣдами, оставленными мною на дѣвственной почвѣ, а особенно карманнымъ компасомъ, чрезъ часъ присоединился къ моему отряду, сказавъ, впрочемъ, лѣсу: до свиданья вечеромъ.

Сабака встрѣтила меня у опушки лѣса, гдѣ я собиралъ, или точнѣе—выбиралъ лучшiе грибы къ обѣду. Попутчики мои снимали кашу съ огня, ворча про себя неудовольствiе за то, что я такъ долго заставилъ ихъ ожидать себя съ обѣдомъ. Я помирилъ ихъ съ собою и аппетитомъ, присоединивъ къ нашему обѣду чудный соусъ изъ грибовъ и рыжиковъ, которые прекрасно изжарились, пока мы истребили кашу. Жаръ, сытный обѣдъ, продолжительная прогулка навели на меня сладкую дремоту. Я растянулся въ тѣни шалаша и заснулъ сномъ сладкимъ, какимъ никогда не спалъ ночью. Оказалось, что этотъ сонъ былъ взятъ мною на прокатъ у ночи; потому-что судьба уже рѣшилась отпустить мнѣ его самую ничтожную пропорцiю въ ожидавшую меня ночь. Когда я открылъ глаза, солнце уже дарило природу прощальной улыбкой, изъ-за верхушекъ деревьевъ. Я отправился въ *край* (низменная окраина поляны) на десертъ. Я могъ лакомиться остатками черники, красной и черной смородины, брусникой, *стругвиной* (что то въ родѣ морошки). Я предпочелъ послѣднюю. Да и какъ не предпочесть ее другимъ ея подругамъ Она такъ!

сладка, такъ ароматна, такъ сочиста, что не боится соперничества никакой ягоды. Утоливъ жажду столь прихотливо, подобравъ нѣсколько такихъ грибовъ, которые, такъ сказать, сами просились въ мой носовой платокъ, побродивъ по лѣсу, замѣтивъ издали дремлющаго тетерева и застрѣливъ его,—я возвратился къ рабочимъ. Сложивъ залоги моего будущаго ужина въ шалашѣ, пошелъ я къ рабочимъ, любовался, какъ сметливые волы понимали и исполняли малѣйшій звукъ *), едва замѣтное движеніе, своихъ повелителей, какъ легко отваливали они сошниками прямолинейныя глыбы земли,—поговорилъ съ людьми объ ихъ житьѣбытьѣ, вдоволь наслушался разсказовъ объ ихъ почти баснословныхъ похожденіяхъ, ихъ столкновеніяхъ съ обитателями лѣсовъ, чудесныхъ избавленіяхъ отъ опасностей, попробовалъ было спорить, слушая суевѣрныя толкованія самыхъ обыкновенныхъ явленій природы, убѣдился въ трудности этой полемики, велѣлъ отпречь воловъ и собрать побольше дровъ для костра ночнаго.

Взоръ мой остановился на опушкѣ лѣса; онъ манилъ меня въ свои объятія. Я вспомнилъ обѣщаніе свое повидаться съ нимъ вечеромъ и невольно побрелъ къ нему. На дорогѣ мнѣ попался одинъ изъ работниковъ, я велѣлъ ему изжарить тетерева къ ужину на деревянномъ вертелѣ, по всѣмъ правиламъ гастрономіи, и самъ скоро очутился у опушки бора. Онъ смотрѣлъ на меня не такъ уже привѣтливо и дружелюбно, какъ утромъ. Поляну только лишь задергивали сумерки, а изъ чащи бора уже выглядывала тьма ночная. Угрюмо, какъ бы нехотя, принялъ меня темный боръ подъ сѣнь свою. Какая то неодолимая сила влекла меня въ глубь его, и вотъ я одинъ среди таинственнаго мрака, среди грознаго безмолвія. Что теперь я, какъ не пылинка, затерянная между исполинами творенія! Что былъ бы я, если бы всевидящее око Провидѣнія не видѣло меня и здѣсь, если бы мой безсмертный духъ не успокоивалъ меня тѣмъ, что я «малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ», еслибъ отрадная вѣчность не сіяла предо мною звѣздою путеводной, не мирила меня съ настоящимъ ничтожествомъ!

Окружавшая меня тишина была едва ли не тише. Онъ слышалъ по крайней мѣрѣ, «какъ ужъ ползъ въ травѣ», я ничего не слы-

---

*] На Полѣсьи командуютъ волами посредствомъ двухъ только звуковъ: ксо [сокращенное—къ себѣ, или налѣво) и цобъ [отъ себя, или направо). Жаль только, что для понуканья воловъ, во многихъ мѣстахъ Полѣсья употребляютъ не кнутикъ, а вдѣланное въ палку шило, которымъ немилосердно колютъ бѣдное животное.

нилъ: на землѣ и въ воздухѣ было безмолвіе смерти. Но это безмолвіе было промежуточное. Какъ бы по данному сигналу, лѣсъ ожилъ. Вотъ что-то тяжелое рухнуло на землю, это медвѣдь толкнулъ улей съ пчелами, съ высоты 10 саженей; вотъ къ другой сторонѣ раздался страшный ревъ этого силача: впотьмахъ, онъ попалъ лапой въ капканъ, поставленный для него моими спутниками. Но не торжествуй еще своей побѣды человѣкъ! Богатырь, или разобьетъ въ щепы сталь твоей ловушки, или отгрызетъ себѣ лапу, лишь бы спасти жизнь свою и свободу. Вотъ вдали стая волковъ затянула свой дикій концертъ; одни вытягиваютъ ноты заунывныя, разнообразныя, безъ перерывовъ звука и рѣзкихъ скачковъ тона; другіе дробятъ отрывисто, скоро, монотонно, съ крутыми, однообразными пониженіями и повышеніями тона. Дрожь пробѣжала по спинѣ моей, я машинально взялся за двустволку. Вотъ и лось замычалъ какъ-то ласково, давая знать своей подругѣ о мѣстѣ своего пребыванія. Сова то заплачетъ дитятей, то захохочетъ зайцемъ, то залаетъ собакой, то огласитъ лѣсъ звонкимъ окликомъ часоваго. Нетопыри юлятъ подъ навѣсомъ сосенъ, задѣвая иногда впотьмахъ мою щеку своими холодными и скользкими крыльями. Вокругъ меня самое разнообразное проявленіе жизни: человѣкъ «исходитъ на дѣло свое и на дѣланіе свое отъ утра до вечера», а обитатели лѣсовъ—отъ вечера до утра; они какъ бы смѣняютъ человѣка на стражѣ жизни.

Глазъ мой свыкся съ темнотою. Я какъ бы получилъ новую способность—видѣть во мракѣ. Вотъ я уже различаю исполинскіе стволы дремлющихъ сосенъ; вотъ они обозначаются явственнѣе; взоръ мой проникаетъ въ ряды ихъ глубже. Вотъ и лампада, повѣшенная Всемогущимъ на тверди ночной, начинаетъ разливать свой кроткій полусвѣтъ на мрачную землю. Какъ теперь хорошъ лѣсъ! Невыразимо-дивно все вокругъ васъ! Какъ тихо и плавно скользитъ этотъ блѣдный лучь сквозь вѣтви древесныя; какъ нѣжно и долго дрожитъ онъ въ воздухѣ, какъ нехотя касается онъ грязной и грубой земли, какъ медленно и лѣниво ложится онъ на игластый коверъ бора, какъ легко и живописно рисуетъ онъ на немъ палевые узоры! Но вотъ легкій вѣтерокъ пролетѣлъ надъ лѣсомъ; узоры, раскинутые по землѣ луною, ожили, зашевелились, порхнули съ мѣста торопливо, покачались въ воздухѣ и снова улеглись на указанныхъ имъ луною мѣстахъ. Ряды сосенъ дремлютъ, какъ исполины въ косматыхъ шапкахъ; я воображалъ себя героемъ волшебной сказки. Но затѣмъ описывать неописанное!... Въ веществѣ даже такъ много невеще-

ственнаго, что его не уловить, не передастъ никакая кисть, никакое перо; бѣдная кисть, жалкое перо!

Но вотъ волшебные рельефы луны порхнули съ земли на небо; кипада ночи задернулась темною занавѣсью. Обитатели лѣсовъ притихли. Воздухъ сдѣлался парнымъ и удушливымъ. Вершины сосенъ заговорили, сперва шопотомъ, по секрету, потомъ громче, какъ бы споря на военномъ совѣтѣ, предъ битвою. Внизу еще тихо, ряды сосенъ спятъ еще беззаботно, когда головы ихъ думаютъ уже думу крѣпкую. Но вотъ и стволы ихъ закачались, какъ бы распрямляя свои могучіе члены къ наступающему сраженію; вотъ битва въ самомъ разгарѣ. Вѣтви съ деревъ посыпались на землю. Крѣпкіе стволы сосенъ наклоняются къ союзницѣ-землѣ, какъ бы умоляя о помощи. Мольбы напрасныя! Ураганъ неумолимъ, непобѣдимъ. Цѣлъ и невредимъ летитъ онъ грозою смертоносною, а между врагами его много уже раненыхъ, довольно увѣчныхъ, немало убитыхъ. Но онъ не довольствуется этимъ частнымъ пораженіемъ: онъ употребилъ военную хитрость,—подмѣтилъ слабую сторону непріятелей, неистово врѣзался въ ряды ихъ въ концѣ остроконечной поляны и, какъ ангелъ истребитель, промчался разрушеніемъ сквозь нихъ, усткавъ трупами противниковъ широкую и длинную полосу земли. Сосна 1½ аршина въ діаметрѣ, перервана имъ на двое, какъ тонкая нить; вершина ея очутилась въ 15-ти саженяхъ отъ своего ствола; изъ двухъ сосѣднихъ сосенъ свитъ ураганомъ исполинскій канатъ; тысячи другихъ вырваны съ корнями и далеко отброшены отъ родной почвы; надо мной гулъ, вой, визгъ, трескъ. Раскаты грома грозно аккомпанируютъ этому страшному концерту урагана; на тысячи отголосковъ дробится оглушительный трескъ ихъ въ упругихъ стволахъ сосенъ *). Я всякую минуту трепеталъ за жизнь свою. Молнія юлитъ у меня предъ глазами; двуличневый блескъ ея освѣтилъ какое то животное, мелькнувшее предо мною въ глубинѣ бора, какъ волшебное видѣніе. Вотъ недалеко отъ меня загорѣлась сосна, зажженная молніей. Пользуясь этимъ случайнымъ освѣщеніемъ, я могъ по крайней мѣрѣ посовѣтоваться на счетъ маршрута съ моимъ компасомъ — тѣмъ болѣе, что гроза уже промчалась, и я могъ безопасно оставить свое убѣжище подъ защитой самой гигантской сосны. Торопливо шелъ я къ своему шалашу. Земля одѣлась въ тучу; но подруга ея луна и сквозь тучу дарила мнѣ достаточную пропорцію свѣта для моего отсту-

(*) Это явленіе и называется, какъ было выше замѣчено, — на Пожвѣ «чортовымъ весѣльемъ».

зміемія. Крупныя капли дождевыя рѣдко, но тяжело, начали стучать въ навѣсъ надъ головою моей. Вотъ онѣ сдѣлались чаще; вотъ дождь зашумѣлъ въ вѣтвяхъ сосновыхъ, какъ ревъ отдаленнаго водопада, а я иду какъ по крытой галлереѣ. Ни одна капля дождевая не канула еще на меня. Не будь у меня слуха, я не повѣрилъ бы, что иду подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ, вѣтви и иглы сосновыя до того напитались дождевою водою, что уже не задерживали ея на себѣ и открыли для нея скользкій токъ на землю. Сперва нѣсколько крупныхъ капель шлепнулось объ мою войлочную шляпу; потомъ онѣ начали падать чаще и чаще, и дождь, казалось, хотѣлъ выместить на мнѣ свою досаду за прежнее отъ него укрывательство и вознаградить себя хоть качествомъ, если не количествомъ своихъ капель. Между тѣмъ я успѣлъ забыть направленіе моего выхода изъ лѣса, указанное свѣточемъ горѣвшей сосны. Опасность заблудиться, или по крайней мѣрѣ провести ночь въ дремучемъ лѣсу, среди сильныхъ и кровожадныхъ враговъ, подъ потокомъ дождя,—смутно мелькнула въ умѣ моемъ и произвела легкое сотрясеніе во всемъ моемъ организмѣ. Я крикнулъ изо всей силы: Хвесько! (Ѳеодосій,—названіе главнаго работника нашего). Эхо тысячу разъ передразнивало меня,—сперва громко и внятно, потомъ тише—и тише, потомъ едва слышно, наконецъ исчезло въ отдаленіи. Жду отвѣта; напрасное ожиданіе! Вокругъ меня гудитъ только дождь, да трещитъ порой сухая вѣточка, пріютившаяся подъ иглицей и переломанная моею ногою. Я еще пробѣжалъ съ полверсты и сдѣлалъ выстрѣлъ. Шаловливое эхо опять подхватило этотъ новый звукъ, прокатало его по лѣсу непрерывнымъ гуломъ, похожимъ на раскаты грома, постепенно умолкающіе вдали. На этотъ разъ попытка удалась: до моего слуха долетѣло звонкое: ау! Вотъ послышался вдали лай собаки *); чутье и ноги у нея быстрѣе нашихъ. Я бѣгу на лай собаки и чрезъ полчаса она уже машетъ мнѣ привѣтливо хвостомъ, прыгаетъ въ восторгѣ на мою грудь, валяется у ногъ, лижетъ руки. Я обласкалъ этого лучшаго друга людей; мнѣ уже не такъ было скучно и страшно, — насъ было двое. Сметливая собака побѣжала впереди меня, поминутно озираясь и всякій разъ изъявляя движеніемъ хвоста свое удовольствіе, по случаю свиданія со мною. Мой гордый разумъ невольно покорился инстинкту животнаго; я тороплюсь за своимъ вожатымъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что онъ ведетъ меня прямо къ цѣли. Съ людь-

(*) Предъ моимъ нохожденіемъ, собака такъ далеко забѣжала въ лѣсъ, что я никакъ не могъ ее докликаться.

ии, между тѣмъ, я веду постоянную перекличку. Вотъ голоса ихъ ближе — и ближе; вотъ уже я могу сказать: добрый — вечеръ, Хвесько. «*Незабавомъ будзе вже-й-добры—дзень*» (скоро будетъ уже и добрый день), проворчалъ онъ съ досадою. Я не хотѣлъ спорить съ вѣрнымъ и старымъ слугою нашимъ; я замѣтилъ по тону рѣчи, что онъ хотѣлъ выразить этими словами свое неудовольствіе на поздый и опасный мой вояжъ. Другіе работники присоединились къ намъ. Эти добрые, любившіе меня крѣпко, люди не смыкали еще глазъ. Опасности, какимъ я подвергался, напугали ихъ болѣе, нежели меня самаго. Не смотря на борьбу стихій, на проливной дождь и утомленіе послѣ тяжкой работы, они разбрелись по лѣсу отыскивать затерявшагося панича, оставивъ въ шалашѣ одного только старика, для котораго подобныя рекогносцировки были уже не подъ силу, и который хотѣлъ поддерживать огонь на кострѣ, думая, что онъ, между прочимъ, послужитъ для меня маякомъ. Но дружелюбныя намѣренія любезнаго старика не могли осуществиться. Когда мы подошли къ шалашу, едва могли откопать два—три угля, пріютившіеся отъ потопа подъ обгорѣвшей колодой. Предусмотрительный старикъ, видя, что онъ не поддержитъ огня въ настоящее время, подумалъ о будущемъ: онъ натаскалъ въ глубь шалаша бревенъ двадцать сухихъ дровъ. Приходъ нашъ къ пепелищу былъ ознаменованъ прекращеніемъ дождя; мы воспользовались съ благодарностію запасомъ *Панцелья* (Пантелеимонъ,—названіе старика), и предъ нами засверкалъ, затрещалъ такой огонь, что пламя его хотѣло потягаться ростомъ съ сосѣднею сосной. Мы сняли съ себя мокрую верхнюю одежду, развѣсили ее возлѣ огня на чемъ попало, повернулись нѣсколько разъ предъ огнемъ, и чрезъ полчаса вода дождевая, промочившая насъ до костей, возвратилась къ своему источнику. Я посмотрѣлъ на часы; была 3¼ по полуночи: оказалось, что *хронометръ* Хвеська безошибоченъ. Я не могъ довольно надивиться, какъ опытности простолюдина, такъ равно и тому, что мнѣ показалось такъ короткимъ время, проведенное мною въ лѣсу. И неудивительно: предо мной такою непрерывною чередой шли явленіе за явленіемъ, ощущенія такъ быстро смѣняли одно другое, что время не необратило даже на себя моего вниманія. Торопливо поужинали мы и легли спать. Я приказалъ рабочимъ вознаградить себя сномъ утреннимъ за безпокойное бодрствованіе во время ночи и, вздохнувъ къ Богу, заснулъ сномъ юноши на мягкомъ и ароматномъ сѣнѣ, подъ навѣсомъ шалаша.

Утромъ я возобновилъ мою вчерашнюю прогулку. Я опять пошелъ молиться Творцу въ дивномъ, необятномъ храмѣ природы. Она была еще восхитительнѣе послѣ ночныхъ потрясеній:

воздухъ былъ свѣжѣе, бирюзовѣе, чище и ароматнѣе, зелень изумруднѣе, птицы и другія животныя веселѣе и привѣтливѣе; грибы пушистѣй, ягоды сочнѣй и прозрачнѣе. Само собою—я взялъ другое направленіе, противоположное моей вчерашней прогулкѣ. Такимъ образомъ, повторяя каждый день эти незабвенныя прогулки, я измѣрилъ своими ногами пространство верстъ въ пятнадцать вокругъ нашего лагеря. Увлекаемый новыми красами манившаго меня къ себѣ холмика, озера, очаровательной лужайки, гигантскимъ ростомъ исполиновъ дремучаго бора, подстрекаемый страстью охотника,—порой, я такъ далеко углублялся въ чащу лѣса, что, голодный и усталый, едва къ вечеру возвращался къ людямъ и съ жадностію прежде всего бросался на черствый кусокъ черннаго хлѣба.

Лѣса едвали еще не очаровательнѣе зимою. Въ Полѣсьи флора чисто сѣверная; тутъ нѣтъ многихъ растеній, которыя красуются на почвѣ Малороссіи; но то, что ростетъ въ лѣсахъ Полѣсья, наряжается на зиму такъ тепло, такъ великолѣпно, что зимній покровъ лѣса чаруетъ взоры, увлекаетъ воображеніе. Не отъ того ли, что Полѣсье заслонено отъ теплаго юга безконечными, исполинскими лѣсами, въ немъ климатъ несравненно суровѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ даже губерніяхъ, подъ одною и тою же широтою. Холода въ немъ зимою почти вятскіе. Птицы нерѣдко падаютъ отъ стужи на лету мертвыми. При помощи мятели, снѣгъ иногда до того навалитъ на землю, что заноситъ избы поселянъ, и они на утро открываютъ себѣ заступами и лопатами тоннель изъ—подъ снѣжной лавины, словно изъ-подъ пепла Везувія, а ребятишки всякую почти зиму имѣютъ счастіе скатываться на салазкахъ съ крыши домовъ своихъ родителей..

Невыразимо пріятно ѣхать въ такую зиму лѣсами полѣскими! Узкая, вылощенная, какъ бѣлый, полированый мраморъ, дорожка, шаловливыми зигзагами, извивается подъ навѣсомъ деревъ. Здѣсь не колетъ въ вашу щеку сѣверный зефиръ; едва внятно доходитъ до слуха вашего даже сердитое дыханіе борея (нельзя здѣсь обойдтись безъ этихъ устарѣлыхъ названій): вы подъ двойною защитой привѣтливаго лѣса и его вдвойнѣ косматыхъ шапокъ. Порой только, какъ бы съ досады на докучливость борея, тряхнетъ онъ сердито шапкой, и васъ осыплетъ снѣжная пыль; но вы отряхнулись въ свою очередь, и снова восхищаетесь окружающею васъ декораціей. И, какъ хороша, какъ неописанна эта декорація! Стволы деревьевъ по колѣна потонули въ тепломъ, пушистомъ коврѣ снѣга. А этотъ неземной снѣгъ, чистый, мягкій, эфирный, какъ будто пухъ, упавшій съ крыльевъ серафимовъ, не оскверненный стопою человѣка, словно усыпанъ пылинками

толченыхъ алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ. Индѣ только на немъ виднѣется слѣдъ пробиравшагося изъ лѣса на дорогу животнаго,—то мелкій, оставившій послѣ себя на снѣгу едва замѣтную полоску, то крупный и размашистый, какъ слѣдъ человѣка. Группы деревьевъ разряжены какъ на миръ. Онѣ усыпаны и унизаны съ ногъ до головы кружевами, жемчугомъ, брилліантами. Лучь солнечный, дробясь въ безчисленныхъ ихъ граняхъ, искрясь всѣми цвѣтами радуги, дѣлаетъ ихъ великолѣпное сіяніе невыносимымъ для слабаго зрѣнія человѣка. Толстый слой снѣгу, словно пухъ лебяжій, чудными фестонами, повисъ на ихъ вѣтвяхъ и наклонилъ ихъ къ землѣ. Вы проѣхали нѣсколько верстъ, декорація измѣнилась. Предъ вами поляна, покрытая снѣжною катертью, невыносимой для глаза бѣлизны; а въ глубинѣ перспективы стоятъ какія—то исполинскія головы сахару,—вы въѣхали въ еловый лѣсъ. Стройная пирамидальная ель глубоко вонзилась острымъ шпицомъ своимъ въ синее небо. Вѣтви ея, наперекоръ законамъ природы, родственно прижимаются къ землѣ. Подъ сводомъ ихъ образовался уютный шатеръ, постланный шелковистою травой. Медвѣдь спитъ подъ этимъ наметомъ—сномъ летаргическимъ. А тамъ, вдали, промчалось стадо дикихъ козъ, едва касающихся снѣга своими острыми копытцами; а тамъ взлетѣла на самую верхушку дерева пестрая рысь; вотъ проворная бѣлка любопытно выпучила на васъ свои плутовскіе глазки и, присѣвъ на заднихъ лапкахъ, грызетъ орѣхи, которыхъ она принасла съ полчетверти на зиму въ дуплѣ дерева. Вотъ засѣла межь густыми вѣтвями дикой придорожной груши свирѣпая, косматая, черная, отвратительная россомаха. Она поджидаетъ добычу. Черные глаза ея искрятся сквозь дыры снѣжнаго покрова древеснаго. Плохо если вы ее не замѣтили; а если замѣтили, стрѣляйте метко, иначе вы погибли. Она сдѣлаетъ быстрый, какъ молнія, прыжокъ прямо вамъ на спину, вопьется когтями одной лапы въ ваше плечо, другою выцарапаетъ глаза, сдеретъ съ лица кожу, потомъ начнетъ лакомиться вами, выбирая, конечно, болѣе нравящіеся ей кусочки вашего злополучнаго, еще живаго тѣла (*).

Но спустимся съ облаковъ поэзіи въ прозу быта повседневнаго. Лѣсъ доставляетъ полѣшуку такъ много жизненныхъ удобствъ и достатка, что не мнѣ, не въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, обрисовать всю пользу лѣса, всю благодать, какую Богъ даруетъ

(*) Въ настоящее время, говорятъ, довольно рѣдко попадаются на Полѣсьи рыси и россомахи.

въ немъ человѣку. Изба лѣснаго жителя крѣпка и просторна; постройки для разныхъ животныхъ—всрубь, изъ дерева—въ обхватъ толщиною; въ избѣ тепло и свѣтло. Нестало соли, поѣзжай въ лѣсъ на—гулянкахъ, наруби дровъ, свези въ ближайшее мѣстечко, и соль у тебя будетъ. Дастъ ее, правда, жидъ не много; потому что цѣна базарная, въ мѣстахъ лѣсистыхъ, рѣдко восходитъ выше 15 коп. за возище дровъ, а все—таки соль будетъ почти даровая.

Но владѣльцы лѣсныхъ дачъ извлекаютъ изъ нихъ столь огромныя и разнообразныя пользы, что ихъ измѣрить и исчислить не возможно. Всякій почти помѣщикъ полѣскій *гонитъ* въ лѣсу деготь, а особенно смолу, выдѣлываетъ поташъ, строевыя брусья различной величины, для разнообразнаго назначенія,—доски, драни, гонту, клепку, мачты для кораблей и рѣчныхъ суденъ. Изъ молодыхъ деревьевъ зимою гнутся полозья для саней, дуги, ободья для колесъ, выдѣлываются оси, оглобли и проч. Весь этотъ лѣсной продуктъ, или продается на мѣстѣ барышникамъ, или транспортируется самими владѣльцами частію въ Данцигъ, Кенигсбергъ, и особенно въ Кременчугъ и безлѣсныя мѣста Новороссіи и доставляетъ имъ въ одинъ годъ столько прибыли, сколько не извлечешь изъ степи и въ десять лѣтъ. Для сбыта мелкихъ лѣсныхъ продуктовъ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть собственныя верфи, на которыхъ строятся судна для всей системы днѣпровской. На верфи даютъ судна и на фрахтъ... Чтобъ не идти въ Кременчугъ, для нагрузки солью, порожнякомъ, на судно кладутъ помянутыя лѣсныя издѣлія, или нѣсколько десятковъ саженей дровъ, продажею которыхъ можно было бы покрыть небольшія издержки на содержаніе трехъ—четырехъ рабочихъ,—такъ какъ остальные погонщики суденъ отправляются, для сбереженія времени и расходовъ, въ Кременчугъ на *дубахъ*,—особаго устройства круглоденныхъ баркасахъ, подымающихъ отъ 100 до 500 пудовъ, дѣлаемыхъ изъ цѣльнаго дуба и ошалеванныхъ по сторонамъ сосновыми досками. А дровъ изъ Полѣсья вывозятъ ежегодно столько, что количество ихъ опредѣлить едвали возможно. У многихъ помѣщиковъ есть стекляные заводы, индѣ очень порядочные. Есть у нѣкоторыхъ и заводы желѣзные и чугунные,—послѣдніе въ значительномъ размѣрѣ. Для выдѣлки клепки во многихъ лѣсахъ отведены участки богатые дубовымъ лѣсомъ. Въ этихъ участкахъ съ давнихъ поръ поселились мазуры колоніями. Они ни чѣмъ не занимаются, кромѣ выдѣлки клепки и получаютъ за выдѣлку извѣстнаго ея количества плату, условленную контрактомъ, заключеннымъ ими съ владѣльцами лѣсныхъ дачъ, или съ правительствомъ, если лѣсъ казенный.

Избы ихъ разбросаны уединенно по лѣсу, на необозримое пространство. Иныя едва виднѣются въ глубинѣ перспективы, изъ-подъ навѣса деревьевъ. Скотъ ихъ по большей части круглый годъ бродитъ по лѣсу. Меткая винтовка колониста и острые зубы собаки давно уже отучили волка отъ нападенія на этихъ пустынножителей. Во всякой колоніи есть магазинъ, наполненный всѣми жизненными потребностями, устроенный или самимъ владѣльцемъ лѣсной дачи, по контракту, или какимъ нибудь спекулянтомъ, чаще всего, конечно, евреемъ. Мазуръ ни зачѣмъ не имѣетъ нужды отлучаться отъ своей колоніи въ городъ, или мѣстечко: все,— отъ муки до сапога, отъ топора до сукна, отъ свѣчи до водки, отъ каната до иглы, все найдетъ онъ въ этомъ всеобъемлющемъ амбарѣ. Не отыщетъ онъ здѣсь только предметовъ прихоти и роскоши, но мазуръ и безъ нихъ живетъ счастливѣй многихъ сибаритовъ. Впрочемъ, изба всякаго почти колониста окружена обширнымъ огородомъ, на дѣвственной почвѣ котораго вы увидите не только исполинскіе виды всевозможныхъ огородныхъ растеній, но иногда и лоскутокъ земли, засѣянной овсомъ, льномъ, клеверомъ, но никогда почти рожью, ячменемъ, или пшеницей.

Привольно живутъ эти анахореты. Во всю жизнь не забуду я двухъ дней рождественскихъ святокъ, случайно проведенныхъ мною между ними. Застигнуые вьюгой, сбившіеся съ дороги, при страшномъ морозѣ, мы—школьники попали нечаянно въ одну изъ описанныхъ мною колоній и попросили въ полночь гостепріимства у одного мазура. Насъ приняли какъ родныхъ, не знали чѣмъ угощать, какъ и гдѣ упокоить. Утромъ мы начали собираться въ путь; не тутъ то было: повозки и лошади наши упрятаны подъ замокъ, вещи и теплая одежда исчезли. А между тѣмъ изба гостепріимнаго колониста уже наполнялась мазурами разныхъ возрастовъ и половъ; уже между ними завязался горячій споръ о томъ, кто изъ нихъ будетъ имѣть счастіе прежде угощать насъ. Много мы потратили убѣжденій пока вырвались изъ объятій этихъ незабвенныхъ людей, чтобы летѣть въ объятія отцевъ и матерей, братьевъ нашихъ и сестеръ. Какое довольство, счастіе, радость и безстрастіе окружаетъ этихъ пустынниковъ! Какъ они ласковы, внимательны, симпатичны, гостопріимны! Сейчасъ бы, кажется, порхнулъ изъ окружающей меня суеты, эгоизма и неестественности въ объятія этихъ добрыхъ дѣтей природы, и вѣкъ бы съ ними не разстался.

Но этотъ незабвенный эпизодъ нѣсколько отвлекъ меня отъ дѣла. Нисколько, впрочемъ, не раскаеваясь въ допущеніи этой умышленной и пріятной для меня нелогичности, я возвращаюсь на оставленную мною тропинку—тѣмъ охотнѣе, что она почти прой-

дена. Мнѣ осталось только сказать, что лѣсъ есть такой источникъ богатства для своего владѣльца, съ которымъ не можетъ выдержать соперничества никакая земля, хотя бы на ней даже открылись золотые пріиски. Да отчего бъ и ихъ не поискать въ богатой столь разнородными дарами Божіими почвѣ бѣлорусскаго Полѣсья?... Я знаю многихъ владѣльцевъ полѣскихъ и барышниковъ въ немногіе годы удесятерившихъ свое состояніе спекуляціей лѣсными продуктами.

Что касается возгласовъ тѣхъ политико-экономовъ, которые, не выходя изъ своего петербургскаго кабинета, оплакиваютъ истребленіе невиданныхъ ими лѣсовъ, вопли ихъ всегда казались мнѣ, какъ полѣшуку, довольно забавными. Лѣсъ можно истребить тамъ только, гдѣ его немного. Но истребить лѣса полѣскіе, да это почти тоже, что выпить Днѣпръ. Можно ли истребить то, чего даже не знаешь? А во многихъ лѣсныхъ дачахъ полѣскихъ нетолько не была нога владѣльца, но и никакого человѣка. Они тянутся на тысячи квадратныхъ верстъ и оканчиваются внѣ Россіи. Опушки только лѣсовъ, и то по близости судоходныхъ рѣкъ, жажда корысти сдѣлала нѣсколько ажурнѣе, а остальной лѣсъ стоитъ себѣ угрюмо и неприкосновенно и теряется въ безвѣстности, а сваленное бурею и временемъ дерево неприкосновенно тлѣетъ на мѣстѣ своего паденія. А если гдѣ смоляной или другой заводъ и очиститъ вокругъ себя пространство въ три-четыре версты; полѣшуку это только и нужно: онъ въ барышахъ цѣлою поляной, которыхъ у него такъ мало, тогда какъ лѣсу столько лишняго; онъ даже нарочно, съ неимовѣрными усиліями, выдергиваетъ вѣковыя деревья съ корнями (или, какъ онъ выражается, *корчуетъ*), чтобъ очистить мѣсто для поляны и посѣять на ней рожь, или гречиху.

Иванъ Эремичъ.

ЯГАЙЛО

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ.

(Продолженіе) (1).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На галлереѣ, за прозрачной завѣсой, собралось въ церкви множество женщинъ, разныхъ лѣтъ, костюмовъ и сословій. Тутъ были: княгини, боярыни, жены царедворцевъ, были жены сидѣльцевъ и простыя горожанки. Въ этой пестрой толпѣ находилась и та боярыня, которая, какъ читатель видѣлъ выше, была воспріемницей новорожденнаго ребенка, въ церкви па Замковой горѣ..... Къ ней, то-и дѣло, подходили боярыни по одиночкѣ и тихо спрашивали: „какъ нарекли младенца?“

— Яковомъ, также тихо отвѣчала она.

— Князь-то знаетъ объ этомъ? спросила ее одна изъ боярынь.

— Нѣтъ..... Скажутъ послѣ, когда веселый часъ на него найдетъ..... отвѣчала она.

Но вотъ началась заутреня, разговоры смолкли, всѣ начали молиться Богу..... Водворилась въ Пятницкой церкви благоговѣнная тишина, нарушаемая пѣніемъ и чтеніемъ церковнаго причта..... Въ былое время, наши прапрадѣды молились не такъ какъ мы — ихъ праправнуки. Въ минуту молитвы, они отрѣшались чувствомъ и мыслію отъ всего земнаго и сосредоточивались только на небесномъ..... Такъ какъ читателю и романисту въ церкви дѣлать почти нечего, то мы будемъ продолжать романъ, прямо съ окончанія богослуженія.

Кончилась заутреня; вся масса молящихся въ Пятницкой церкви начала расходиться по домамъ. Кто пошолъ

(1) См. 10 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

по дорожкѣ, ведущей въ Кривый градъ, кто на Лоточекъ, кто къ русскому, новгородскому гостинному двору, а кто на Зарѣчье.....

Въ это время на дворѣ начинало свѣтать. На чистомъ небосклонѣ зардѣлась утренняя заря. Сильный порывистый вѣтеръ разогналъ скопившіяся надъ городомъ тучи и очистилъ небо.

— Кума, куда пойдешь къ обѣдни? спросилъ бояринъ, бывшій въ замковой церкви, съ вышеописанной лентой, догоняя боярыню,—крестную мать младенца Якова.

— Въ Пятницкую..... къ Прасковіи...... Великая княгиня велѣла мнѣ взять новокрещеннаго къ обѣдни и причастить его святыхъ божественныхъ таинъ,—отвѣчала она.

— Доброе дѣло! заключилъ бояринъ.

— А знаешь что кумъ?..... Меня раздумье беретъ Не къ добру громъ гремѣлъ во время крещенія, сказала боярыня, значительно ударивъ на словѣ „не къ добру.“

— Богъ одинъ вѣдаетъ, къ добру или къ худу, заключилъ кумъ, разводя руками.

— Помнишь, кумъ, когда запѣли: „елицы во Христа крестистеся“, съ какимъ страшнымъ трескомъ и гуломъ ударилъ громъ? продолжала кума.

— Что будетъ, того не минешь, а чего не будетъ того нечего опасаться, сказалъ бояринъ.

— Охъ! быть худу... Не тáкъ крестили!... Я знаю, я вѣдаю, раздался за ними голосъ. Кумъ и кума оглянулись; это былъ Алеша—Божій человѣкъ.

— Куда ты бѣжишь, Алеша? спросилъ боярынъ юродиваго, бѣгущаго что есть силы.

— Далеко..... далеко!..... Отсюда невидать..... сказалъ юродивый, скрываясь въ толпѣ идущихъ.

— Слышишь кума, что Божій человѣкъ—говоритъ-то? Вотъ ты и знай..... заключилъ кумъ, разводя руками.

— Вчерась и ворожея тоже сказала: „быть“ говоритъ „худу, чрезъ этого младенца, для всей нашей земли; не на радость“ говоритъ „онъ родился“ сказала кума и оба, молча, пошли далѣе.

За ними, въ почтительномъ отдаленіи, шли латники, ночные дозорные, между которыми были и наши два знакомца.

— Что ни говорите, братцы, а я своими глазами видѣлъ вѣдьму, вотъ и онъ тоже,—говорилъ первый.

— Видѣлъ и я, заключилъ второй.

— А я братцы плачъ слышалъ, вмѣшался кто то изъ дозорныхъ.

— Мы тоже слышали, сказалъ первый.

— Полно, братцы..... Такъ ли это?..... Точно ли вѣдьма была?..... Вонъ, смотрите на Лысую гору, народу-то сколько на нее собралось!..... Видно что нибудь случилось? говорилъ тотъ латникъ, который былъ дозорнымъ у воротъ Верхняго замка и который пропустилъ чрезъ нихъ бояръ и боярынь въ церковь.

— И въ самомъ дѣлѣ что нибудь случилось, сказалъ первый латникъ.

Всѣ дозорные остановились и начали смотрѣть на Лысую гору, куда со всѣхъ концевъ города бѣжали толпы литовцевъ.

— Диковинное дѣло, заключилъ одинъ изъ дозорныхъ.

— Что тамъ за диво такое, что всѣ спѣшатъ туда?, спросилъ латникъ у проходящаго вайделота, показывая на гору.

— Всѣ поклонники нашихъ боговъ спѣшатъ на гору затѣмъ, чтобы цѣловать священную землю, которая сегодня ночью посредствомъ стрѣлъ Перкунуса съ небомъ соединилась, — сказалъ вайделотъ, показывая на обвалъ горы и проходя далѣе.

Латники тутъ только замѣтили большой обвалъ на горѣ.

— Вотъ—сюда, должно быть, Илья пророкъ и ударилъ, заключилъ одинъ латникъ.

— Вѣстимо—сюда; тутъ, должно, въ ту пору вѣдьма сидѣла, сказалъ первый.

— Пойдемте, братцы, посмотримъ... кто то сказалъ изъ латниковъ.

— Смотрѣть — то нечего, да и грѣхъ..... Пойдемте лучше по домамъ, братцы, заключилъ первый.

— По домамъ, въ гридню, закричали латники и отправились по дорогѣ къ Нижнему замку.

Едва только они подошли къ воротамъ замка, какъ за ними раздался звукъ рога. Они оглянулись и увидѣли цѣлую кавалькаду всадниковъ, скачущихъ къ замку.... Дневной дозорный, стоявшій у воротъ Нижняго замка, услыхавъ звуки рога, стремглавъ бросился къ воротамъ и сейчасъ же отворилъ ихъ настежъ....

— Великій князь Ольгердъ съ охоты возвращается, сказалъ первый латникъ своимъ собратамъ, выстроивающимся въ шеренгу для встрѣчи своего короля.

— Дѣйствительно, это былъ Ольгердъ, съ своею свитою. Онъ ѣхалъ впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, который, горделиво поднимая свою голову, какъ будто этимъ хотѣлъ заявить, что сѣдокъ его не простой витязь, а самъ король Литвы и западной Руси.

Подъѣзжая къ воротамъ, В. К. Ольгердъ замѣтилъ обвалъ и множество народу на Лысой горѣ.

— Это что такое?, спросилъ онъ у одного латника, показывая на гору.

Латники переглянулись между собой и, перешептываясь другъ съ другомъ, недоумѣвали, что имъ отвѣчать.

— Что это за сборище, я спрашиваю васъ, или вы глухи безъ меня сдѣлались?, вторично спросилъ Ольгердъ, обращаясь къ латникамъ.

При этомъ латники окончательно смѣшались, и одинъ Богъ знаетъ, что могло бы выйдти изъ этой неловкой сцены, если бы, на счастіе латниковъ, не явился къ Оль-

терду виленскій тіунъ (1). Запыхавшись, онъ предсталъ предъ очи своего князя и, въ буквальномъ смыслѣ, билъ ему своимъ челомъ до самой земли.

— Храни тебя боги на многія лѣта, сказалъ тіунъ кланяясь Ольгерду.

— Пусть слова твои услышатъ наши боги, отвѣчалъ Ольгердъ; что это за сборище такое на Лысой горѣ, казнять что ли кого?, спросилъ онъ же.

— О нѣтъ, великій король Литвы и Руси.... Вѣрные твои рабы и слуги, поклонники боговъ отца твоего, ревностные кривичи поспѣшили изъ домовъ своихъ на Лысую гору, чтобы облобызать священную землю, въ которую проникли стрѣлы Перкунуса.... Но, если милости твой, великій нашъ король, неугодно будетъ такое радѣніе литовцевъ о своемъ богѣ, то я палками прикажу разогнать ихъ,— говорилъ тіунъ, продолжая кланяться.

— Пускай ихъ цѣлуются съ пескомъ, если имъ это любо, заключилъ Ольгердъ, намѣреваясь стегнуть плеткой свою лошадь.

— Великій нашъ король,— у меня до тебя есть еще слово.... Дозволь говорить, робко просилъ тіунъ.

— Говори, сказалъ Ольгердъ, опуская плетку.

— На той горѣ нашли залитый дождемъ жертвенный костеръ, а на кострѣ ребенка...

— Мертваго?

— Живаго, холстина и ткань, въ которую онъ укутанъ былъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ обгорѣла и вся измокла, но ребенокъ живъ.... Только плачетъ сильно и дрожитъ отъ холоду..... Я отдавалъ его литовцамъ, да не взяли.

— Отъ чего же?

— Да отъ того, что вѣрно, говорятъ, родители его грѣшны очень, когда боги наши непринали его въ очистительную жертву.... Народъ ругается надъ нимъ, кидаетъ въ

(1) Градоначальникъ.

него грязью и плюютъ. Что съ нимъ дѣлать прикажешь мнѣ, король?, спросилъ тіунъ.

— Мальчикъ или дѣвочка?, спросилъ Ольгердъ.

— Дѣвочка, отвѣчалъ тіунъ.

— Литовскіе боги дѣвочекъ не жрутъ, имъ только мальчиковъ изъ христіанъ, лѣтъ до двадцати, давай,— сейчасъ на осинѣ, на той же проклятой горѣ, повѣсятъ, по княжескому велѣнію и по кривокривейтовому прошенію.... закричалъ Ѳомка русинъ, шутъ Ольгерда; находившійся тоже въ свитѣ в. князя и гарцовавшій на своей клячѣ, увѣнчанной лягушками, ежами и сороками— и множествомъ колокольчиковъ и побрянушекъ.

— Шутъ!!? гнѣвно закричалъ Ольгердъ.

— Ася? откликнулся Ѳомка, махая краснымъ огромнѣйшимъ деревяннымъ мечемъ.

— Знай время когда шутить, а не то, смотри—языкъ велю прижечь, сказалъ Ольгердъ.

— Что жъ, вели прижечь, самъ же въ накладѣ будешь: безъ моего языка ты ни одного языка не распознаешь.... сказалъ шутъ, дѣлая на лошади круги и принимая серьезный видъ, что къ нему очень не шло и чѣмъ онъ всегда возбуждалъ смѣхъ.

— Дуракъ, пошолъ съ глазъ моихъ! заключилъ Ольгердъ.

—Тсь!.... ну, ну, ну, конь мой богатырскій, лошадь моя крылатая, скачи что есть духу съ глазъ короля, а не то смотри!..... у тебя только и есть что сухая шкура, да и ту, пожалуй, велитъ онъ снять..... Поѣдемъ-ка, голубушка, дальше, къ синему морю, къ красному подворью.., То-то заживемъ!..Ну, ну, ну!.. понукая лошадь, говорилъ Ѳомка; но кляча его, несмотря на понуканье, стояла, какъ каменная, мутно смотря въ землю.

—Какова лошадь-то, все играетъ, а сама ни съ мѣста, продолжалъ плутъ.

Это расмѣшило Ольгерда, но, что бы скрыть отъ окружающихъ свою улыбку, онъ обратился къ тіуну.

—Ребенка этого отдай криве-кривейту, началъ Ольгердъ.

—Въ царственный гостинецъ, подхватилъ шутъ.

—Пусть онъ сдѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, сказал Ольгердъ, ударяя свою лошадь.

Чрезъ нѣсколько секундъ в. к. Ольгердъ, съ своего сви той, былъ уже у крыльца своихъ хоромъ.

Здѣсь его встрѣтили всѣ бояре-царедворцы.

— Сойдя съ лошади, онъ отвѣтилъ на поклоны бояр и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Новорожденному сыну моему, я придумалъ на охотѣ дать имя—„Ягайло."

Всѣ снова поклонились, а Ольгердъ, погрозивъ шуту, пошелъ въ свои хоромы.

Чрезъ 7 лѣтъ послѣ описаннаго нами случая, въ томъ же городѣ Вильнѣ, въ одинъ чудесный іюльскій день, на пустыхъ площадкахъ Нижняго княжескаго замка, близь терема великой княгини Іуліяніи, шумно веселился и ликовалъ виленскій народъ. Тутъ были русскіе, литовцы, жмудины разныхъ половъ, лѣтъ и сословій; все это пило, пѣло, плясало и кричало..... Княжескіе стольники и чашники разносили желающимъ вино, русскую брагу и литовской аллусъ. Само собой, что нежелающихъ какою нибудь изъ этихъ трехъ напитковъ почти не было; стало быть Рагутису, литовскому богу пьянства данъ былъ полнѣйшій просторъ и онъ, дѣйствительно, былъ полнымъ господиномъ надъ всѣмъ праздничнымъ народомъ. Рамка введенія не дозволяетъ подробно описать шумящую толпу. Но такъ какъ подобные праздники на Литвѣ, своими обрядами и безобразіями, были до мелчайшихъ подробностей сходны между собой, а съ ними придется не одинъ разъ встрѣчаться въ романѣ, то читатели отъ этого ни чего не потеряютъ. По этому скорѣе закончимъ праздникъ Постригу.

Ровно въ полдень, на узорчатое крыльцо, сдѣланное, какъ видно, русскимъ зодчимъ, вышдлъ изъ княжескаго терема тіунъ и махнулъ народу своей тяжеловѣсной палицей. Въ одно мгновеніе шумъ, пѣсни и говоръ смолкли и вся толпа хлынула къ крыльцу.

— Нашъ великій и славный король Ольгердъ, краса защита и гроза земли литовской, ради пострига своего возлюбленнаго сына Ягайла Ольгердовича, приказалъ вамъ выслать со своей пекарни хлѣба и баранины, сказалъ онъ.

Толпа огласила воздухъ радостныхъ крикомъ.

Тіунъ вторично взмахнулъ своей палицей и вторично народъ смолкъ.

— Насыщайтесь скорѣе, потому что скоро начнется передъ вашими глазами обрядъ пострига, продолжалъ тіунъ порусски.

Въ это время множество стольниковъ и слугъ княжескихъ начали раздавать народу хлѣбъ и баранину. Вслѣдствіе чего, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, произошла страшная драка. Стольниковъ окружили со всѣхъ сторонъ, протягивали къ нимъ руки, просили всѣ въ одно время, въ одинъ голосъ, смѣльчаки вырывали изъ ихъ рукъ хлѣбъ и баранину, были и такіе, которые, въ свою очередь, вырывали у смѣльчаковъ нахрапомъ добытое кушанье, причемъ, конечно, завязывалась драка, сопровождавшаяся бранью и зачастую кончавшаяся тѣмъ, что баранина и хлѣбъ не достовалась ни кому, а падала на землю и затиралась ногами. Женщинамъ въ этомъ дѣлежѣ не пришлось ничѣмъ почти попользоватьея: ихъ оттирали назадъ и, безъ всякаго зазрѣнія, толкали въ сторону....... Подоспѣвали новые запасы баранины и хлѣба, снова съ гикомъ толпа бросалась на нихъ и въ одно мгновеніе истребляла... Но вотъ раздача пищи кончилась и тіунъ опять взмахнулъ палицей.

— Остановите на время шумныя восклицанія; сейчасъ на крыльцо выйдетъ самъ великій король Ольгердъ, со своею королевою Ульяною, съ сыномъ своимъ Ягайломъ, съ именитыми родичами и знатными гостями, сказалъ онъ, отходя въ сторону.

Толпа утихла и хранила глубокое молчаніе.

Черезъ нѣсколько кинуть послѣ заявленія тіуна, дѣйствительно, на крыльцо вышелъ в. к. Ольгердъ, за нимъ

супруга его Іуліанія Александровна, ведя подъ руку семилѣтняго сына своего Ягайлу. За ними шелъ князь трокскій Кейстутъ, съ своею женой, княгиней Бирутой и съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Витовтомъ, потомъ князь Андрей Ольгердовичь и всѣ сыновья Ольгерда отъ первой супруги его, витебской княгини Маріи; между ними былъ Патрикій, сынъ Кейстута отъ первой жены его. За ними вышли бояре и баярыни. Всѣ, начиная съ князя и кончая младшими боярами, были одѣты попраздничному. Даже княжескій шутъ Ѳомка, вышедшій тоже въ свитѣ в. князя, и тотъ разукрасилъ себя цвѣтными лентами и лоскутьями разныхъ парчей и тканей.

Посрединѣ крыльца было сдѣлано возвышеніе, покрытое парчами и звѣриными кожами. Великій князь Ольгердъ и великая княжня Іуліянія взяли подъ руки своего сына Ягайла и ввели по ступенькамъ на возвышеніе, откуда поклонились сперва своимъ гостямъ и свитѣ, потомъ и народу, отвѣчавшему на этотъ княжескій поклонъ радостными восклицаніями. Сдѣлавъ поклонъ народу, Ольгердъ и Іуліянія, посадивъ сына своего на возвышеніи, сами сошли съ него и заняли свои мѣсто, рядомъ съ возвышеніемъ. Знаменитые гости тоже послѣдовали примѣру великого князя и усѣлись каждый на своихъ мѣстахъ. На заднихъ скамейкахъ размѣстились бояре и боярыни. Шутъ Ѳомка соскочилъ съ крыльца и колесомъ подкатился къ опустѣвшей послѣ аллуса бочкѣ и, подкативъ ее къ крыльцу, поставилъ *козыремъ* (1) и усѣлся на нее....

Это, разумѣется, вызвало общій смѣхъ. Больше всѣхъ другихъ смѣялся виновникъ празника Ягайло Ольгердовичъ.

— Смѣшно тебѣ, младый княже... Смѣшно тебѣ, что у меня въ головѣ такъ же пусто, какъ въ этой бочкѣ. Ну да не смѣйся надъ этимъ... Тебя сейчасъ стричь начнутъ... Выстригутъ такъ, что у тебя сдѣлается такъ же пусто,

(1) Днищемъ къ верху.

какъ въ моемъ брюхѣ..., говорилъ отрывисто Ѳомка, поправляя свой дурацкій колпакъ.

— Шутъ! не завирайся, крикнулъ Ольгердъ.

— Прикажи ковшикъ малвазіи для радостнаго дня отпустить твоему скомороху Ѳомкѣ, такъ завираться онъ не будетъ,—сказалъ шутъ, дѣлая глупую физіономію.

— Не зачто, сказалъ Ольгердъ.

— Какъ незачто?.. Что ты, княже? А пѣсню то я тебѣ утромъ пѣлъ... Коли не люба, я другую спою, аль сказочку скажу, продолжалъ Ѳомка.

— Подать дураку ковшикъ меду, закричалъ Ольгердъ чашникамъ.

— И на томъ спасибо, заключилъ шутъ. Ему подали ковшъ меду, онъ выпилъ его и поклонился Ольгерду.

— Медъ сладокъ, какъ твои рѣчи, княже, заключилъ Ѳомка.

Ну, будетъ пока, сказалъ Ольгердъ шуту и, обратившись къ тіуну прибавилъ: пусть начинается обрядъ.

Поклонившись князю, тіунъ подалъ знакъ двумъ гуслярамъ, которые, приблизившись къ крыльцу, почтительно поклонились сидѣвшимъ тамъ и, играя на гусляхъ, начали пѣть пѣсню, въ которой прославляли будущую силу и могущество молодаго князя—Ягайла.

Послѣ нихъ къ крыльцу подошли два вайделота—гадатели. Они начали говорить, что цѣлыхъ тридцать ночей гадали надъ звѣздами, которыя будто бы предрекаютъ великую славу для Ягайла и что онъ будетъ грозой для враговъ и крѣпкимъ оплотомъ кривичанской вѣры.

Какъ гуслярамъ, такъ и вайделотамъ подали по ковшу меду.

Послѣ вайделотовъ подошла старуха колдунья и объявила, что видѣла тотъ камень, на которомъ богъ Прамжинасъ написалъ свое предопредѣленіе для молодого князя Ягайлы, что будущность его будетъ громка только сначала, а потомъ померкнетъ слава, на радость врагамъ Литвы, и что земля литовская покроется чрезъ него несмываемымъ по-

зоромъ, что за поцѣлуй красавицы онъ продастъ своихъ вѣрныхъ слугъ чужому королю и самъ пойдетъ въ неволю; что розы и лиліи поблекнутъ въ день его свадьбы.....

Старуха хотѣла было продолжать, но оглушительный ударъ тіуновой палицы повергъ ее на землю, чѣмъ, конечно, заставилъ замолчать ее.

— Бросить эту лѣсную сову, мышь поганую, падаль скверную въ рѣку Вилію, закричалъ разгнѣванный Ольгердъ.

Услыхавъ эти слова, толпа съ неистовствомъ бросилась на полумертвый трупъ старухи колдуньи и чрезъ нѣсколько мгновеній приказаніе Ольгерда, несмотря на заступничество княгини Іуліяніи, было исполнено въ точности.

Зловѣщее предсказаніе старухи помрачило на нѣсколько минутъ радость праздника, в. к. Ольгердъ былъ въ страшномъ волненіи, Андрей Ольгердовичь, чтобы поскорѣе стушевать тяжелое впечатлѣніе, оставшееся послѣ словъ колдуньи, обратился къ шуту, сидѣвшему на бочкѣ.

Ѳома! Что же ты-то, ничего не говоришь молодому князю? сказалъ онъ.

— Что мнѣ говорить-то!?... Вонъ старуха поумнѣе меня, и то рѣчами не угодила; рыбу ловить къ Атримпусу послали за говоръ—то... А меня и къ Пеклосу ушлютъ, сказалъ Ѳомка.

— Спой пѣсню, продолжалъ Андрей Ольгердовичъ, дѣлая какіе-то знаки шуту.

— Пѣсенку спою... Отъ чего не спѣть?.. сказалъ шутъ вставая на ноги и начиная пѣть слѣдующую пѣсню.

„Дыдисъ нашъ,
„Божокъ нашъ
„Чута, рута
„Чутела, рутела
„Чадо нашъ!“ и проч.

Пѣніе это сопровождалось крывляньемъ и пляской на бочкѣ, что очень забавляло Ягайлу и въ особенности толпу.

— Княже, позволь мнѣ загадать, загадать, загадку тебѣ, обратился Ѳомка къ Ягайлѣ.

— Загадай, сказалъ Ягайло.

— Кто два раза родился, ни однажды не крестился.

— Цыпленокъ, отвѣчалъ, смѣясь, Ягайло.

— Князь умникъ, коли отгадалъ... За отгадку я тебѣ дарю всѣ мои угодья, сказалъ шутъ. Эта острота вызвала улыбку на лицѣ Ольгерда.

Въ это время изъ воротъ замка стройными парами шли вайделотки. Ихъ было очень много, всѣ онѣ одѣты были въ бѣлыя одежды, на подобіе римскихъ туникъ, съ зеленымъ передникомъ, на которомъ бренчали *дѣвичьи бубенчики*. Всякая вайделотка держала въ рукахъ пылающую головню и на головѣ имѣла зеленый дубовый вѣнокъ. Впереди всѣхъ шла маленькая дѣвочка, которой, повидимому, было неболѣе 6-ти или 7-ми лѣтъ. Одѣта она была также какъ и вайделотки. Въ рукахъ она держала ножницы и небольшую кадильницу, изъ которой, дымясь, разливался запахъ янтаря. Подойдя къ крыльцу, онѣ остановились и запѣли языческую обрядную пѣснь, въ которой молили Перкунуса сохранить молодаго князя Ягайла отъ всѣхъ болѣзней и скорбей. Когда кончилась пѣсня, одна вайделотка, отдѣлившись отъ прочихъ, взяла за руку маленькую дѣвочку и взойдя съ ней на крыльцо, поставила ее на ступенькахъ возвышенія, на которомъ сидѣлъ виновникъ праздника.

— Криве—Кривейто, посылая съ ними ножницы изъ рукъ Перкунаса, для пострига сына твоего Ягайла, посылаетъ свое благословеніе на долгую и счастливую жизнь... Пусть жизнь сына твоего Ягайлы будетъ также чиста и свѣтла, какъ огонь Перкунуса, которымъ воспламенены наши головни, сказала вайделотка, вошедшея съ малюткой на крыльцо, обращаясь къ Ольгерду.

— Пусть слова твои слышатъ наши боги, отвѣчалъ Ольгердъ вайделоткѣ. Послѣ чего она сошла съ крыльца и присоединилась къ прочимъ вайделоткамъ, а къ сидящему на возвышеніи Ягайлу подошелъ *стригунъ*, взялъ

изъ рукъ дѣвочки пожницы и, поклонившись Ольгерду и всѣмъ гостямъ, началъ стричь Ягайлу.

По окончаніи пострига, стригунъ отдалъ ножницы дѣвочкѣ, а самъ, собравъ обрѣзанные волосы Ягайлы, завязалъ ихъ въ холстину, поклонился Ольгерду и Іуліаніи и сошелъ съ возвышенія.

Ему также, какъ и другимъ, подали ковшикъ меду.

Въ это время къ крыльцу подвели двухъ осѣдланныхъ и богато убранныхъ лошадей, одна была приготовлена для Ягайла, другая для его дядьки. Въ древнія времена, обычай пострига былъ на Руси, Литвѣ и Польшѣ общій. Въ этотъ день, или правильнѣе выразиться—праздникъ, первый разъ виновника торжества сажали на лошадь и катали его при глазахъ народа. Такъ было и тутъ. Но прежде чѣмъ посадили Ягайлу на лошадь, маленькая дѣвочка, будущая героиня моего рамана, по указанію старшей вайделотки, окуривъ Ягайлу, начала бросать, хмѣлемъ сперва на него, а потомъ на всемъ пути, по которому долженъ ѣхать Ягайло.

Шутъ при этомъ затянулъ литовскую пѣсню.

„Ахъ ты, хмѣль, хмѣлекъ.
„Зеленая шишка.

Но Ольгердъ заставилъ его замолчать:

— Войдыйло! обратясь къ конюхамъ, крикнулъ Ольгердъ.

— Я предъ твоими очами, великій король, сказалъ одинъ изъ конюховъ, подавая поводъ отъ лошади своему собрату и приближаясь къ крыльцу. Этотъ Войдыйло былъ будущій любимецъ Ягайлы; въ настоящее же время онъ былъ простой конюхъ.

На взглядъ ему казалось неболѣе 18 или 20 лѣтъ, но на самомъ дѣлѣ ему было всего только 16. Онъ былъ высокаго росту, коренастый и съ симпатичнымъ лицемъ.

— Я тебя дѣлаю ѣздовымъ дядькой моего сына Ягайлы. Съ сего дня ты долженъ быть постоянно и неотлучнъ при немъ. Служи ему, какъ мнѣ самому. Блюди его, како-

душу свою... За все я съ тебя спрошу,—сказалъ Ольгердъ, вставая съ своего мѣста и подходя къ Ягайлу, котораго началъ осыпать поцѣлуями; послѣ него подошла къ сыну своему Іуліянія Александровна, глаза ея были полны слезъ, крѣпко она прижала своего Ягайлу и долго, очень долго душила его своими жгучими поцѣлуями. Послѣ нихъ, всѣ знаменитые родственники Ягайлы подходили къ нему, желали ему счастія и каждый цѣловался съ нимъ три раза. Но вотъ снова молодая дѣвушка, несмѣлой поступью, взошла на возвышеніе, въ рукахъ у ней былъ небольшой мечь и золотая перевязь, послѣдней она опоясала Ягайлу, а первый подала ему въ руки.

Ягайло, по указанію Андрея Ольгердовича, взмахнулъ мечемъ и, привѣсивъ его къ своей перевязи, робко нагнулся къ маленькой дѣвочкѣ, чтобы поцѣловать ее,—какъ требовалось по обряду пострига.

— Ну цѣлуй скорѣй! шепнулъ своему брату Андрей Ольгердовичъ.

Ягайло обнялъ крошечную вайделотку и поцѣловалъ ее. Оба, какъ онъ, такъ и она, зардѣлись какъ *маковый цвѣтъ*.

— Чья ты дочь, голубушка, спросила маленькую вайделотку Іуліянія Александровна.

— Не знаю, отвѣчала она, стыдливо опуская въ землю глазки.

— Это питомица, криве—кривейты, ее 7 лѣтъ тому назадъ нашли на Лысой горѣ, въ потухшемъ кострѣ..., отвѣчалъ тіунъ княжнѣ Іуліяніи.

Андрей Ольгердовичъ, съ помощью другихъ своихъ братьевъ, свелъ Ягайлу съ крыльца и посадилъ его на лошадь. На другую лошадь вскочилъ Войдыйло, который, поронявшись съ Ягайлою, началъ его придерживать, и поѣздъ тронулся при крикѣ ликующаго народа. „Многи лѣта князю Ягайлѣ!“ кричали литовцы, „многи лѣта, князю Якову!“ кричали русскіе и крики эти превратились въ общій продолжительный гулъ.

— Выкатить десять бочекъ вина народу, сказалъ Ольгердъ тіуну.

С. Калугинъ.

(Конецъ введенія).

ВСПОМИНАНІЕ О НЕДАВНОМЪ ПРОШЛОМЪ.

(КАРТИНА ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.)

(Продолженіе) (1)

5.

ЯДОВИТОЕ ПИСЬМО.

Дайте-жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей грудью вздохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.
Добролюбовъ.

,,На зеркало неча пѣнять, коли рожа крива."
(Народная пословица).

Читатель навѣрно помнитъ, въ какомъ настроеніи духа отецъ мой возвратился изъ хедера. Пришедши домой, онъ спросилъ меня: Ну, мой сынъ, каковъ хедеръ? какъ нравится тебѣ *деръ-ребе?* Кажется, и не бьетъ своихъ учениковъ и еще деньги даетъ, отчего же ты плакалъ и не хотѣлъ идти въ хедеръ?

— Да, вздохнувъ, вмѣшался братъ мой,— хедеръ этотъ, обыкновенный, какъ всѣ хедеры, и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ, онъ лазаретъ, онъ домъ сумасшедшихъ для бѣдныхъ дѣтей; меламедъ-невѣжа, какъ всѣ меламды. Кричитъ-кричмя, а самъ не знаетъ, чего хочетъ; но это еще куда ни шло, надѣюсь, впередъ этого не будетъ: навѣрное онъ тоже, какъ вся его братія, зани-

(1) Смот. кн. 7 Вѣстника Зап. Россіи.

мается сватовстомъ и рѣдко, стало быть, будетъ въ хедерѣ. Но главное, я боюсь, чтобы онъ, во время рѣдкаго своего досуга, не успѣлъ, Боже упаси, внушить моему брату еще глупости въ такомъ родѣ: ангелы занимаются.... но я не могу повторять этихъ бредней..... слова брата видимо подѣйствовали на отца. Нѣсколько минутъ онъ, не шевелясь какъ каменный стоялъ посреди комнаты. Пришедши въ себя, отецъ произнесъ, кивая головой и пожимая плечами: „уму не постижимо, чѣмъ я навлекъ на себя гнѣвъ Божій, и за что Онъ меня такъ жестоко караетъ! Денегъ, кажись, не жалѣю: у цадика часто бываю, молюсь, кажется, усердно и „вкусно"; качаюсь и что мочи кричу, словомъ, какъ цадикъ. В. (такъ звали брата моей матери) кажись, *красивый еврей* (1)? Чтобъ это значило? я ума не приложу на кого... похожъ этотъ уродъ (отецъ указалъ на брата пальцемъ)! Нѣтъ, ужъ видно, не подъ счастливой звѣздой я родился. Господи Боже мой и моихъ предковъ! пошли мнѣ, несчастному родителю, или ему (отецъ снова указалъ на брата), который только и родился на мое горе, смерть! Съ радостью, о Боже, я готовъ умереть, или видѣть его,— этого эпикурейца, умершимъ. Я бы не поднялъ такого гвалта, какъ А..., когда у него околелъ этотъ студентъ. Боже мой, Боже мой! отчего эта саранча эпикурейцы, новый казенный раввинъ, смотритель, да учитель не сломали себѣ шеи, отчего „брюха ихъ не лопнули", прежде чѣмъ они пріѣхали къ намъ въ N.! До ихъ прибытія я не зналъ печали, сынъ мой занимался талмудомъ, и Богъ и люди радовались, глядя на него; а лишь только эта саранча— эпикурейцы пріѣхали, какъ ужъ N-скій сишботъ не нравится ему, я батюшка, говоритъ, поѣду въ Вильну, тамъ хорошій сишботъ, и я буду заниматься прилежно, дабы вступить тамъ.... страшно вымолвить!.... вступить въ это

(1) Талмудистъ называется красивый еврей, будь онъ хоть самою отвратительною и гадкою рожею. Въ талмудѣ сказано: „по большой части дѣти человѣка въ нравственномъ отношеніи похожи на братьевъ жены."

проклятое *мучилище!* Владыка милосердый! злой духъ овладѣлъ мною, когда я позволилъ ему ѣхать въ Вильну. Тамъ онъ научился, къ моему несчастію, осмѣивать все іудейское. Пейсы чѣмъ короче, тѣмъ и лучше; довольствуется уже одною шапкою, а „ермолка къ чему?“ говоритъ, „развѣ я какой нибудь татарченокъ, который шатается по улицамъ съ мыломъ?“ То и дѣло охорашивается предъ зеркальцемъ, безъ котораго „пробора“ нельзя ему найти“. Слыхано ли, видано ли, чтобы сынъ благородныхъ родителей смотрѣлъ въ зеркальце!? Въ нашемъ еврейскомъ костюмѣ непристойно ему ходить: „къ чему ботюшка, говоритъ, длиннополый кафтанъ, развѣ только, чтобы уличная грязь лучше принималась“? Эхъ, какая мудрость!.... Развѣ тѣмъ только могу я утѣшиться, что это не мой сынъ говоритъ его языкомъ,—а злой духъ! Охъ, охъ, охъ!.... я сдѣлаюсь общимъ посмѣшищемъ наравнѣ съ Абрамсономъ. Въ моемъ присутствіи меламедъ оклеветалъ Абрамсона, теперь предъ другими, пожалуй, даже предъ Абрамсономъ, раструбитъ все слышанное имъ о моемъ сынѣ. „Направивъ глаза свои прямо на потолокъ и закусивъ верхнимъ рядомъ зубовъ нижнюю губу, отецъ, послѣ короткой паузы, перемѣнилъ грустное выраженіе лица на веселое и произнесъ: „да, слава Богу, что я хасидъ; меламедъ совершенно правъ, поѣду къ цадику, онъ всему этому поможетъ...., его слово лѣкарство“. Между тѣмъ дверь отворилась и вошла мать. Увидя эту сцену, она, въ испугѣ, спросила: „что это значитъ? случилось, вѣрно, несчастіе? Бога ради, скажите скорѣе!“ Отецъ грустнымъ тономъ отвѣчалъ: „охъ, охъ!.... не физическое, а нравственное несчастіе. Вотъ онъ (глазами мигулъ на брата) *ростетъ аберлинеръ* (1) и повторилъ слова брата.

— Тьфу, тьфу, тьфу! плюнула мать, по еврейскому

(1) Еретикъ. Отъ слова—Берлинъ, гдѣ Мендельсономъ былъ основанъ 1-й разсадникъ просвѣщенія для евреевъ. На Волыни образованныхъ называютъ „бродскими“, ибо туда просвѣщеніе явилось отъ г. Броды.

обычаю, три раза, я думала, Богъ знаетъ; что случилось, флегматически продолжала она.

— Съ вами женщинами нечего и говорить, замѣтилъ отецъ, за что *„гробы нужно рвать“*, вы смотрите хладнокровно; когда я браню его за чтеніе библіи съ *біуромъ* (1) ты также заступаешься за него! Прошу тебя впередъ не мѣшаться въ такія дѣла; я отецъ, на мнѣ лежитъ обязанность воспитывать дѣтей и, слава Тебѣ, Господи, не нуждаюсь въ учителяхъ. Стану я слушать, что баба мелетъ! Нѣтъ, во чтобы то нистало, скорѣе отправлюсь къ цадику за *камея* (2).

— И доселѣ не понимаю, что за грѣхъ, коли онъ читалъ библію? Я, мой мужъ, женщина простая, ни въ какой наукѣ кромѣ *техилотъ* (3) ничего не смыслю, а въ техилотъ сказано: „святая библія, святая библія“; а ты, вѣнецъ моей головы, бросаешь ее о земь и топчешь ногами, какъ вещь негодную, богопротивную! Объясни мнѣ эту загадку, мой мужъ, женщинѣ неученой; я ужъ, давно собиралась спросить тебя объ этомъ, а теперь къ слову пришлось.— Отецъ замѣтно былъ тронутъ наивнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливымъ замѣчаніемъ матери; „какъ мнѣ не стыдно“ подумалъ онъ, женщина простая разсуждаетъ основательнѣе меня— талмудиста и заставляетъ меня краснѣть. Въ самомъ дѣлѣ, что это за преступленіе? что это за грѣхъ? и почему его я ненавижу и преслѣдую. Можетъ ли это нравиться Господу Богу, что я швырнулъ св. писаніе на землю и топталъ ногами? Боже мой, Боже мой! сумашествіе овладѣло мною! Вѣдь иные родители, не менѣе меня набожные, платятъ еще учителямъ, чтобъ они учили ихъ дѣтей библіи, а мой сынъ долженъ заниматься на чердакѣ, чтобъ его не примѣтилъ!... Нѣтъ, во чтобы то ни стало, впередъ я предоставлю ему свободу заниматься

---

(1) Комментарій библіи, который былъ составленъ Мендельсономъ и его учениками.

(2) Талисманъ, амулетъ.

(3) Молитвы для женщинъ.

библіею и еще поощрю его. „Но не долго этотъ лучъ свѣтилъ въ его головѣ, ни къ чему путному не повело отцовское мгновенное раскаяніе. Что пользы отъ молніи во время ночной грозы? Ровно никакой! развѣ только послѣ ея появленія громъ начинаетъ гремѣть, дождь усиливается да тьма ночная дѣлается темнѣе: отецъ пуще прежняго разсердился и задалъ хорошую колотушку и матери и брату,— конечно, матери языкомъ, а брату руками; за то онъ въ свою очередь, также съѣлъ грибъ отъ матери. Это уже въ порядкѣ вещей, что если даже изрѣдка вкрадывается въ туманную голову закоренѣлаго фанатика лучъ Божьяго свѣта, то онъ всячески старается прогнать его; потому и отецъ съ сердцемъ отвѣчалъ на справедливые замѣтки матери.

—Прошу тебя, моя жена, впередъ не дури моей головы такими глупыми вопросами, къ чему намъ, евреямъ спрашиваю, знать, „почему нельзя"? Довольно съ насъ если раввины, цадики, строго—настрого, запрещаютъ. Я самъ моими глазами видѣлъ, какъ цадикъ швырнулъ въ огонь библію съ біуромъ и цѣлый тотъ день былъ внѣ себя отъ радости; я его никогда такимъ не видѣлъ. „Я, говоритъ, совершилъ сегодня богоугодное дѣло,— и ты, кажется, также знаешь, что, по повелѣнію здѣшняго раввина, ховошенько высѣкли одного сшиботника и прогнали изъ сшибота, когда узнали, что онъ тайкомъ читалъ библію съ біуромъ". На замѣчанія читателя, почему именно фанатики—невѣжды израильскіе такъ сильно негодуютъ противъ читающихъ эту священную книгу, прежде скажемъ, что негодованіе ихъ обращено исключительно только противъ читающихъ ее съ комментаріемъ Мендельсона, гдѣ авторъ всячески старается, вопреки Медрешу и Талмуду, отыскивать прямой и ясный смыслъ словъ и предложеній, въ чемъ старые раввины, привыкшіе къ темнымъ и кривымъ толкованіямъ своихъ меламдовъ, нашли профанацію божественныхъ словъ, и за что они произнесли надъ ними анаѳему. Нельзя при этомъ не

обратить вниманія читателя и на ту аналогію между папизмомъ и талмудизмомъ, что папой также какъ и раввинами, если не строже, запрещается мірянамъ читать ету священную книгу; причина запрета одна и таже....

— Еслибъ ты, моя жена, знала, продолжалъ отецъ,— что вслѣдствіе чтенія библіи съ біуромъ, нашъ сынъ, въ которомъ всѣ думали увидѣть раввина, что было бы источникомъ его счастья и нашей гордости, вступилъ въ раввинское училище, ты, я думаю, не спросила бы, что за бѣда, коли онъ читаетъ библію съ біуромъ?

— Какъ! онъ ходитъ въ раввинское училище? ошеломленная, спросила мать.

— Да, моя жена, уже два мѣсяца, какъ я узналъ объ этомъ ударѣ; я получилъ ядовитое письмо отъ нашего родственника N, но я все скрывалъ отъ тебя: авось, думаю, удастся кое-какъ тайкомъ, безъ твоего вѣдома, поправить дѣло и вырвать его оттуда. Тутъ онъ вынулъ изъ боковаго кармана письмо на еврейскомъ жаргонѣ слѣдующаго содержанія и съ слѣдующею фразелогіею:

„Зная, что этимъ письмомъ я не буду въ твоихъ глазахъ хорошимъ вѣстникомъ, зная, что письмо это не будетъ для тебя тоже, что холодная-ключевая вода для истомленнаго жаждой въ аравійской пустынѣ, но, какъ масло пылающему пламени, какъ соленная вода умирающему отъ жажды,—я хотѣлъ было положить руки въ карманъ, пальцы мои положить на уста (молчать) и не писать тебѣ на счетъ твоего сына, для котораго ты, кажется, четыре года тому назадъ, въ твоемъ письмѣ ко мнѣ искалъ моего покровительства и, что я, какъ подобаетъ близкому родственнику и истинному хасиду, хотѣлъ было исполнить, еслибъ твой сынъ только явился ко мнѣ. Но, припомнивъ стихъ: „если увидишь заблудшуюся овцу ближняго твоего, ты долженъ вывести ее на прямую дорогу;" я подумалъ: коли овцу ближняго человѣкъ обязанъ спасти отъ гибели, тѣмъ паче исходящаго изъ чреслъ его. Поэтому, мой другъ, я сбросилъ съ рукъ оковы и дрожащими, словно въ ли-

хорадкѣ, руками взялъ перо писать тебѣ, что сынъ твой.... Нѣтъ, не могу!... руки дрожать, ноги подкосились, глаза капаютъ слезами, когда вспоминаю, что сынъ моего родственника не находится въ ешиботѣ, какъ онъ полагаетъ, но страшно вспомнить—въ раввинскомъ училищѣ!! Ты, мой другъ, не смотри, что онъ ходитъ въ длиннополомъ кафтанѣ, какъ всѣ евреи, когда онъ пріѣзжаетъ къ вамъ въ N; нѣтъ, увѣряю тебя, мой другъ, что у насъ въ Вильнѣ онъ ходитъ какъ всѣ рабинчуки—негодяи—въ короткомъ! Одно, мой другъ, меня удивляетъ, какъ же ты такъ позволилъ себя обманывать! Сейчасъ, какъ только онъ взялъ съ собою паспортъ съ метрическимъ свидѣтельствомъ, ты долженъ былъ смекнуть, что онъ ѣдетъ въ Вильну не для вступленія въ ешиботъ; вѣдь въ ешиботахъ никакихъ бумагъ не требуется. Больше новостей нѣтъ, надѣюсь, что ты, мой другъ, отложишь всѣ свои дѣла въ сторону и на орлиныхъ крыльяхъ прибудешь къ намъ въ Вильну спасти своего сына, какъ хочетъ твой родственникъ и истинный другъ, желающій говорить съ тобою не посредствомъ легкаго пера, но лицемъ къ лицу, ртомъ ко рту".

Речетъ N малый, сынъ покойнаго р. М.

— Ну, мой сынъ, что запоешь послѣ этого пріятнаго письма?,—обратлися отецъ къ брату сквозь слезы; правду сказать— ты намъ хорошую кашу заварилъ! Вотъ благодарность за то, что мы такъ лелѣяли, хранили, кормили, поили, обували побарски, самыхъ лучшихъ меламдовъ нанимали для тебя! Казалось, труды наши не остались тщетными: ты уже зналъ около ста листовъ Гемаре *на палецъ* (1),—занимайся ты и доселѣ талмудомъ, зналъ бы—таки уже, я думаю, нѣсколько сотень листовъ, ты намъ принесъ бы честь и радость, самъ также остался бы въ барышахъ, ты могъ составить себѣ хорошую партію и

(1) Хедерское выраженіе.—Искуство состоитъ въ томъ, что меламедъ тыкаетъ въ Гемарѣ пальцемъ, куда ни попало на какое нибудь слово, а ученикъ долженъ отгадать какое слово находится нѣсколькими листами дальше параллельно этому слову.

зашибить большое приданное. Вспомни, мой сынъ, что мнѣ уже — подъ сорокъ, пора, кажись, имѣть мнѣ хоть одного внука! Вѣрь, мой сынъ, что въ твоихъ лѣтахъ,— тебѣ вѣдь уже 19!,— въ такихъ лѣтахъ, слава Богу, былъ я уже отцемъ двухъ дѣтей; сжалься надо мною, обѣщайся не ѣхать въ Вильну и остаться въ N.! Теперь слава Богу, никто еще не знаетъ твоей погибели; мы схоронимъ концы твоего прежняго поступка въ воду, никто даже словомъ не пикнетъ. и скоро оженимъ тебя. Неужели тебѣ будетъ, мой сынъ, пріятно, если я въ молодыхъ лѣтахъ сойду въ могилу? Я увѣренъ, что не перенесу этого страшнаго фамильнаго удара!!"

Братъ съ непоколебимымъ, но притворнымъ хладнокровіемъ, молчалъ.

— Что молчишь, немытая рожа твоя! закричалъ отецъ, говори, иначе я тебя сію минуту въ порошекъ сотру и по вѣтру развѣю! Говоря это, онъ уже сжалъ правую руку и хотѣлъ было нанести брату тяжеловѣсный ударъ, но послѣдній успѣлъ уклониться въ другую сторону.

— Позволь, батюшка, замѣтить тебѣ, началъ братъ, что ты кричишь и нападаешь на меня ни за что, ни про что. Кажется не мѣшало бы напередъ узнать, что тамъ за училище, какіе предметы въ немъ преподаются, какіе тамъ учителя и наставники, какая цѣль этого училища; авось грѣхъ мой еще не такой девяностошестой пробы и быть можетъ моимъ поступленіемъ въ раввинское училище я не осквернилъ нашей фамилійной гордости.

— Смѣешь еще говорить?! оправдываться вздумалъ? разбойникъ ты эдакой, отцеубійца ты! Знать ничего не хочу, что тамъ за проклятое ваше училище и вѣдать не желаю.

На сцену появились пощечины и оплеухи.

— Бей сколько тебѣ угодно, но напередъ говорю тебѣ, что это ни къ чему угодному тебѣ не поведетъ. Развѣ я глупенькій годовалый ребенокъ и не понималъ прежде, что ты узнаешь о твоемъ страшномъ фамильномъ ударѣ!? Вѣдь

шила въ мѣшкѣ не утаишь, слѣдовательно я заранѣе приготовился къ этой сценѣ, а все таки я рѣшился разъ навсегда, во чтобы то ни стало, не оставаться физическимъ и нравственнымъ уродомъ: ни ласками, ни жестокостью ты не собьешь меня съ дороги, по которой иду я. Благодаря Бога, я имѣлъ много времени, и предъ моимъ вступленіемъ, и въ продолженіи моего пятилѣтняго пребыванія въ училищѣ, думать и передумывать объ этомъ. Я тебя увѣряю, батюшка, еслибъ и ты не ѣздилъ такъ часто къ цадику, если бы ты умѣлъ, какъ слѣдуетъ заботиться о дѣтяхъ, ты, я увѣренъ, не считалъ бы фамильнымъ ударомъ извѣстіе, почерпнутое тобой изъ этого ядовитаго письма.

— То то день—деньской я кричу съ нимъ, вмѣшалась мать! Я все твержу: не будь такимъ закоренѣлымъ хасидомъ, посвяти, какъ подобаетъ отцу, хоть минуточку твоимъ дѣтямъ, подумай, какъ поживаетъ въ Вильнѣ, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, твой сынъ. Но съ нимъ говорить тоже, что воду толочь; говорю, говорю, анъ глядь, онъ уже собирается къ цадику. О-го-го! Еслибъ онъ самъ трудился да зналъ, какъ трудно заработывать рубль! Боже мой! за рубль вѣдь приходится десять покупателей обмѣривать и обвѣшивать; я думаю, онъ бросилъ бы цадика. Я-то дура тружусь, бьюсь, какъ рыба объ ледъ; а онъ то-и-дѣло перетаскиваетъ къ цадику. Сколько разъ въ годъ, спрашиваю, нужно ѣхать къ цадику. Разъ, кажись, — и довольно. Моего отца, царство ему небосное, всякій, даже малютка въ колыбели, зналъ за красиваго еврея; дай Богъ, моимъ дѣтямъ пользоваться такимъ именемъ и такимъ богатствомъ, а вѣдь онъ на всемъ своемъ вѣку ни разу даже не былъ у цадика.

— Авось прикажешь мнѣ, моя жена, вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ поѣхать въ раввинское училище? Бѣдная!.. она трудится, бьется, какъ рыба объ ледъ, а я сижу, сложа руки!.... Быть можетъ за то, что я часто бываю у цадика, за то, что не жалѣю для него денегъ, мы и живемъ, слава Богу, припѣваючи?

— Ради Бога, мой мужъ, перестань городить пустаки!.. Попробуй-ка пожаловать къ цадику безъ денегъ и, честное слово, онъ даже говорить съ тобой не станемъ.

— Замолчи, пожалуста! Вѣдь это не споръ? Ты все поешь свое, а я все таки буду дѣлать свое; я хорошо знаю, что намъ не убѣдить другъ друга. Поговоримъ-ка лучше насчетъ нашего сына, я утверждаю, что намъ и ему грозитъ погибель и въ настоящемъ и въ будущемъ свѣтѣ, если онъ будетъ продолжать ученіе въ раввинскомъ училищѣ. Ты, какъ любящая мать, всячески должна стараться удержать дома, а я, съ своей стороны, сдѣлаю свое.

— Я, мой мужъ, не знаю, что тамъ за училище и поэтому ничего не могу говорить сыну; по моему, что за бѣда, если онъ учится?

— Я также не знаю, но заключаю объ ученикахъ этого училища по такимъ негодяямъ, каковъ новый казенный раввинъ, здѣшній смотритель, да учитель, которые воспитывались тамъ. Должно быть и всѣ тамошніе воспитанники такіе же негодяи!

Что ты, мой мужъ!? Бѣлены что-ли обѣлся? Ей Богу, грѣхъ тяжкій порочить такихъ людей!“

— Эка сочинила! Грѣхъ порочить такихъ людей! ха, ха, ха!...

— Кому вѣрить, ей Богу, не знаю! У насъ были вчера двѣ женщины просить милостыни для одного бѣднаго семейства; по ихъ словамъ, новый раввинъ не хуже стараго, если не лучше. „Онъ,“ увѣряли онѣ, „готовъ отдать последню копѣйку бѣдному“.

— Не грѣши, не грѣши, моя жена! Ты вѣришь всему что бабы мелютъ! Увѣряю тебя, что и раввинъ, и смотритель, и учитель всѣ трое—негодяи первой руки!

— Чѣмъ же, примѣрно, новый раввинъ хуже стараго раввина?

— Ты спрашиваешь, чѣмъ онъ хуже стараго раввина? Даже дитя въ люлькѣ знаетъ, что до прибытія этихъ не-

годяевъ къ намъ въ N, благодаря Бога, насчетъ меламдовъ мы были обезпечены. Въ С... только двѣ темныя личности выдержали экзаменъ, и то съ грѣхомъ по поламъ на званіе меламдовъ, тогда какъ у насъ было до сорока меламдовъ. Теперь же этотъ негодяй смотритель строго—на—строго наблюдаетъ, чтобы безъ прописки вида никто не осмѣлился меламедничать.

— Онъ никогда не отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ! я говорю нащетъ раввина, а онъ толкуетъ о смотрителѣ.

— Все равно раввинъ или смотритель, оба они негодяи, оба они изверги. Сердце престаетъ биться, когда вспомню какъ жестоко новый смотритель поступилъ съ р. Тодресомъ-меламдомъ!

— Чтожъ тамъ такое ужасное случилось?

— Р. Тодресъ-меламедъ отправился къ смотрителю въ домъ, поклонился въ поясъ; сжальтесь, говоритъ, либеръ геръ смотритель, надо мною, надъ несчастнымъ отцомъ шести дѣтей-малъ-мала меньше и не лишите моего жалкаго семейства послѣдняго, горькаго куска-хлѣба, позвольте мнѣ продолжать мое несчастное занятіе, какъ прежде безъ прописки вида. Я ужъ, слава Богу, занимаюсь этимъ дѣломъ не одинъ пятокъ лѣтъ, а повѣрьте мнѣ, что даже въ глаза не видѣлъ этихъ видовъ. Хотя разъ пріѣхалъ къ намъ въ № смотритель-С...каго, еврейскаго училища для осмотра нашихъ хедеровъ, но до насъ—меламдовъ пріѣздъ его ничуть не касался,—мы продолжали учить по прежнему. Что касается ревизора, это дѣло уладилъ одинъ еврей, умѣющій кое-какъ болтать по польски; онъ зашелъ къ смотрителю (само собою разумѣется, съ *синимъ* рекомендательнымъ письмомъ), поцѣловалъ у него руку, сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ по польски: „Пани совѣтника, мы за пани добродзеи, пану Боги бендзіемъ просиць" и прочее—въ этомъ родѣ, и смотритель воротился во свояси, не завернувъ даже ни къ одному меламду въ хедеръ. Теперь же, охъ, охъ, охъ!... во всѣхъ училищахъ

либо русскіе, либо, не во гнѣвъ будь сказано, еврейскіе смотрители, которыхъ не умолишь ни поцалуями, ни ласковыми словами, ни... но я возвращаюсь къ просьбѣ р. Тодреса: хотя этотъ эпикуреецъ смотритель и былъ тронутъ его просьбой, но это ни къ чему не повело,—онъ только назначилъ ему отсрочку, съ тѣмъ чтобы р. Тодресъ выучился по ихнему. Сколько времени, говоритъ, понадобится для васъ, чтобы приготовиться къ экзамену на званіе меламда. Лучше приготовитесь и тогда будетъ меламедничать, никого не боясь. Услышавъ это р. Тодресъ заплакалъ. Посудите сами, говоритъ, какъ мнѣ, человѣку, съиздѣтства занимающемуся исключительно только святыми, религіозными книгами, теперь почти на старости лѣтъ начать учиться по христіански!?... Не будетъ ли это даже грѣхъ предъ Богомъ?! Смотритель пожалъ плечами и слегка засмѣялся,—будто Богъ вѣстъ, какую чушь р. Тодресъ сказалъ ему, и началъ доказывать, что заниматься по христіански нисколько не грѣшно, а по русски—даже обязательно для каждаго еврея, потому что это господствующій языкъ. На замѣчаніе р. Тодреса: „въ такомъ случаѣ придется мнѣ платить учителю, а у меня, ей Богу, нѣтъ и гроша лишняго, отвѣчалъ онъ.“ Сдѣлайте одолженіе, продолжалъ смотритель, если вамъ угодно, приходите ко мнѣ на домъ каждый вечеръ на часъ, и я съ удовольствіемъ буду съ вами заниматься. Кто ихъ знаетъ, какая прибыль имъ отъ того, что они такъ навязываются всѣмъ съ этимъ русскимъ языкомъ!

— Нѣтъ, либеръ геръ смотритель, я бы хотѣлъ сейчасъ научиться русскому, нѣмецкому языкамъ и ариѳметикѣ; мнѣ эта наука скоро дается, вѣдь у меня талмудическая головка! „Какой вы, право, возразилъ смотритель, то надъ чѣмъ люди трудятся цѣлые годы, вы думаете изучить въ одинъ присѣстъ? А когда меламедъ сказалъ ему, что онъ согласенъ просидѣть у него хоть цѣлый день, онъ расхохотался до упаду и сказалъ: нѣтъ, милостивый государь, я могу помочь вамъ развѣ только деньгами. Какъ вамъ

угодно, это не моя воля, а воля правительства, которую я долженъ свято исполнять. А главная цѣль его совершенно извести меламдовъ и заставить всѣхъ дѣтей ходить въ училище. Гдѣ это слыхано, гдѣ это видано, чтобы въ синагогѣ, въ Божьемъ домѣ говорили рѣчи на русскомъ языкѣ!.. Боже мой, Боже мой! цадикъ, узнавши объ этомъ, плакалъ плачемъ годовалаго ребенка.

— Такъ чтожъ ты, мой мужъ, намѣренъ дѣлать?

— Какъ что? поѣду къ цадику, онъ поможетъ этому: „его слово—лѣкарство."

— Опять къ цадику? Я впередъ знала, что изъ этого выйдетъ предлогъ на путешествіе къ цадику. Одинъ Богъ знаетъ, какое теперь у насъ трудное время, я тебѣ говорю: *если разрѣжешь грошъ, то кровь пойдетъ!* Ѣзда твоя къ цадику на пасху стоила нѣсколько десятковъ рублей, а теперь опять тудаже? Вспомни, что состояніе наше не Ротшильдовское. Если, мой мужъ, не престанешь ѣздить къ *„доброму еврею,"* то скоро придется намъ съ сумой таскаться по міру. Послушай, мой мужъ: что *Богъ напечаталъ, того не миновать."*

— Ахъ вы женщины, женщины! Въ томъ то вся и бѣда, что вы никогда не бываете у цадиковъ. Будь ты хоть разъ у цадика, ты бы помнила его изреченіе: „Богъ опредѣляетъ, а цадикъ разрѣшаетъ".

— Ей Богу, мой мужъ, ты чуть ли не сошелъ съ ума! Цадикъ поможетъ тебѣ! А сколько помогъ Л-еній цадикъ своему собственному горю, когда у него крестился сынъ?.. А наша бѣда, кажется, еще не такъ велика. По мнѣ, мы какъ любящіе родители, должны поощрять сына, всячески должны, на сколько мы въ состояніи, помогать ему. Межъ нами, ты, мой мужъ, ничего не дѣлаешь, а все бремя семейныхъ и житейскихъ заботъ свалилъ на меня, женщину больную, дряхлую, которая уже чуть ноги передвигаетъ. Мнѣ уже не въ моготу болѣе трудиться, тѣмъ болѣе на старости лѣтъ. Если Богъ дастъ доживемъ до старости,

то некуда будетъ и главу приклонить: цадикъ, повѣрь мнѣ, и куска хлѣба тебѣ не дастъ; вѣдь знаешь поговорку: кто беретъ, тотъ не даетъ; а у сына скорѣе найдешь себѣ уголокъ; примѣрно, казенный раввинъ, говорятъ, почти все свое жалованье отсылаетъ своимъ бѣднымъ старикамъ.—

Отецъ вздохнулъ мѣхомъ кузнечнымъ. Прошу васъ, читатель, не ставить меня рядомъ съ тѣми пресловутыми реформаторами, которые кричатъ: долой талмудъ! прочь вредный старикъ! а сами столько смыслятъ въ талмудѣ, понимаютъ его вредъ, сколько природный слѣпой можетъ судить о различіи одного цвѣта отъ другаго, или насколько тѣже самые господа смыслятъ въ еврейскомъ вопросѣ, который они берутся рѣшать. Эти близорукіе реформаторы не понимаютъ, что тѣми общими мѣстами, которыми они вооружаются противъ талмуда и которые, къ слову сказать, безъ помощи ешиботниковъ имъ недоступны, — они не только не уменьшаютъ, но наоборотъ увеличиваютъ достоинство его въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей. Нѣтъ, читатель! я отнюдъ не хочу приводимыми мною мѣстами изъ талмуда показать вамъ вредъ его и такимъ образомъ примкнуть къ этимъ реформаторамъ; въ такомъ случаѣ я былъ бы похожъ на человѣка, который бросаетъ грязью въ свою старушку няньку, которая лелѣяла его нѣсколько лѣтъ. Я для того только приводилъ нѣкоторыя изъ талмуда, мѣста которыя читатель встрѣтилъ и, надѣюсь, встрѣтитъ, дабы этимъ показать, что хасиды—страшные буквоѣды и что въ талмудѣ сказано аллегорически, они понимаютъ буквально, основываясь напримѣръ, на афоризмѣ: „Богъ опредѣляетъ, а цадикъ разрѣшаетъ.“ Одинъ шарлатанъ—цадикъ, во время праздниковъ, когда обыкновенно собирается у него много народа, за неимѣніемъ другихъ чудесъ, которыми могъ бы удивить своихъ поклонниковъ—хасидовъ, взялъ стаканъ воды и вилилъ воду одному семидесятилѣтнему старику—хасиду подъ воротникъ. Изъ цѣлой толпы вызвался одинъ смѣльчакъ и спросилъ шарлатана: „ребе, что, дескать, это

значитъ?" „Видите, сыны Израиля, съ благоговѣніемъ отвѣчалъ цадикъ, подиимая глаза вверхъ, — ангелъ огня настаивалъ предъ Богомъ, чтобы Онъ позволилъ ему уничтожить огнемъ орного хасида; Богъ уже согласился, но теперь опасность минула, сказалъ онъ обращаясь къ старику-хасиду: этимъ стаканомъ воды я успѣлъ затушить пожаръ. Само собою разумѣется, что въ награду за трудъ, шарлатанъ-цадикъ получилъ порядочный кушъ, такъ называемый *пидіонъ* (выкупъ).

Принятое рѣшеніе, ѣхать къ цадику, крѣпко засѣло въ головѣ моего отца и цѣлый тотъ день онъ всячески старался уговаривать мать, чтобы она позволила ему совершить это святое путешествіе, но мать отказала наотрѣзъ. Зная навѣрное, что ее не уломаешь, отецъ пересталъ болѣе говорить объ этомъ, а только горьчими слезами облегчалъ свое горе, да вечеромъ тогоже дня, не внимая мольбамъ и воплямъ матери, отецъ немилосердно въ другой разъ избилъ брата чѣмъ попало и куда попало—за обиду, нанесенную имъ шарлатану цадику, причитывая при томъ: я тебѣ зажму ротъ, я тебя научу, какъ нужно говорить о цадикахъ предъ чужими людьми." Братъ безпрекословно, безропотно перенесъ пытку и только сказалъ: бей сколько тебѣ угодно, на то твоя отцовская воля; но впередъ говорю тебѣ, что такова ужъ моя натура — никакъ не могу гнуть спину, чтобы не обидѣлись карлики.

Нельзя сказать, чтобъ у насъ—у евреевъ былъ недостатокъ въ меценатахъ (конечно на словахъ), которые сочувствуютъ еврейскому образованію. Попробуйте-ка, читатель, поговорить съ инымъ евреемъ на счетъ теперашняго состоянія евреевъ (конечно не со всякимъ), и вы услышите зазубренную имъ фразу: „ничего, ничего! и на нашъ горизонтъ взойдетъ солнце, и мы со временемъ сравнимся со всѣми европейскими народами. Къ чему спѣшить? Время возметъ свое, времена перемѣняются и характеръ людей съ ними: видно, покуда еще не ударилъ часъ воли Божей" и т. д. Эти господа забываютъ, что пока сол-

нышко взойдетъ на ихъ горизонтъ, роса можетъ глаза выѣсть; они не понимаютъ, что въ этомъ утѣшительномъ „современемъ" закваска всѣхъ бѣдъ, что это „современемъ" не признаетъ надобности спѣшить на встрѣчу этому блаженному времени, это „современемъ" не даетъ даже еврею съ свѣтлымъ умомъ ударить палецъ объ палецъ въ пользу этого времени. Время, конечно, беретъ свое; время привело евреевъ и къ теперашнему состоянію, время—лѣкарство; но кто не согласится, что съ лѣкарствомъ нужно умѣть обходиться? Самое главное—нужно употреблять лѣкарство; а если оно не будетъ употребляемо паціентомъ, Богъ вѣсть, до коихъ поръ больной пролежитъ на своемъ одрѣ!! При видѣ того факта, что въ нашемъ раввинскомъ училищѣ обучается значительное число воспитанниковъ и что каждогодно цифра воспитанниковъ увеличивается,— эти господа, съ самодовольной улыбкой, восклицаютъ: вотъ какъ шибко идетъ образованіе у евреевъ! просто, исполинскими шагами! вотъ какъ охотно посылаютъ родители своихъ дѣтей въ училище! Нѣтъ, читатель, вы жестоко ошибетесь, если думаете, что всѣ эти бѣдняги поступаютъ съ позволенія своихъ родителей и слѣдственно получаютъ отъ своихъ родителей какое нибудь вспомоществованіе. Вообразить себѣ не можете, сколько трудовъ стоитъ каждому изъ этихъ бѣдняковъ поступленіе въ училище и сколько разнообразныхъ угнетеній, преслѣдованій, сколько тяжелыхъ страданій каждый изъ нихъ претерпѣваетъ, даже поступивши уже въ училище! Не можете представить себѣ и того, сколько горькихъ слезъ проливаютъ ихъ родители, когда узнаютъ, что сыны ихъ не находятся въ какомъ нибудь ешиботѣ, а въ раввинскомъ училищѣ. Словомъ, внутренняя, закулисная сторона этого явленія вамъ неизвѣстна. Для образчика, могу представить знакомаго ученика, сына не богатыхъ, но и не бѣдныхъ родителей, который въ теченіи цѣлаго года щеголялъ въ черной, какъ голенище, рубахѣ за неимѣніемъ другой перемѣны. Кромѣ черстваго куска хлѣба (и то не всегда), онъ

ничего не ѣлъ (1). За неимѣніемъ квартиры (2), бѣдняга, съ фонаремъ въ рукѣ, долженъ былъ гулять по улицамъ, и въ случаѣ дождика или вьюги, завернуть хоть въ вокзалъ бангофа. Однажды и случись съ нимъ маленькая исторійка: на привѣтливое замѣчаніе сторожа „гей жидъ, чего тебѣ здѣсь такъ поздно надобно?“ нашъ лунатикъ дрожащимъ отъ холоду и голоду голосомъ отвѣчалъ: „жду петербургскаго поѣзда; „эхъ, ты мазурикъ, эдакой, гаркнулъ сторожъ,—ишь ты его, петербургскаго поѣзда ждешъ! изъ Петербурга, кажись, машина приходитъ въ 12 часу, а теперь, слава тѣ Господи, половина втораго. Высказавъ эту истину, онъ вытолкалъ лунатика. Нѣтъ, подумалъ онъ, ужъ видно больше не приходится валандаться по ночамъ. Справедливо говорятъ люди: „голь на выдумки хитра,“ голышъ нашъ вотъ что подумалъ: на постоялыхъ дворахъ стоятъ фурманскія телеги, дайка залѣзу въ одну изъ нихъ и буду себѣ преспокойно спать. Но и этотъ способъ былъ эфемеренъ и обошелся ему больно

---

(1) За весьма скудное число фунтовъ хлѣба, которые получаютъ, тысячи „спасибо“ ученикамъ высшихъ классовъ нашего училища: они учредили благотворительное общество въ пользу бѣдныхъ учениковъ,—но что значатъ 8 фунтовъ хлѣба, которые можетъ общество давать одному человѣку, въ недѣлю?!

(2) Намъ очень и очень пріятно заявить, что описываемое нами явленіе жалкаго положенія учениковъ раввинскаго училища скоро будетъ считаться анахронизмомомъ и перейдетъ въ область преданій. Благодаря почину нашего многоуважаемаго директора Н. П. Собчакова, почетнаго блюстителя А. Лебенсона и училищнаго инспектора Х. Л. Каценеленбуйгена, при нашемъ училищѣ учреждается въ ознаменованіе извѣстнаго событія 4-го апрѣля, пріютъ для бѣдныхъ учениковъ, которые живутъ гдѣ случится и терпятъ крайнюю бѣдность, со всѣми ея невыразимыми аттрибутами. Горячее и сердечное спасибо возъимѣвшимъ такую благотворительную мысль; спасибо великое и тѣмъ (къ сожалѣнію, можно ихъ перечислить по пальцамъ) изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые сочувственно относились къ столь полезному начинанію и не поскупились на пожертвованія. Остается только желать, чтобы довольно скромное доселѣ число жертвователей возрасло до болѣе приличной цифры, чтобы каждый еврей, кому еврейское образованіе дѣйствительно близко къ сердцу, не смотрѣлъ на это дѣло, какъ на чужое, а напротивъ, старался бы по своимъ средствамъ содѣйствовать ему и такимъ образомъ подвинуть къ осуществленію нашего pium desiderium.

дорого; лишь только онъ залѣзъ въ телегу и только что съежился, зарылся, залѣзъ въ солому и хотѣлъ уже заснуть паславу, какъ на бѣду, еврей—фурманъ за чѣмъ-то полѣзъ въ свою фуру, увидѣлъ спящаго и что мочи закричалъ: *шема израиль!!* (1) Бѣдняжку обуялъ страхъ, онъ потихоньку выкарабкался изъ фуры и далъ тягу, но фурманъ пустился въ догонку за нимъ и кричалъ: стой воръ! Гвалтъ! Ученикъ остановился и растолковалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Врешь, воръ: ты обокрасть меня хотѣлъ.

— Помилуйте, любезный, вѣдь въ телегѣ кромѣ горсти соломы ничего нѣтъ?

— Я ничего не знаю, ты воръ и больше ничего, и давай колотить его.

— Нѣтъ, любезный, — въ вокзалѣ гораздо человѣчнѣе поступили со мною, дали мнѣ толчекъ, но только одинъ, а ты, проклятая борода, перестать не думаешь? Нѣтъ, ужъ теперь моя очередь, я тебѣ, борода, задамъ хорошую колотушку (онъ извольте видѣть не изъ больнаго десятка); сказано, сдѣлано. Хватилъ фурмана и повалилъ его камнемъ о земь, и давай молотить его кулаками.

— Гей, евреи, евреи, вопилъ побѣжденный, скорѣй сюда на помощь! На дворѣ воръ, разбойникъ. Но пока евреи успѣли явиться на призывъ битаго, побѣдитель нашъ былъ таковъ.

Да, читатель, положеніе учениковъ раввинскаго училища больно-жалко. Впрочемъ не думайте, что евреи не поддерживаютъ учениковъ, оставляютъ въ безнадежно-жалкомъ положеніи только по милости своей скупости и непомѣрной своей жадности къ деньгамъ: они только себѣ на умѣ, мастера больше наживаться, а помочь бѣдному не ихъ дѣло. Нѣтъ, нѣтъ, повторяю я тысячу разъ. На дѣла благотворительности они не скупы, даже можно сказать тороваты; еврейскія деньги, какъ бы изъ рога изобилія,

(1) Формула одной молитвы, которую еврей читаетъ во время страшнаго испуга.

сыплются на разнаго рода благодѣтельныя статьи, которыя, мимоходомъ замѣтимъ, приносятъ иногда вмѣсто пользы громадный вредъ. А если въ отношеніяхъ къ ученикамъ проявляется такая дисгармонія, то въ этомъ виновенъ одинъ только фанатизмъ. Онъ даетъ подкладку всѣмъ ихъ дѣйствіямъ, онъ одинъ только служитъ ключемъ къ разрѣшенію многихъ загадочныхъ явленій въ быту нашихъ евреевъ.

Чтобы наши слова не показались безъосновательными, попросимъ чатателя завернуть въ еврейскій домъ, въ еврейскую синагогу, и посмотрѣть, сколько кружекъ тамъ набито, и на каждой изъ нихъ красуется пергаменный ярлыкъ съ обозначеніемъ, какой цѣли (это не наше дѣло филантропической ли, мизантропической ли) соотвѣтствуетъ. Не мѣшаетъ также взять во вниманіе, сколько въ каждомъ городѣ находится тунеядцевъ, такъ называемые, *армбахуровъ*,— а у насъ въ Вильнѣ просто можно составить изъ нихъ цѣлую армію, на которыхъ расходуются изъ бѣднаго израильскаго народа исполинскія суммы. Замѣтимъ въ скобкахъ, что эти армбахуры, справедливо говоря, зарабатываютъ свой кусочекъ хлѣбца нелегко: трутъ хрѣнъ для благодѣтелей, чистятъ сапоги (для либераловъ), по пятницамъ, ходятъ за виномъ, добываютъ кошекъ для истребленія мышей въ домахъ хлѣбосоловъ. Сколько нищихъ въ нашемъ городѣ, которые покою не даютъ встрѣчному и поперечному, словно отовсюду ихъ согнали въ нашъ городъ. Какъ они живутъ, не намъ знать, но могу увѣрить васъ, что бываютъ такіе, у которыхъ во всякое время можно достать нѣсколько сотъ рублей, конечно, на процентъ, и даже очень мало такихъ, у которыхъ нельзя достать.

— Хоть теперь и выпало на мою долю познакомить читателя съ тѣмъ громаднымъ, матеріальнымъ вредомъ, который евреи хасиды терпятъ отъ этихъ *счастливцевъ*— цадиковъ, чего я, признаться, всегда жаждалъ и хотѣлъ бы описать праздникъ, когда цадики сидятъ въ своихъ

юговищахъ, и какою-то магическою силою притягиваютъ къ себѣ поклонниковъ—хасидовъ, даже изъ-за 500 верстъ, или обрисовать то страшное опустошеніе, которое производится въ еврейскихъ селеніяхъ послѣ появленія этихъ хищныхъ волковъ, но я принужденъ на этотъ разъ молчать. Не то, что я ихъ мало знаю; нѣтъ, я ихъ знаю насквозь, я уже успѣлъ выучить даже ихъ наизнанку, но отдѣлаться отъ такого неисчерпаемаго предмета,—какъ это нѣкоторые господа сдѣлали,—нѣсколькими лишь фразами, совѣстно. Поэтому, оставляю эту работу до поры до времени; „когда либо“ лучше чѣмъ „никогда“.

Л. М. Копустъ.

(Окончаніе впредь.)

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ОСВЯЩЕНІЕ ВЕРХОВИЦКАГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАГО КОСТЕЛА ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ 1867 Г. 24 ІЮЛЯ, И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ЭТОГО ТОРЖЕСТВА.

Верховицкій Троицкій костелъ построенъ въ 1619 году вмѣстѣ съ верховицкою Св. Николаевскою церковью брестскимъ воеводою Василіемъ Коптемъ. До этого времени м. Верховичъ, и все пространство на 6—7 верстъ во всѣ стороны отъ Верховичъ, занимаемое теперешнимъ православнымъ верховицкимъ приходомъ, самымъ большимъ въ брестскомъ уѣздѣ, всплошь покрыто было лѣсомъ, надо полагать, изъ лучшихъ древесныхъ породъ, судя по качеству почвы и по оставшимся кой-гдѣ, среди богатыхъ нивъ, маленькимъ „лѣскамъ и лѣсочкамъ“. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышаются обѣ святыни и раскинулось м. Верховичи, до 1619 года находился домъ лѣсной стражи, который назывался *Верхи*,—отсюда и названіе мѣстечка и прихода — Верховичи. По преданію, какъ

церковь, такъ и костелъ построены изъ лѣснаго матеріала, тутъ же на мѣстѣ нарубленнаго и приготовленнаго. Отъ такого далекаго времени зданіе бывшаго костела еще сохранилось доселѣ цѣлымъ, здоровымъ и прочнымъ, такъ что, прослуживши латинянамъ безъ двухъ лѣтъ два столѣтія съ половиною, оно еще простоитъ многіе десятки лѣтъ русскимъ православнымъ храмомъ. Очищенная отъ вѣковыхъ лѣсныхъ зарослей страна заселена народомъ изъ Волыни.

Вотъ коротенькія свѣдѣнія о томъ, когда и какъ образовались православный и латинскій верховицкіе приходы, сообщенныя мнѣ настоятелемъ верховицкой Св. Николаевской церкви. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ церковныхъ и костельныхъ документовъ. Но провѣрить ихъ и собрать новыя болѣе подробныя и обстоятельныя, при всемъ моемъ желаніи, я не могъ, потому что всѣ документы, хранившіеся при костелѣ, съ закрытіемъ его, вывезены вмѣстѣ съ дѣловыми приходскими бумагами и другимъ костельнымъ имуществомъ въ Высокое, а оттуда, очень можетъ быть, важнѣйшія бумаги препровождены въ Брестъ къ римско-католическому декану. Чтоже касается церковныхъ документовъ, то они еще въ 1846 г., по требованію гродненской палаты государственныхъ имуществъ, отосланы туда для какихъ-то справокъ, по случаю отшедшаго въ казну церковнаго имѣнія, и до сихъ поръ *еще невозвращены*.

Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно только то, что начало верховицкому приходу положено въ 1619 г. построеніемъ Св. Николаевской церкви и переселеніемъ въ прихожане къ ней крестьянъ изъ Волыни. Когда отстроилось и какъ заселилось жидами мѣстечко Верховичи, ничего объ этомъ неизвѣстно на мѣстѣ; надо полагать—не раньше половины XVII вѣка, уже послѣ того, какъ вся окрестная страна, очищенная отъ лѣса, усѣялась новыми деревнями переселенцевъ — волынянъ, панскими усадьбами и мызами, что очевидно, потребовало не мало времени, не могло устроиться въ нѣсколько лѣтъ. Исторія образованія мѣстечка Верховичъ и постепеннаго заселенія его, единственнымъ уже XVII в. торговымъ классомъ въ западной Россіи, евреями, по всей вѣроятности, обща съ исторіею другихъ еврейскихъ мѣстечекъ. А исторія эта такого рода: какъ только евреи провѣдаютъ, что мѣсто при вновь отстроенной церкви или костелѣ представляетъ собою выгодный пунктъ для торговыхъ оборотовъ,—они, въ видѣ пробы, сначала въ „корчмѣ“

непремѣнной сосѣдкѣ каждой церкви и каждаго костела (*)— и потомъ при „корчмѣ“ устраиваютъ мелочную лавочку, а при ней что-то похожее на человѣческое жилище, потомъ другую лавочку, чрезъ нѣсколько времени третью и т. д., — проходитъ годъ — два, и почти незамѣтно для посторонняго глаза на картѣ западной Россіи оказывается больше противъ прежняго однимъ жидовскимъ гнѣздомъ, уже успѣвшимъ выхлопотать себѣ права на существованіе и разныя привиллегіи отъ польскихъ королей и „ясневельможныхъ“ пановъ и прибрать къ своимъ рукамъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Такимъ-то путемъ, по всей вѣроятности, стали мѣстечкомъ Верховичи. Чѣмъ выгоднѣе въ мелочной торговлѣ избранный для мѣстечка пунктъ, тѣмъ быстрѣе и въ большихъ размѣрахъ оно застраивается и плотнѣе заселяется этимъ племенемъ. Верховичи, одно изъ самыхъ маленькихъ и чистенькихъ мѣстечекъ въ Брестскомъ уѣздѣ, лежитъ на самой сѣверной окраинѣ его, въ 50 верстахъ отъ своего уѣзднаго города. Чище другихъ мѣстечекъ оно потому, что меньше здѣсь евреевъ, а мало населено еврейскимъ племенемъ потому, что со всѣхъ четырехъ сторонъ окружено въ очень близкомъ отъ себя разстояніи мѣстечками, какъ то: Каменцемъ (въ 20 верстахъ), Высоколитовскомъ (въ 10 в.), Клещелями (въ 14 в.) и Орлею (въ 27 верстахъ), и имѣетъ въ нихъ опасныхъ конкурентовъ и по этой причинѣ не можетъ успѣшно въ большихъ размѣрахъ вести своей мелочной торговли. Сюда пріѣзжаютъ за покупками и привозятъ для продажи разные хозяйственные продукты только прихожане верховицкой церкви и очень немногіе изъ близкихъ деревень сосѣднихъ приходовъ: версоцкаго, омеленецкаго, половецкаго, войсковскаго и любавскаго. Отъ польской приверховицкой шляхты, которая теперь повально, за немногими исключеніями, страдаетъ безденежьемъ, дохода въ послѣдніе годы было немного, а съ закрытіемъ костела стало еще меньше. Всѣ паны дѣлаютъ теперь покупки въ Высокомъ или Каменцѣ, куда они, за неименіемъ своего костела, ѣздятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ своимъ богослуженіямъ.

Что касается дальнѣйшей исторіи верховицкихъ святынь— св. Николаевской уніатской церкви и св. Троицкаго латинска-

(*) Примѣч. Въ сѣверо-западной Россіи, почти при каждой церкви, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нея, вы найдете корчму.

скаго костела,—послѣ того какъ они были отстроены; то повѣсть о ней дѣло совершенно излишнее для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ гражданской и церковной жизнію сѣверо-западнаго края, послѣ того какъ люблинская (1596 г.) унія стала совершившимся фактомъ. Верховицкій костелъ, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ другими приходскими костелами и кляшторами трудился надъ ополячиваніемъ и олатиниваніемъ всего, что только жило русскою православною жизнію. Считаемъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ распространяться здѣсь о кровавыхъ подвигахъ и темныхъ дѣлахъ римской миссіи въ нашемъ краѣ вообще и въ частности въ Брестскомъ уѣздѣ; — это было бы повтореніемъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, или хотя и неизвѣстныхъ, но въ общихъ чертахъ схожихъ съ извѣстными. Замѣтимъ только одно, что плоды трудовъ польской пропаганды, какъ безнравственные, не благословлены небомъ.

Отъ общаго обратимся къ частному и посмотримъ, много ли душъ изъ простого русскаго народа верховицкій и другіе, находящіеся, напримѣръ, въ брестскомъ уѣздѣ, костелы успѣли притянуть къ себѣ изъ „схизмы“ и записать въ число своихъ прихожанъ? Прямымъ отвѣтомъ на это могутъ служить результаты прошлогодняго распоряженія о закрытіи въ сѣверо-западномъ краѣ тѣхъ костеловъ, которые имѣютъ очень ничтожное количество прихожанъ и слѣд. существуютъ для прихоти немногихъ. Въ силу этого распоряженія въ Брестскомъ уѣздѣ изъ 10 существовавшихъ приходскихъ костеловъ закрыто шесть, а именно: ставскій, волчинскій, токарскій, (виляновскій), верховицкій, меличинскій и морозовскій и еще „каплица“ хлевисшкая. Остались только костелы: брестскій, каменецъ-литовскій и высоко-литовскій.

Верховицкій костелъ закрытъ 1-го мая 1866 г. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ немъ насчитывалось прихожанъ только нѣсколько десятковъ душъ обоего пола; если бы не сосѣдняя польская шляхта и дворовые люди, то весь приходъ ограничился бы ксендзомъ, семействомъ органиста и ксендзовскою прислугой. Нигдѣ, быть можетъ, не было такъ кстати и не требовалось такъ настоятельно закрытіе костела, какъ въ м. Верховичахъ. Верховицкій костелъ для латинянъ былъ только роскошью, а не дѣломъ необходимости, какъ мы видѣли сейчасъ только, между тѣмъ какъ православный верховицкій приходъ, состоящій изъ двухъ причтовъ и насчитывающій

500 дворовъ своихъ прихожанъ, крѣпко нуждался въ другой церкви. Еще въ будніе дни пополамъ съ бѣдою обходились съ одною церковью; но и въ эти дни мѣстному духовенству иногда приходилось очень трудно особенно съ наступленіемъ осени и зимы, когда обоимъ священникамъ почти ежедневно приходится служить заказныя обѣдни, одному изъ нихъ каждый разъ приходилось ѣхать, не смотря на невзгоду: дождь, бурю, морозъ, вьюгу, въ приписную къ Половецкому приходу церковь хлевищскую, находящуюся въ 4—5 верстахъ отъ Верховичъ, чтобъ совершить Богослуженіе. Въ воскресеніе же и праздничные дни изъ пяти тысячъ душъ едва половину своихъ прихожанъ могла вмѣщать въ себѣ св. Николаевская церковь; остальные принуждены были стоять всю обѣдню на церковномъ погостѣ, терпя зимою холодъ, а лѣтомъ вынося жаръ или промокая до костей. Благодаря такому большому неудобству случалось, что многіе изъ опоздавшихъ крестьянъ, не вмѣстившись въ церковь, шли въ 50—70 шагахъ отъ церкви стоящій костелъ, гдѣ и назидались латинскою миссою, польскими „казаніями" и игрою органа, а другіе, еще хуже и позорнѣе, отправлялись въ корчму.

Сообразивши всѣ эти неудобства для причта и прихожанъ верховицкой церкви, происходившія вслѣдствіе того, что у нихъ не было до сихъ поръ другаго храма, можно понять, съ *какимъ единодушіемъ* приступлено съ обѣихъ сторонъ было къ внутренней перестройкѣ бывшаго костела на церковь, когда онъ поступилъ въ вѣдѣніе мѣстнаго приходскаго духовенства. Немедлено приступили къ сбору доброхотныхъ подаяній: всѣ прихожане съ охотою давали на церковь, кто что могъ, и въ теченіе года собрано было 900 р. с., что составитъ среднимъ числомъ со двора почти по два рубли сер. Не забудемъ, что верховицкіе прихожане полгода раньще предъ тѣмъ произвели капитальную починку своей св. Николаевской церкви, стоившую имъ, не смотря на пособіе отъ правительства, около 1000 р. с.,— чтобы достойно оцѣнить ихъ христіанское усердіе къ благолѣпію своихъ храмовъ. Въ числѣ другихъ доброхотныхъ жертвователей, кромѣ крестьянъ, заслуживаютъ быть упомянутыми: управитель имѣнія Копылы коллежскій ассесоръ Валеріанъ Фридриховичъ Нарбутъ и священникъ верховицкой церкви о. Іустинъ Кульчицкій; первый пожертвовалъ триста руб. с. на внутреннее украшеніе храма и весь лѣсной матеріалъ на ограду

церковную, второй—сто руб. с. Остальные члены мѣстныхъ церковныхъ причтовъ тоже своей посильною лептой подавали своимъ прихожанамъ достойный подражанія примѣръ. Нельзя при томъ не воздать благодарности также мѣстному церковному старостѣ и приходскому совѣту, оказавшимъ особенное усердіе при этомъ дѣлѣ: они занимались сборомъ денегъ и ревностно помогали своему приходскому священнику. Общее дѣло *во славу Божію* успѣшно подвигалось впередъ и къ концу іюня мѣсяца нынѣшняго года перестройка бывшаго св. Троицкаго костела въ церковь пришла къ концу. Въ Верховичахъ словно ясная заря въ лазуревой небесной выси затеплилась лампадой предъ Господомъ отъ вѣрныхъ сыновъ Его прекрасная, по внѣшней архитектурѣ, церковь; можно сказать, она вышла не въ примѣръ лучше старой св. Николаевской церкви, тоже очень хорошо обновленной, съ изящнымъ иконостасомъ внутри. Св. Николаевская церковь построена въ уніатскомъ послѣдняго времени стилѣ, стоитъ, если можно такъ выразиться, громаднымъ простымъ зданіемъ, и къ тому же олтаремъ обращена къ западу это уже чисто по латински,—тогда какъ св. Троицкая,—бывшій костелъ,—имѣетъ форму крестообразную и олтаремъ смотритъ на сѣверъ: не на востокъ, но и не на западъ. По внутреннему украшенію оба храма хороши, иконостасы у обоихъ очень приличны и на сельскую глушь, можно сказать, величественны. Но съ другой стороны, новая верховицкая церковь, т. е. обращенная изъ костела, стоитъ выше всѣхъ сельскихъ и мѣстечковыхъ церквей въ своемъ околодкѣ по своему внутреннему украшенію, превосходно богатою рѣзьбою, покрывающею всю внутреннюю поверхность храмовыхъ стѣнъ, которая нѣсколько десятковъ годовъ тому назадъ стоила нѣсколько тысячь руб. сер.

Вся перестройка бывшаго верховицкаго костела на православную церковь обошлась въ 1378 руб. и 65 к. За престоломъ надъ горнимъ мѣстомъ помѣщается икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ; эта св. икона Божіей Матери пользуется въ цѣломъ околодкѣ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ римско-католиковъ, такъ и православныхъ и чтится въ народѣ чудотворною. Но она есть древнее достояніе православія, присвоенное латинянами. Безспорно извѣстно, что до 1818 года она находилась въ св. Николаевской уніатской церкви. Когда же въ этомъ году уніаты разобрали ветхую свою церковь, чтобы на томъ же мѣстѣ приступить къ постройкѣ новой, всѣ

иконы вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ церковнымъ перенесены были на сохраненіе въ близь лежащій костелъ, пока не отстроится новая церковь; и чтимая чудотворнаю уніатская икона съ тѣхъ поръ оставалась въ костелѣ, привлекая множество богомольцевъ и изъ уніатовъ, благоговѣвшихъ къ своей родной святынѣ. Протестовали ли уніатскія власти противъ такого завладѣнія, сказать не можемъ; но во всякомъ случаѣ эта икона сохранилась въ памяти уніатовъ и съ переходомъ ихъ въ православіе. Когда закрыли въ прошломъ году верховицкій костелъ, римско-католики, полагая, что память народная забыла о своей древней святынѣ, хотѣли — было увезти, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ костельнымъ, и упомянутую икону Божіей Матери, а также и три колокола, какъ было сказано выше. Но народъ нашъ—верховицкіе прихожане, когда пришло извѣстіе, что пріѣхалъ исправникъ отобрать костельное имущество, чтобы возвратить его латинянамъ,—ранехонко утромъ—„чуть-свѣтъ“ собрались большою толпою около костела и ждали... Какъ только исправникъ М—въ подошелъ къ дверямъ костельнымъ: около 80 человѣкъ — сѣдыхъ стариковъ—самыхъ старыхъ во всемъ приходѣ выдѣлились изъ толпы крестьянъ и всѣ единодушно заявили предъ исправникомъ, что алтарная икона Божіей Матери и 3 колокола безправно заграблены у св. Николаевской церкви.... тогда-то.... по такому-то случаю и такимъ-то образомъ,—каковое свое показаніе обязались подтвердить въ случаѣ нужды присягою. Ихъ предъявленія не могли быть не уважены,—и икона Божіей Матери, а также и три колокола оставлены на мѣстѣ, и теперь составляютъ собственность новоосвященной св. Троицкой верховицкой церкви.

Торжество освященія новоустроенной изъ костела церкви совершено 24 іюля, въ день святыхъ россійскихъ мучиниковъ, Бориса и Глѣба, при многочисленнѣйшемъ стеченіи народа изъ верховицкаго и сосѣднихъ съ нимъ приходовъ,—и православнаго духовенства изъ двухъ благочиній высоколитовскаго и каменецъ-литовскаго, не смотря на дождливую погоду. Описывать чувства и благоговѣйный восторгъ народа было бы не подъ силу, да и излишне. Одною общей толпой, тысячь въ пять, съ многочисленнымъ во главѣ духовенствомъ, медленно двинулся онъ крестнымъ ходомъ изъ св. Николаевской, гдѣ отслужена была ранняя обѣдня, къ новоустроенной *изъ костела*

св. Троицкой церкви. Величественно-торжественная, восхитительная картина... Просты обряды нашей православной церкви; не сравниться съ ними никакимъ театральнымъ хитросплетеніямъ латинскимъ въ томъ благодатно-христіанскомъ вліяніи на христіанскую душу, какое св. обряды нашей единой спасительной церкви производятъ именно своею величественноторжественною и нравственно-впечатлительною простотою. Мысли, одна другой отраднѣе тѣснились въ голову, чувства одно другаго свѣтлѣе волновали грудь по мѣрѣ того, какъ крестный ходъ подвигался все ближе и ближе къ новоустроенной изъ костела нашей святынѣ. „Еще полчаса-часъ, — и этотъ латинскій *костелъ* станетъ нашею русскою народною святынею"... Вотъ въ общемъ очеркѣ то, что думалось и чувствовалось одною душею въ такія торжественныя минуты. Посмотрите на этотъ волнующійся, кипящій народъ!... Не праздное любопытство привело его сюда: онъ радъ видѣть оконченный трудъ, который онъ совершилъ своею доброю, православною волею, и своими средствами, видя въ этомъ свой долгъ предъ Богомъ и своею совѣстію,—онъ радъ — сердечно радъ видѣть свое торжество надъ ложью, свою правую вѣру, побѣдившую уничтожавшее ее латинство, которое почету-то и забыло называть себя по имени Христа Спасителя, а назвало себя римствомъ, католичествомъ, папствомъ, заимствуя свои названія или отъ человѣка или отъ города, тогда какъ мы—православные, вѣрные богоузаконенному правилу антіохійскихъ христіанъ, называемся христіанами, послѣдователями Христа, и свою спасительную вѣру исповѣдуемъ православною Христовою, или христіанскою, а не римскою или папскою. Торжество освященія церкви совершено высоколитовскимъ благочиннымъ священникомъ зубачской церкви,о. Іоанномъ Красовскимъ въ сослуженіи больше десяти священниковъ. Какъ во время самаго освященія, такъ и всю обѣдню довольно стройно пѣлъ наскоро составленный хоръ изъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній литовской епаріи, сыновей сосѣднихъ священниковъ. На обѣдне, во время причастнаго, произнесено, было каменецъ-литовскимъ благочиннымъ, священникомъ Симеономъ Будзилловичемъ приличное торжеству пастырское слово, которое печатается ниже. Понята была проповѣдь слушателями. Описаніе западнорусской жизни до Ягайлы и послѣ него прослушано было прихожанами съ гробовымъ молчаніемъ и съ

большою внимательностію; во время первой половины на лицахъ нѣкоторыхъ изъ слушателей пробѣгало что-то похожее и на чувство удивленія.... во время второй половины слышны были по временамъ молитвенные и слезные вздохи; а заключительная молитва за здравіе и долгоденствіе Царя — православнаго, Освободителя и Благодѣтеля, проявила въ лицѣ и въ глазахъ каждаго задушевную рѣшимость пролить послѣднюю каплю крови за православнаго Царя и за св. православную вѣру, имъ содержимую и оберегаемую. Не забытъ въ молитвѣ и незабвенный гр. М. Н. Муравьевъ. Что бы ни представляли порицатели почившаго въ Бозѣ вѣрнаго слуги Царскаго ко благу народа: народъ нашъ и руководящее имъ православное духовенство не повѣрятъ высшимъ теоріямъ враговъ дѣяній покойнаго, растоптавшаго польскую крамолу, возвысившаго русскую народность наслѣдущую ей господствующую ступень, и положившаго твердыя основанія для народной жизни въ здѣшнемъ краѣ,—основанія православія и русской народности.

СЛОВО

произнесенное послѣ освященія перестроенной изъ костела Верховицкой церкви, 1867 года 24 іюля.

Созижди храмъ мой, храмъ благолѣпный себѣ, еже пребывати въ новости.

Царств. III гл. 8, ст. 53.

Сегодня, братія, мы собрались для молитвы въ храмѣ, въ стѣнахъ котораго впервые совершается православноо богослуженіе,—въ храмѣ доселѣ римско-католическомъ, а теперь возобновленномъ и освященномъ въ православную святыню. Еще однимъ костеломъ меньше, еще одною церковью больше въ нашемъ русскомъ краѣ. Слава Богу! слава Богу! слава Богу и благодареніе Ему, *ибо вся сія содѣла Богъ во славу свою* и на счастіе намъ, народъ православный!

Много радостныхъ чувствъ пробуждаетъ и на многія веселыя думы наводитъ наше нынѣшнее торжество. Въ отношеніи къ намъ и нашему въ продолженіи 400 лѣтъ полоненному краю — это есть торжество православія надъ латинствомъ, русскаго дѣла надъ „польской справой,“ правды надъ „кривдой,“ это есть наше народное западно-русское торжество. Воодушевляемая имъ

мысль наша невольно какъ бы на быстрыхъ крыльяхъ переносится ко временамъ давно и недавно прошедшимъ, и паритъ надъ улетѣвшими вѣками, созерцая въ своемъ полетѣ историческія судьбы нашего края: много—много поучительнаго и глубоконазидательнаго встрѣчаетъ и видитъ она на своемъ пути. Такъ—прежде всего наша страна представляется ей частію Россіи, населенною исключительно русскимъ народомъ, который управляется русскими князьями одной съ нимъ вѣры—православной и благоденствуетъ въ своемъ княжествѣ, потому что свято уважается свобода его труда и вѣры. Въ хижинѣ бѣднаго хлѣбопашца виденъ достатокъ; онъ живетъ привольно и спокойно, потому что въ его отечествѣ царствуетъ правда и никто безнаказанно не обидитъ его невиннаго. Достатокъ свободнаго народа отражается нетолько на ихъ чистенькихъ тесовыхъ домикахъ, на ихъ селахъ и городахъ, населенныхъ сплошь русскими людьми, въ рукахъ которыхъ вся производительность своей страны, но особенно и преимущественно даетъ себя видѣть на множествѣ православныхъ храмовъ, на которые никогда не скупится русскій человѣкъ. Вотъ картина жизни нашихъ далекихъ прадѣдовъ, жившихъ въ населяемой нами странѣ 500—600 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Они жили такъ благополучно, какъ мы теперь живемъ, если не лучше нашего, потому что въ своей странѣ они были полными хозяевами и звали иновѣрцевъ и иноземцевъ, отъ которыхъ мы теперь во многомъ вполнѣ зависимъ, не болѣе какъ гостями; у нихъ были и торговцы свои—русскіе, и ремесленники свои—русскіе, и помѣщики свои—русскіе, и чиновники—тоже свои русскіе, однимъ словомъ все свое: а „свой своему, по пословицѣ, всегда братъ.“

Но времена измѣнились: со смертію Юрія Андреевича, послѣдняго потомка галицко-русскихъ князей наша страна въ 1336 году, 530 лѣтъ тому назадъ, по родственнымъ связямъ перешла къ литовскимъ князьямъ и стала частью великаго княжества литовскаго. Только 50 лѣтъ наслаждается она подъ властію литовскихъ князей прежними правами и недалѣе, какъ въ 1386 г. литовскій князь Ягелло, женившись на польской королевѣ Ядвигѣ, соединяетъ могущественное Великое Княжество Литовское съ слабымъ, безсильнымъ Царствомъ Польскимъ, или вѣрнѣе: первое подчиняетъ послѣднему, русскихъ и литовцевъ отдаетъ на снѣденіе полякамъ и жидамъ. Отсюда начинается мрачное время, кровавая эпоха въ исторіи нашей

бѣдной страны. Русская земля наводняется поляками и евреями, которые прибираютъ къ своимъ рукамъ управленіе страною и все богатство страны: русскій человѣкъ закабаленъ въ рабство панамъ, наѣхавшимъ изъ Польши и тѣмъ изъ мѣстныхъ русскихъ, которые измѣнили своей вѣрѣ и стали поляками: воздвигнуто гоненіе на русскій языкъ, и русская правда стала преданіемъ давно минувшихъ дней. Четыре столѣтія продолжается тяжелое рабство нашихъ предковъ, четыре столѣтія поляки неистовствуютъ надъ своей безправной и беззащитной жертвой: и къ какимъ средствамъ они не прибѣгаютъ, чтобы сдѣлать русскихъ людей поляками? Тысячи мучениковъ за православную вѣру и русскую народность породило это смутное время; но русскій край все таки остается не менѣе прежняго русскимъ, и русскимъ переходитъ въ концѣ прошлаго столѣтія къ родной Россіи, какъ часть къ своему цѣлому. Сколько самыхъ чувствительныхъ, самыхъ сердечныхъ оскорбленій пришлось выносить нашимъ предкамъ въ смутный періодъ времени польскаго владычества! Закрѣпощенные тѣломъ панами, а душею ксендзами польскими, забитые и угнетенные дѣды наши молча съ сдержаннымъ негодованіемъ должны были смотрѣть, какъ высились въ русской землѣ латинскіе костелы, а древніе православные храмы либо запустѣли и запечатанные польскою печатью исчезали съ лица земли, либо перестраивались въ уніятскія церкви. Тогда, замѣчаетъ очевидецъ, „татарамъ и жидамъ лучшее въ вѣрѣ почитаніе было, нежели благочестивымъ (православнымъ) христіанамъ, ибо татарамъ мечети, а жидамъ синагоги свои вновь позволено строить, благочестивымъ же православнымъ) даже церкви починивать запрещено было (1)“ Имъ прямо говорили „вы схизматики горше жидовъ, турковъ и всякаго рода погановъ.... и жидовская вѣра лучше вашей схизматической (2)“ и т. п. ругательства. Когда православные жаловались начальству на ругательства и разнаго рода обиды, то удовлетвореніе обиженныхъ ограничивалось большею частію обѣщаніями или же имъ прямо говорили: „это не въ нашемъ обычаѣ схизматиковъ оборонять (3).“ Даже лучшіе изъ королей польскихъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи облегчить не-

(1) Истор. Изв. объ Уніи. Бантышъ-Каменскаго, стр. 129 и 244.
(2) Тамъ же. 283 и 263 стр.
(3) Тамъ же. стр. 140.

справедливыя, безчеловѣчныя страданія русскихъ отъ поляковъ, на жалобы ихъ могли только помочь имъ совѣтомъ: „имѣете сабли! добивайтесь ими правъ, (1)“ потому что въ Польшѣ короли не имѣли никакой власти, каждый польскій панъ былъ въ своемъ имѣніи съ правомъ жизни и смерти своихъ подданныхъ. Въ это время усѣяли нашу страну польскіе костелы, а православные храмы лежали въ грудахъ развалинъ, „развѣсовъ и врановъ гнѣздящихся издавая гласы (2).“ Польскіе костелы строились не по необходимости въ нихъ, русскій народъ исповѣдующій православную вѣру не нуждался въ нихъ. Ихъ ставили даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни одного католика, и число прихожанъ ограничивалось только семействомъ помѣщика и нѣсколькими душами изъ его челяди-дворни. А такъ какъ поляки понимали очень хорошо, что народу православному почти невозможно было съ перваго разу свыкнуться со всѣми особенностями римско-католическаго богослуженія и латинскихъ обрядовъ: то, выдумавши унію, во многихъ мѣстахъ по сосѣдству съ костеломъ ставили уніатскую церковь, чтобы въ ней народъ привыкалъ къ органамъ, молитвамъ за папу и другимъ латинскимъ безобразіямъ, что мы видимъ собственными очами здѣсь въ Верховичахъ. Верховичи, какъ нѣкоторымъ изъ васъ, братія, быть можетъ извѣстно, до 1619 года были только домомъ лѣсной стражи, называвшимся Верхи. 1619 года въ одно время, изъ лѣса, покрывавшаго это мѣсто, можетъ быть одними и тѣми же мастеровыми плотниками были выстроены костелъ и уніатская церковь, а жители—ваши прадѣды—на очищенное отъ лѣсу мѣсто переселены изъ Волыни. Какъ здѣсь въ Верховичахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ не много выиграла вражья хитрость: въ числѣ костельныхъ прихожанъ—и то не вездѣ—по нѣсколько десятковъ душъ насчитаетъ она католиковъ-крестьянъ, да и то обсчитается. Вотъ плодъ четырехъсотъ-лѣтнихъ усилій пановъ и ксендзовъ. Унію народъ принялъ, потому что долженъ былъ принять, когда во всей странѣ насчитывалось только нѣсколько православныхъ приходовъ—и когда его насильно гнали въ уніатскія церкви,—да и то принялъ, не вѣруя въ папу и не понимая рѣшительно никакихъ латинскихъ утонченностей, извратившихъ нѣкоторые догматы право-

(1) Также. ц89—290 стр.

(2) Рѣчь Григорія Конис. Екатеринѣ.

славной вѣры, что и составляло новоизмышленную уніатскую вѣру. Такимъ образомъ мы можемъ сказать по совѣсти, что наши отцы и дѣды не измѣнили, не смотря на всѣ невзгоды жизни, ни своей вѣрѣ православной, завѣщанной имъ отъ временъ Владиміра св., ни своей народности русской,—и это не будетъ пустымъ самохвальствомъ,—это неотъемлемая и великая ихъ заслуга и передъ Богомъ и передъ русскимъ народомъ, честь котораго они мужественно-геройски отстояли.

Но, братія, злое время прошло, оно кануло въ вѣчность безвозвратно: молитвы и стенанія угнотеннаго народа дошли къ подножію престола Праведнаго Судіи и Онъ явился наконецъ истателемъ за оскорбленную вѣру и попранныя человѣческія права: Польша пала отъ собственнаго безсилія,—той внутренней неурядицы и неправды, которою она непераставала страдать въ теченіе всей своей политической жизни;—нашъ Русскій Царь,—сохрани Боже жизнь Его на многіе годы,—вернулъ волю, а съ нею и долю,—и нѣтъ уже мѣста для польскаго королевства, потому что нѣтъ теперь „хлоповъ,"—не надъ кѣмъ панствовать,—не потерпитъ теперь глумленія и православная церковь.

До счастливыхъ дней, братія, мы дожили: встаютъ изъ развалинъ и обновляются древнія разрушенныя святыни, по другимъ мѣстамъ строятся новые великолѣпные храмы Божіи; многіе костелы, насчитывающіе очень мало своихъ прихожанъ, закрываются по справедливому разрѣшенію правительства и перестраиваются въ православныя церкви, потому что существующихъ недостаточно на сплошное Православное населеніе. Вообще храмы наши увеличиваются въ числѣ и принимаютъ приличный видъ домовъ Божіихъ. Сердце христіанина радуется, вся душа наполняется живѣйшею благодарностію Богу и уста шепчутъ теплую молитву къ Нему при взглядѣ на теперешнее украшеніе нашихъ святынь и при воспоминаніи, какими онѣ были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какая громадная разница въ теперешнемъ и прежнемъ украшеніи напримѣръ здѣшней вашей Св. Николаевской церкви! Что и говорить о васъ самихъ, о вашей жизни до 19-го Февраля 1861 г. и теперешнемъ вашемъ бытѣ: тутъ невозможно никакое сопоставленіе. И чье сердце при мысли обо всемъ этомъ не забьется сильнѣе при имени дорогомъ для насъ—по одному своему наименованію—при имени Вѣнчаннаго Виновника нашего благополучія, нашего счастія, всѣхъ нашихъ радостей. „Господи Боже! благодаримъ

Тебя за наше красно-солнышко, за нашего Батюшку, Царя—Освободителя, и молимъ нашею общею единодушною молитвою—сохрани Его жизнь и Его Благочестивый Царствующій Домъ для нашего счастія и благополучія на многіе годы.—Самою лучшею благодарностію нашему Царю кромѣ молитвъ за Него будетъ конечно то, что мы съумѣемъ пользоваться Его благодѣяніями и неупотребимъ во зло Его довѣрія къ намъ, на любовь отвѣтимъ любовію и руководимые ею на каждомъ шагу нашей общественной жизни будемъ поступать такъ, какъ это любо нашему Великому Благодѣтелю,—однимъ словомъ, всею душею будемъ стараться быть такими, какими Онъ, нашъ родимый, хочетъ видѣть насъ, т. е. во всемъ всегда вѣрными Ему, русскими и православными; хотя бы пришлось въ огонь и въ воду за Него—не задумаемся!.....

Привѣтствую васъ, братія, причты и прихожане здѣшней церкви, съ счастливымъ окончаніемъ дѣла *во славу Божію.* Мы можемъ теперь со спокойною увѣренностію глядѣть впередъ: не закроется уже православная церковь въ православномъ краѣ, не послужитъ чужимъ богамъ и господамъ русскій человѣкъ въ русской землѣ. Дѣти вашихъ дѣтей увидятъ вашъ трудъ *по Бозѣ* и поревнуютъ вашему усердію,—добрымъ словомъ и молитвою любви вспомянутъ они своихъ добрыхъ предковъ. Прихожане другихъ приходовъ, налюбовавшись красотою вашихъ храмовъ, возьмутъ васъ себѣ за образецъ христіанскаго усердія къ домамъ Божіимъ и послѣдуютъ вашему примѣру. Съ высоты небесъ увидитъ Господь ваши жертвы и ваши труды, понесенные вами на капитальную починку и внутреннее украшеніе обѣихъ вашихъ церквей, и сторицею наградитъ за вашу посильную лепту.

Съ каѳедры церковнаго проповѣдника я свидѣтельствую—отъ прихожанъ здѣшней церкви и отъ лица всѣхъ, кому дорого удержаніе *въ чести* нашихъ православныхъ храмовъ, живѣйшую признательность и сердечное спасибо и всѣмъ постороннимъ жертвователямъ, охотно и щедро содѣйствовавшимъ лѣснымъ матеріаломъ на церковную ограду и деньгами на внутреннее украшеніе сего храма—въ особенности тебѣ, В. Ф. Богъ да воздастъ тебѣ по желаніямъ сердца твоего. Въ эту торжественную минуту, братія, я не могу не вспомнить съ признательностію о трудахъ одного лица, которое стояло во главѣ, держало починъ при перестройкѣ обѣихъ здѣшнихъ церк-

вей и, по порученію высшаго духовнаго начальства, завѣдывало ими: много трудовъ, много хлопотъ и огорченій пришлось на его долю,—ему мы обязаны удержаніемъ на мѣстѣ лучшаго украшенія здѣшняго храма—богатой внутренней рѣзьбы и многимъ другимъ: мы не оскорбимъ скромности честнаго дѣятеля, если при всѣхъ засвидѣтельствуемъ, что это лицо есть настоятель здѣшней церкви о. Романъ. Но, друзья, кто изъ присутствующихъ здѣсь, не вспомнитъ еще и прежде всего про одно лицо великое, безсмертное въ лѣтописяхъ нашей страны, чьи уста не произнесутъ дорогое намъ всѣмъ имя виновника всѣхъ торжествъ покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева? Помолимся братія, помолимся о его душѣ, *да учинитъ Господь ее, идѣже праведницы упокоются.....*

Братія-христіане! Восхваляя ваше, достойное похвалы усердіе къ храмамъ Божіимъ, я боюсь, чтобы кто нибудь изъ васъ не подумалъ, что онъ уже выполнилъ весь свой долгъ предъ Богомъ своимъ участіемъ въ обновленіи святыни: это только похвальное начало будущихъ подвиговъ во славу Божію. Не въ рукотворенной храминѣ живетъ Господь силъ, но въ просвѣтленномъ вѣрою и исполненномъ надеждою сердцѣ человѣка: *жертва Богу—духъ сокрушенъ.* Благодать Божія, обитающая въ Его храминѣ *уврачуетъ немощная и восполнитъ оскудѣвающая*, она поддержитъ усталый духъ, подкрѣпитъ надеждою отчаявшагося и усладитъ страданія несчастнаго. *Приходите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ*, говоритъ Господь. Приходи ко Мнѣ страждущій—бѣдная вдова и одинокій сирота, приходи ко Мнѣ всякій убитый горемъ или пораженный несчастіемъ, приходите всѣ, и всѣ найдете здѣсь покой душамъ вашимъ: это призывный голосъ церкви. Здѣсь въ домѣ Божіемъ забывается вся мірская суета, здѣсь человѣкъ освобождается отъ разнообразныхъ невзгодъ жизни, отъ которыхъ онъ никогда не свободенъ дома. Здѣсь въ живыхъ образахъ всякій, пришедшій помолиться, видитъ самыя священныя для христіанина лица, дорогія сердцу воспоминанія, которыя одни способны подкрѣпить слабаго духомъ на трудъ жизни и подвигъ добродѣтели. Здѣсь почиваетъ *благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ* и готовая всегда на помощь тому, кто въ ней нуждается: Азъ, говоритъ Самъ Господь, (1) *освятихъ храмъ*

(1) Изъ молитвы Соломона, Царств. III 9. гл.

сей, егоже создалъ еси, еже положити имя Мое тамо во вѣки и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни.

Станемъ же, братія, *по вся дни* посѣщать обновленный храмъ,—*храмъ благолѣпный, егоже созда себѣ Господь, еже пребывати въ новости.* Особенно же будемъ почитать день Св. Троицы, въ честь Которой и освященъ этотъ храмъ, и день св. россійскихъ мучениковъ Бориса и Глѣба, названныхъ въ святомъ крещеніи Романомъ и Давидомъ, прося этихъ, такъ сказать, родныхъ намъ Святыхъ, чтобы они (1) „предстояще Св. Троицѣ, молились о державѣ сродниковъ ихъ богоугоднѣй быти и сыновомъ россійскимъ спастися." Оба эти праздника пусть будутъ для насъ днями особаго духовнаго веселія и народнаго торжества.

„Ты же, Господи неба и Царю земли, призри на храмъ сей день и ночь, на мѣсто, о которомъ Ты сказалъ: „будетъ имя Мое тамъ для услышанія молитвы, которою будетъ молиться человѣкъ на мѣстѣ этомъ днемъ и ночью." Услышь молитву раба Твоего и людей Твоихъ, когда они станутъ молиться на мѣстѣ этомъ: услышь на мѣстѣ обиталища Твоего на небеси удовлетвори и помилуй. Если заключатся небеса и небудетъ дождя за то, что согрѣшатъ Тебѣ, услышь, Боже молитвы людей Твоихъ и пошли на землю дождь, когда они помолятся Тебѣ объ этомъ. Если будетъ голодъ или смерть или засуха, все противное и всякая болѣзнь и если кто познаетъ болѣзнь сердца своего и воздвигнетъ руки свои въ храмѣ съ молитвою объ отвращеніи или прекращеніи несчастія: Ты, милостивый Владыко, услышь съ небеси молитву молящагося, будь милостивъ къ нему и дай каждому по желанію сердца его. И чуждому „(иновѣрцу), если онъ придетъ отъ земли издалеча, ради имени Твоего, и помолится на мѣстѣ семъ, сотвори по всему, о чемъ онъ ни попроситъ Тебя. И когда выйдутъ люди Твои на войну—на враговъ своихъ и помолятся въ храмѣ Твоемъ: и Ты услышь молитвы ихъ и сотвори оправданіе имъ. Господи, Господи, пусть будутъ уши Твои и очи Твои отверсты на молитву раба Твоего и на моленія людей Твоихъ, послушати ихъ о всѣхъ, о нихъ же призовутъ Тя (1) въ домѣ Твоемъ—домѣ молитвы. Аминь.

(Лит. Еп. Вѣд.)

ЗАКЛАДКА

въ г. Слонимѣ часовни, сооружаемой въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Миловидами

Въ настоящемъ году, — во всю минувшую весну и начало лѣта,—по Слонимскому уѣзду произведено не мало закладокъ церквей и освящено нѣсколько возобновленныхъ. Такимъ образомъ, во все это время, не проходило у насъ почти недѣли, чтобы не совершилось гдѣ либо это духовное торжество. Слава Богу! Время прежняго уничиженія церквей нашихъ православныхъ исчезаетъ въ памяти; въ замѣнъ столь мрачнаго прошедшаго наступила новая эра, обѣщающая свѣтлое будущее! Къ числу такихъ свѣтлыхъ торжествъ, повсюду у насъ совершаемыхъ, надобно отнести и происходившее недавно въ самомъ г. Слонимѣ, 15 числа іюля мѣсяца—въ день равноапостольнаго князя Владиміра, перваго просвѣтителя Россіи свѣтомъ евангельскаго ученія, произведена закладка часовни, на городской площади, среди рынка, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1848 году римско-католическаго монастыря и костела. Часовня эта будетъ сооружена въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ Миловидскихъ лѣсахъ Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ съ польскими мятежниками.

Первую мысль къ сооруженію ея подалъ нашъ почтенный русскій дѣятель по мировымъ учрежденіямъ Михаилъ Васильевичъ Сильвестровъ. Онъ предполагалъ ее выстроить на частныя пожертвованія, и по нынѣ собранной суммы на этотъ предметъ у него есть уже до 300 руб. сер. Планъ этой часовни очень красивъ: По смѣтѣ она будетъ стоить—безъ кирпича—до 750 р.; кажется она обойдется вся, не менѣе 1,000 руб. Мы слышали, что начальникъ дивизіи генералъ Ганецкій—извѣстный герой и усмиритель польскаго мятежа, узнавъ о постройкѣ сей часовни, обѣщалъ открыть по всей своей дивизіи денежный сборъ, и собранную сумму на сооруженіе оной прислать въ г. Слонимъ. Дай Богъ, чтобы это обѣщаніе генерала Ганецкаго сбылось, ибо часовня эта очень нуждается въ денежныхъ средствахъ и ждетъ доброхотныхъ подаятелей, которые, мы смѣемъ надѣяться, не откажутся отъ приложенія къ собранной уже суммѣ своей посильной лепты, въ ознаменованіе своего сочувствія къ сему благому дѣлу. Если кромѣ дивизіи генерала

Ганецкаго, и еще гдѣ либо найдутся добрые люди, готовые принести въ пользу строющейся часовни нашей свои денежныя пожертвованія, то покорнѣйше просимъ жертвы свои присылать въ г. Слонимъ, на имя предсѣдателя комитета по устройству сей часовни, г. Сильвестрова.

Просимъ также убѣдительнѣйше и русскія газеты и журналы настоящему извѣстію дать мѣсто на страницахъ и, если на сей предметъ въ которую либо редакцію будутъ поступать жертвы, не отказать въ присылкѣ по назначенію, а о пожертвованіяхъ публиковать.

Какъ для закладки часовни, такъ и для совершенія, предъ тѣмъ, Божественной Литургіи, по единодушному желанію и просьбѣ всего русскаго общества, прибылъ изъ Жировицкаго монастыря архимандритъ Николай съ двумя своими діаконами; отслуживъ со всею торжественностію, подобающею оному дню, совмѣстно съ соборнымъ духовенствомъ, обѣдню, при стройномъ пѣніи хора слонимскихъ пѣвчихъ, вслѣдъ затѣмъ, сопровождаемый прибывшимъ для этого торжества сельскимъ духовенствомъ, онъ совершилъ на мѣсто закладки крестный ходъ. Здѣсь сказана была соборнымъ священникомъ о. Климентіемъ Смольскимъ приличная сему случаю рѣчь, помѣщенная ниже, а вслѣдъ за тѣмъ началось и самое освященіе мѣста, послѣ совершенія коего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому. Потомъ пропѣта была всѣмъ воинамъ, убитымъ въ Миловидскомъ дѣлѣ и прочимъ по всему западному краю во время минувшаго польскаго мятежа: „вѣчная память,“ и наконецъ, опять многолѣтіе всему христолюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству, и тѣмъ кончилось духовное торжество, по окончаніи коего крестный ходъ возвратился въ церковь.

РѢЧЬ,

сказанная при закладкѣ часовни въ г. Слонимѣ въ память русскихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскомъ дѣлѣ отъ рукъ крамольниковъ польскихъ.

Православный русскій народъ и христолюбивое воинство!

Мы собрались нынѣ на сіе мѣсто, для исполненія нашего христіанскаго долга и совершенія священнаго русскаго дѣла.

Здѣсь, по мысли и плану одного изъ почтенныхъ нашихъ дѣятелей, М. В. Сильвестрова, имѣетъ быть воздвигнута часовня въ память убитыхъ нашихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскомъ дѣлѣ отъ рукъ польскихъ мятежниковъ.

Я не буду, любезные соотечественники, много вамъ говорить о томъ, какъ безбожно возстали здѣшніе западно-русскіе уроженцы—католики паписты, гордо именующіе себя поляками, противъ нашего православнаго русскаго Царя и всего здѣшняго западно-русскаго народа, ибо это хорошо извѣстно всякому.

Называющіе себя поляками здѣшніе католики посягали на отнятіе дорогаго намъ западно-русскаго края, отъ Владиміра и Ярослава вѣчнаго наслѣдія нашихъ русскихъ православныхъ государей. Да, они посягнули на нашъ край, они дерзнули поднять противъ насъ свои мечи, косы, топоры и кинжалы. Теперь никто изъ нихъ никогда не увѣритъ насъ однимъ лишь словомъ въ истинномъ ихъ вѣрноподданничествѣ нашему природному Государю, и никто никогда не разувѣритъ насъ одними словами въ ихъ всегдашней ненависти и злобѣ къ намъ! И потому, будемъ крѣпко стоять на стражѣ и постоянно бодрствовать, чтобы отъ ихъ злодѣйскихъ рукъ еще не пришлось когда либо испить подобной горькой чаши.

Но обратимся къ началу минувшаго мятежа и посмотримъ, какъ онъ въ началѣ своемъ развивался и гдѣ нашелъ себѣ пріютъ. Самое вѣрнѣйшее и безопаснѣйшее гнѣздилище мятежниковъ это, конечно, было въ р.-католическихъ монастыряхъ и ихъ костелахъ. Не будь ихъ тогда у насъ, все было бы покойно и не произошло-бы никакого бунта. Слѣдовательно во время мятежа все зло для насъ, а теперь для самой польской шляхты, произошло изъ одного источника—изъ зловредной политико-католической пропаганды. Да, въ костелахъ и монастыряхъ проповѣдывалось неуваженіе къ нашему законному правительству: оттуда раздавались самаго возмутительнаго содержанія польскіе патріотическіе гимны, оттуда, съ благословеніемъ духовныхъ отцевъ своихъ, со вскруженными головами, вылетѣла вся молодежъ польско-католическая и прямо направилась въ лѣсъ... Грустно намъ вспоминать все это.

Эта-то молодежь, засѣвши въ лѣсахъ и укрѣпившись въ звѣриныхъ берлогахъ, вообразила себѣ, что она находится въ истинныхъ предѣлахъ Царства Польскаго, и пошла чисто по разбойничьи, изъ-за куста, нападать на безоружныхъ солдатъ и мирныхъ

нашихъ сельскихъ жителей, стала преслѣдовать, оскорблять, жечь, грабить, убивать всѣхъ людей, преданныхъ своему законному правительству. Не было тогда почти ни одного дня, чтобы эти польскіе герои новаго Царства Польскаго, отъ имени невѣдомаго имъ самимъ жонда, не повѣсили гдѣ старшину, старосту или кого бы то ни попало! Страшно для насъ русскихъ было это время!... И все это безнаказанно имъ проходило, ибо у насъ не было тогда почти еще никакихъ войскъ, а народъ былъ сильно запуганъ жестокостями головорѣзовъ. При такомъ несчастномъ для насъ стеченіи обстоятельствъ, ихъ шайки постоянно увеличивались, а вслѣдствіе этого и польскіе довудцы производили безпрестанно новые и новые звѣрскіе подвиги. Стали вѣшать уже не только крестьянъ и чиновниковъ, сельскихъ учителей (*) и дьячковъ—но страшно вспомнить — и нашихъ православныхъ священниковъ!... Кровь невинныхъ нашихъ мучениковъ да будетъ навсегда искупительною жертвой всего намъ дорогаго сѣверозападнаго края! Мятежники прославлялись такими подвигами до тѣхъ поръ, пока не явились здѣсь наши войска. Съ того же времени дѣла приняли совершенно другой оборотъ: поляки не только нигдѣ изъ лѣсовъ не выходили, но, напротивъ, прятались въ нихъ все глубже и глубже; и тамъ отъ холода и голода и наконецъ отъ постоянныхъ преслѣдованій храбрыхъ нашихъ войскъ гибли, какъ дикіе звѣри. Какъ извѣстно всѣмъ, остатки разныхъ разбитыхъ шаекъ засѣли въ Миловидскихъ лѣсахъ нашего Слонимскаго уѣзда. Оттуда-то нужно было выгнать нашимъ войскамъ все это скопище разбойниковъ, и съ этою цѣлью двинулось изъ Слонима нѣсколько ротъ пѣхоты и выступила квартирующая здѣсь батарея съ четырмя своими орудіями.

День самой стычки былъ намъ небезъизвѣстенъ. Мы тогда горячо молились Богу, и въ надеждѣ на Его милость и правосудіе ожидали побѣды; наконецъ, пришелъ этотъ роковой день, и къ великому прискорбію и ужасу узнали, что отъ ударовъ мятежниковъ пало десять нашихъ воиновъ и до сорока человѣкъ ранено. Сердце наше замерло... Но за то, сколько было радости всѣмъ здѣсь считающимъ себя поляками: они ликовали полную побѣду, тосты провозглашали за возстановленіе Польши. Но эта радость ихъ однакожъ была непродолжительна. Вскорѣ они узнали

(*) Родной братъ почтеннаго ор тора, бывшій учителемъ народнаго училища, повѣшенъ мятежниками. Ред.

всю сущность дѣла и совершенно упали духомъ, ибо войска наши при незначительной сравнительно потерѣ вытѣснили изъ лѣсу всѣхъ повстанцевъ, завладѣли цѣлымъ ихъ обозомъ и всю миловидскую шайку въ конецъ истребили. Таковъ-то былъ исходъ всему шляхетному въ нашемъ уѣздѣ повстанью, при укрощеніи коего положили свои головы храбрые и всегда готовые на смерть за любезное свое отечество наши солдаты.

Возлюбленные соотечественники! Эти павшіе въ Миловидскихъ лѣсахъ солдаты, защищая отъ враговъ отечество, защищали такимъ образомъ и насъ, и все наше достояніе. Можемъ ли, послѣ того, забыть когда либо храбрыхъ своихъ защитниковъ-спасителей? Конечно, никогда! Вотъ, съ этой-то цѣлью въ честь сихъ десяти павшихъ воиновъ и еще нѣсколькихъ, отъ ранъ въ слонимской больницѣ умершихъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ вскорѣ воздвигнется часовня! Мы здѣсь вѣчно будемъ молить Бога о упокоеніи душъ ихъ, и дѣтямъ нашимъ закажемъ творить о нихъ сію молитву.

И такъ, возлюбленные сыны Россіи! пусть-же нынѣ, въ знакъ вѣчной памяти о нашихъ защитникахъ-воинахъ всякій положитъ камень въ основаніе сего новаго зданія и усердно на семъ-же мѣстѣ съ церковію помолится о ихъ вѣчномъ упокоеніи. Да принесетъ, при томъ, здѣсь всякій на возсозданіе сей часовни и свою посильную лепту, въ коей она такъ еще нуждается. Принесемъ камень и лепту и воздвигнемъ сію часовню еще и для того, чтобы всѣ здѣшніе польскіе католики, взирая всегда на оную, вспоминали тщетность всѣхъ своихъ замысловъ и знали, какъ мужественно павшіе воины сражались за русскаго Царя, за русскую землю и за русскую вѣру, которыхъ крамольникамъ никогда не одолѣть! Положимъ въ основаніе сей часовни камень и для созданія ея принесемъ свою посильную лепту еще и для того, чтобы мы сами, мы русскіе, сыны нашей русской западной окраины, поучились недавнимъ опытомъ и не поддавались искушеніямъ польскаго политическаго катихизиса, а стояли всегда крѣпкимъ здѣсь оплотомъ противъ всего заноснаго къ намъ польскаго. Пусть католичество и польщизна ни въ какомъ видѣ не найдутъ болѣе у насъ пріюта и уйдутъ отъ насъ подальше, туда за Вислу.

О! да воздвигнется, какъ можно скорѣе сіе зданіе, и да вразумитъ оно всѣхъ и каждаго изъ называющихъ себя поляками, чему подобаетъ здѣсь быть, кому жить... Между тѣмъ вознесемъ сердца наши къ Богу, да освятится нынѣ сіе мѣсто усердной

молитвою здѣсь предстоящаго сонма священнослужителей и сердечными вздохами всѣхъ при этомъ торжествѣ присутствующихъ, дабы Онъ, Всеблагій, благословилъ по всесвятой Своей волѣ благополучно, какъ начать намъ закладку сей часовни, такъ и привесть ее къ окончанію. Воздадимъ также на семъ мѣстѣ славу, честь и благодареніе Всеблагому Богу, укротившему силою русскаго побѣдоноснаго оружія полчища мятежниковъ, и помолимся Ему о упокоеніи павшихъ, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова.

(Лит. Еп. Вѣд.)

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ЕЗЕРНИЦѢ.

12 ноября происходило освященіе новой приходской Св. Николаевской церкви въ м. *Езерницѣ*, отстоящемъ въ 20 верстахъ отъ нашего уѣзднаго города. Православіе, благодаря Бога, продолжаетъ уже спокойно и повсемѣстно входить здѣсь въ свои права; храмы православные, на всемъ пространствѣ здѣшняго края, то и дѣло, одни какъ бы воскресаютъ отъ своего вѣковаго запустѣнія и убожества, другіе перестраиваются изъ такихъ, которые нѣкогда, систематически вытѣсняли и недавно еще затмѣвали собою православіе, третьи вновь воздвигаются отъ щедротъ правительства, и вездѣ эти отрадныя явленія празднуются съ соотвѣтственнымъ церковнымъ великолѣпіемъ: окружаются дружнымъ почетомъ всѣхъ представителей власти, встрѣчаются общимъ восторгомъ духовно и нравственно пробудившагося народа. Значитъ, дѣло пошло по прямой дорогѣ, стало нормальнымъ и не нуждается уже болѣе въ какомъ-бы ни было эмфатическомъ описаніи; поэтому и нашъ разсказъ будетъ кратокъ. Обрядъ освященія езерницкой церкви совершался о. архимандритомъ жировицкаго монастыря *Николаемъ*, при сослуженіи сосѣдственнаго духовенства; при семъ произнесена была прекрасная проповѣдь: *о значеніи храма* извѣстнымъ въ здѣшней окрестности по дару слова священникомъ *Августиномъ Куцевичемъ;* благоговѣйному чувству молящихся въ новомъ храмѣ содѣйствовало стройное пѣніе учениковъ жировицкаго духовнаго и мѣстнаго народнаго училища; пріѣзжіе гости встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ мѣстнаго пастыря—и наконецъ за обѣдомъ, среди единодушнаго восторга, слившагося съ народнымъ гимномъ, провозглашенъ былъ тостъ за здоровье нашего Августѣйшаго Монарха.

Все это, повторяемъ, въ здѣшнемъ краѣ сдѣлалось естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ.

Не знаемъ, хорошо-ли съ нашей стороны или дурно, а только въ подобныхъ случаяхъ, насъ лично всегда не столько интересуетъ торжество дня, сколько самъ его предметъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, еще задолго до богослуженія, мы тщательно осматривали новую церковь и подробно распрашивали обо всемъ касающемся ея постройки. Узнанное нами довольно поучительно.

На церковь отпущена была сумма 6,657 руб. съ копѣйками— 1,880 рублей отнесено на счетъ прихожанъ, по оцѣнкѣ жертвуемыхъ ими матеріала и чернорабочихъ. Постройка поручалась главному вѣданію уѣзднаго строительнаго комитета, въ коемъ предсѣдательствуетъ доселѣ прежній военный начальникъ, М. А. Романовичъ. Но комитетъ, ознакомившись съ личнымъ составомъ мѣстнаго церковнаго совѣта, предоставилъ этому послѣднему полную свободу дѣйствій и на этотъ разъ не имѣлъ причины пожалѣть. Постройка храма предполагалась по смѣтѣ изъ булыжнаго камня. Церковный совѣтъ, встрѣчавшій постоянно самую дружную поддержку въ просвѣщенномъ усердіи мѣстнаго мироваго посредника В. Н. *Лаврова*, на сходкѣ прихожанъ, предложилъ имъ подумать, не будетъ-ли выгоднѣе, вмѣсто сбора и свозки камня, по нахожденію на мѣстѣ очень хорошей глины, устроить заводъ и на немъ приготовить кирпичъ въ достаточномъ количествѣ для постройки всего храма? Крестьяне подумали, потолковали, маленько между собой поспорили и наконецъ порѣшили: быть кирпичному заводу. И чтоже? благая мысль, усердно и добросовѣстно приведенная въ исполненіе, привела къ слѣдующимъ результатамъ, превзошедшимъ ожиданія. 1) Кромѣ прочности и красоты, новый храмъ увеличенъ противъ смѣты болѣе, чѣмъ на два аршина въ діаметрѣ (теперь онъ можетъ вмѣстить отъ 500—600 человѣкъ). 2) Крыша, вмѣсто положенной гонтовой, сдѣлана желѣзная, да притомъ изъ такъ называемаго, извѣстнаго *графскаго* желѣза. 3) Купола, преположенные къ обивкѣ гонтою, покрыты самою лучшею бѣлой петербургской жестью. 4) Придѣлано красивое фронтовое крыльцо подъ навѣсомъ, съ вытесанными каменными ступенями. 5) Устроена кругомъ церкви новая каменная ограда, съ приличными воротами. 6) Внутри церкви сдѣланъ запрестольный каменный кивотъ, два такіе-же кивота въ иконостасѣ, съ пріобрѣтеніемъ къ нимъ и самыхъ образовъ, наконецъ произведена покраска половъ.

Всѣ исчисленныя здѣсь работы сверхъ смѣтныя. Переходя затѣмъ къ смѣтнымъ, при самой строгой взыскательности, можно

только порадоваться способу ихъ исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, новый храмъ, при счастливомъ выборѣ открытой и возвышенной мѣстности, среди мѣстечка, не только издали привлекаетъ взоры стройностію и симметріей всѣхъ своихъ частей, но и вблизи, до малѣйшихъ подробностей, являетъ слѣды самой старательной отдѣлки, самой обдуманной законченности. Даже, благодаря двойнымъ рамамъ своихъ свѣтлыхъ оконъ, онъ, намъ сначала показался, не смотря на довольно чувствительный холодъ дня, какъ будто отопленнымъ. Словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что это одинъ изъ лучшихъ приходскихъ храмовъ по епархіи.

Поступившія ко дню освященія многочисленныя приношенія отъ прихожанъ (по первому почину мѣстнаго священника и мироваго посредника), какъ-то: запрестольный крестъ, образа, шелковая занавѣсь къ царскимъ вратамъ, паникадило, нѣсколько лампадъ, нѣсколько паръ подсвѣчниковъ, кромѣ свѣчей и денежныхъ пожертвованій, служили еще однимъ изъ наглядныхъ доказательствъ религіозныхъ чувствъ и усердія здѣшней паствы, которая, при единодушномъ дѣйствіи церковнаго совѣта и мироваго управленія, столь охотно и много потрудилась для здѣшняго храма.

На этотъ-то примѣръ столь вождѣленнаго, необходимаго и слава Богу, все чаще и чаще встрѣчающагося теперь единодушія въ особенности пріятно намъ и желательно указать въ настоящемъ нашемъ бѣгломъ отчетѣ.

Но вотъ мы его и заканчиваемъ, не назвавъ даже по имени того достойнаго мѣстнаго пастыря, о которомъ мы вынесли самое отрадное и почтительное впечатлѣніе. Это ужъ съ одной стороны отчасти во нравахъ такихъ залетныхъ птицъ, какъ наша братья—корреспонденты; но съ другой стороны едвали и можетъ быть намъ поставлено въ вину; ибо о. *Константинъ Калосскій* на столько-же скроменъ и столь же неохотно говоритъ о своемъ непосредственномъ участіи въ дѣлѣ постройки храма, на сколько это участіе было несомнѣнно-велико и заслуживаетъ самаго искренняго уваженія.

Корреспондентъ.

(Вил. Вѣст.)

ДОНЕСЕНІЕ БЛАГОЧИННЫХЪ ВЪ ЛИТОВСКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРІЮ, ОБЪ ОСВЯЩЕНІИ ИМИ РАЗНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

— Преосвященнѣйшій Игнатій, епископъ брестскій, донесъ его высокопреосвященству, что 10-го минувшаго сентября имъ

совершено по чиноположенію освященіе новосооруженной каменной съ желѣзною крышею церкви въ селѣ Коптевщизнѣ Гродненскаго уѣзда; послѣ чего, вслѣдствіе засвидѣтельствованія, преподано святительское его высокопреосвященства благословеніе мѣстному священнику Димитрію Ястребову и прихожанамъ его, а преимущественно членамъ церковнаго совѣта— честному старцу Викентію Якубецкому, Ивану Бовсюку, Андрею Булаку и прочимъ, за неутомимые ихъ труды и заботы о возможно скорой, прочной и благолѣпной постройкѣ своей приходской церкви и за посильныя ихъ жертвы на сей предметъ. При богослуженіи присутствовали гг. гродненскій губернаторъ, предводитель дворянства, князь Кудашевъ, чиновники и множество народа.

— Каменецкій благочинный, священникъ Будзиловичъ, донося о томъ, что починенная и вновь устроенная приписная къ Пашукской-Шишевская церковь, 30 августа, въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, съ тремя сослужащими священниками, при многочисленномъ собраніи народа освящена имъ по чиноположенію св. церкви, свидѣтельствуетъ, что починка этой церкви и устройство въ ней новаго, довольно приличнаго, иконостаса стоило мѣстнымъ прихожанамъ 320 руб. сер., работами заправлялъ и старался объ изысканіи средствъ мѣстный священникъ Андрей Теодоровичъ. Потому пашукской церкви священнику Теодоровичу и прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія объявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Черевачицкій благочинный, донося, что по надлежащемъ устройствѣ деревянной крупчинкой церкви изъ упраздненнаго римско-католическаго костела, 12 минувшаго ноября въ воскресный день она освящена, во имя святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ соучастіи священниковъ ввѣреннаго ему благочинія и при стеченіи народа своего и окрестныхъ приходовъ,—свидѣтельствуетъ, что иконостасъ въ ней весьма приличный; въ иконостасѣ 19 иконъ—отличной живописи; и что все внутреннее и наружное устройство церкви произведено на мѣстныя церковныя средства, при посильномъ пожертвованіи мѣстныхъ прихожанъ наличными деньгами и работою и при неусыпныхъ заботахъ мѣстнаго священника Евстафія Маркевича, литовское епархіальное начальство прихожанамъ Крупчицкой

церкви и священнику оной Маркевичу за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподаетъ архипастырско благословеніе его высокопреосвященства.

— Друйскій благочинный донесъ, что бывшая римско-католическая каплица при дворѣ Зайневскомъ, съ дозволенія начальника края, какъ ветхая, перевезена на православное кладбище воропаевское крестьянами воропаевской волости и въ память Всемилостивѣйше дарованной имъ свободы устроена въ церковь и освящена въ 26 день августа 1867 года; на устройство этой церкви пожертвовано крестьянами Воропаевской волости 173 р. и 67 коп. Прихожанамъ Иказненской церкви и помѣщику имѣнія Зайново Мирскому, за пожертвованія сдѣланныя на устройство приписной церкви, объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Косовскій благочинный священникъ Круковскій доноситъ что 7 сентября сего года имъ освящена щитнянская церковь приписная къ ворониловичской; при чемъ представляетъ и отчетъ деньгамъ, употребленнымъ на устройство выше прописанной церкви. Изъ отчета видно, что прихожанами Вороновичской церкви въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, пожертвовано 1,000 руб. Мѣстнымъ священникомъ Константиновичемъ 20 р., дьячкомъ Кузьминскимъ 3 р., старостою Вороновичской церкви 5 р., волостнымъ старостою 5 р., казеннымъ крестьяниномъ Казиміромъ Прокопинѣй 3 р., и бывшимъ наставникомъ Ворошиловицкаго народнаго училища Николаемъ Веселовымъ 5 руб. Опредѣлили и его высокопресовященство утвердилъ: Жертвователямъ (въ пользу щитнянской церкви) за усердіе къ храму Божію, преподать благословеніе его высокопреосвященства.

— Бездежскій благочинный, священникъ Каддубовскій доноситъ, что 8-го октября, соборнѣ, торжественно освящена имъ во имя Пресвятыя Троицы, церковь въ селѣ Брашевичахъ, перестроенная изъ закрытаго костела,—имѣвшаго малое число прихожанъ римско-католиковъ, среди немалолюднаго православнаго прихода, къ которому присоединились и эти латиняне; устройство иконостаса, при неусыпномъ наблюденіи священника Алексѣя Огіевича, удалось какъ нельзя лучше; операція приспособленія костела на православную церковь произведена, не обременяя казны, собственными средствами прихожанъ, въ недавнее время устроившихъ новый иконостасъ и въ приходской

своей церкви; на работы, утварь и облаченія израсходовано всего 845 руб. 25 коп. Епархіальнымъ начальствомъ положено: священнику брашевицкой церкви Алексѣю Огіевичу и прихожанамъ той церкви, за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія, объявить благодарность епархіальнаго начальства.

— Тотъ же благочинный донося, что починенная собственными средствами прихожанъ, липницкая церковь освящена имъ 9-го декабря по чиноположенію, засвидѣтельствовалъ, что иниціативою въ этомъ добромъ дѣлѣ былъ преимущественно мѣстный священникъ Викентій Плескацевичъ; прихожане сказанной церкви не многочисленны и не состоятельны, однако же сознавая, что необходимо нужно поддержать церковь, при содѣйствіи мѣстнаго священника, пожертвовали на сей предметъ слишкомъ по 15 рублей со всякаго двора, каковыя пожертвованія въ здѣшней мѣстности можно назвать чрезвычайными, но за то сами прихожане теперь душевно радуются, сравнивъ прежнее плачевнее состояніе сего храма, находящагося при столбовой дорогѣ, съ настоящимъ вполнѣ благолѣпнымъ. На работы внутри и внѣ храма, на устройство иконостаса и на иконы израсходовано всего 2,183 руб. Опредѣлили и его высокопреосвященство утвердилъ: священника липницкой церкви Викентія Плескацевича, за особенное усердіе къ храму Божію, по главному содѣйствію коего починена и устроена липницкая церковъ, а прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподать благословеніе его высокопреосвященства.

— Влодавскій благочинный, протоіерей, отъ 13 декабря сего года донесъ о томъ, что имъ освящена малорытская св. Николаевская церковь при собраніи духовенства 10 декабря; церковь отлично украшена; на постройку иконостаса и украшеніе крыши оной церкви масляными красками, по рачительной заботливости мѣстнаго священника Іоанна Ситкевича, семикласнаго прихода прихожанами израсходовано денегъ всего 900 руб. 45 коп. сер. По представленію консисторіи, малорытской церкви священнику Іоанну Ситкевичу и прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Подороскій благочинный священникъ Восинскій, донося объ освященіи 5-го ноября въ ивашкевицкомъ приходѣ кладбищенской церкви, устроенной на деньги, пожертвованныя крестьянами деревни Клепачъ и представляя отчетъ въ употребленіи

этихъ денегъ въ количествѣ 1,554 руб. 85 коп., свидѣтельствуетъ объ особенной ревности этихъ прихожанъ къ храму Божію. По ходатайству консисторіи, преподано жертвователямъ крестьянамъ деревни Клепачъ за особенное ихъ усердіе къ св. церкви архипастырское его высокопреосвященства митрополита Литовскаго и Виленскаго, благословеніе. *(Лит. Еп. Вѣд.)*

ОСВЯЩЕНІЕ ПАЦЕВИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, ПРИПИСНОЙ ВЪ САМУИЛОВИЧСКОМЪ ПРИХОДѢ.

25-го числа мѣсяца іюля, въ день успенія св. Анны, освящена приписная въ Самуйловичскомъ приходѣ Пацевичская церковь, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Обстоятельства построенія этой церкви до того своеобразны, что нельзя о нихъ умолчать. Вблизи деревни Пацевичъ, на крестьянскихъ поляхъ, лежалъ громадныхъ размѣровъ камень—дикой гранитъ, отъ плоской формы своей называвшійся въ народѣ плитой. Этому то камню выпало на долю въ продолженіи очень долгаго времени служить предметомъ особеннаго почтенія для окрестнаго народа.

Назадъ тому лѣтъ 20, мѣстное дворовое управленіе намѣревалось употребить этотъ камень на подѣлку мельничныхъ жернововъ, Крестьяне о томъ знали, но недорожа нисколько камнемъ, не думали тому противиться. Но вотъ однажды нѣкто изъ крестьянъ, возвращаясь ночью въ свой домъ, видѣлъ на камнѣ огонь. Затѣмъ крестьянская дѣвушка, пасшая по дню скотъ вблизи камня, будто бы увидѣла на немъ чудную жену, наименовавшую себя Богородицею и приказавшую той дѣвушкѣ оповѣстить всѣмъ, дабы люди покрѣпче Богу молились, дабы жили по заповѣдямъ Божіимъ, присовокупляя къ тому, что Она всегда пребудетъ на мѣстѣ томъ и всегда услышитъ всѣхъ истинно призывающихъ Ее во всѣхъ нуждахъ и скорбяхъ. Къ тому другіе прибавляли, что видѣли по ночамъ на камнѣ возженныя свѣчи. Все это своевременно не было обслѣдовано, а поэтому всѣ подобные разсказы, какъ то всегда случается, въ высокой степени прикрашенные, свободно распространялись между народомъ; плита сдѣлалась въ очахъ суевѣрныхъ простолюдиновъ *святою плитой*; вмѣсто прославленія Господа Бога во святыхъ храмахъ, мало по малу между христіанскимъ народомъ

распространилось своего рода идолопоклонство, къ камню стали люди собираться на молитву, ему кланялись, цѣловали и отъ него жаждали чудесъ и исцѣленій.

Нынѣшній самуйловичскій священникъ, за поступленіемъ своимъ на приходъ уже засталъ въ немъ такое идолопоклонство въ полной силѣ. Можно представить ту сердечную грусть, съ которою онъ долженъ былъ видѣть, какъ люди, ввѣренные его попеченію, забывая и оставляя храмъ Божій. собирались на молитву къ камню. Священникъ проповѣдывалъ народу благовременно и безвременно, появлялся иногда даже и при камнѣ и тамъ обличалъ суетность и преступность боготворенія его. Но пастырскій гласъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Когда суевѣріе глубоко укоренится въ народѣ: тогда оно твердо какъ скала. Да и кромѣ того, задача священника усложнялась и тѣмъ, что почитателями плиты были не одни его прихожане, но они во множествѣ являлись и изъ другихъ приходовъ. Видя безуспѣшность проповѣди, живо и самъ сознавая свой долгъ и руководимый совѣтами опытныхъ и богобоязненныхъ людей, священникъ рѣшился употребить болѣе рѣшительную мѣру,—онъ задумалъ и съ свойственною ему энергіею разбилъ камень въ куски, а дабы еще и въ такомъ видѣ камень не могъ служить для народа предметомъ боготворенія, свезъ оный на погостъ церковный съ цѣлію употребить въ дѣло при первой случившейся постройкѣ. Но и такая мѣра не имѣла желанныхъ результатовъ. Съ одной стороны въ приходѣ обнаружились въ высшей степени ропотъ и недовольство на священника, возбужденныя росказнями деревенскихъ бабъ, разсказывавшихъ, какъ они въ своихъ сновидѣніяхъ будьто-бы слышали святую плиту плакавшею отъ боли при разбитіи и предрекавшею всѣмъ работавшимъ гибель неминуемую. Съ другой стороны хотя и разбитъ былъ камень, но осталась впадина, въ которой онъ помѣщался: и вотъ сталъ народъ собираться къ ней съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ собирался къ камню. При этой новой случайности, священникъ послѣ дѣятельной переписки, успѣлъ наконецъ въ томъ, что гражданскимъ начальствомъ предписано было земской полиціи впадину засыпать и къ мѣсту приставить стражу. Это всего лучше подѣйствовало на народъ и собранія прекратились. Но такъ какъ полиція, среди другихъ своихъ занятій, очень скоро совершенно забыла возложенную на нее заботу охранять на-

родъ отъ суевѣрія; то вскорѣ сборища на мѣстѣ, гдѣ лежалъ камень, возобновились съ новою силою и тѣмъ успѣшнѣе, что, какъ кажется, были люди прямо заинтересованные въ этомъ, такъ какъ незваные и непрошенные они не погнушались пользоваться полагаемыми на томъ мѣстѣ жертвами крестьянъ и будьто бы отправляли оныя *на украшенія римскихъ костеловъ*. Вотъ какимъ иногда прыткимъ и безстрашнымъ бываетъ римское меркантильное благочестіе, не гнушающееся никакою жертвою, какъ бы мерзкою она ни была въ очахъ Пресвятѣйшаго Господа.

Душевно скорбя о безуспѣшности всѣхъ своихъ дѣйствій, священникъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что единсвеннымъ средствомъ къ искорененію народнаго суевѣрія можетъ послужить построеніе на томъ мѣстѣ храма Божія въ видѣ искупительной жертвы Господу за грѣхъ народа. Но выполненіе этой мысли казалось священнику мечтою не осущесвимою при той непокрытой бѣдности, въ которой находились, какъ самъ священникъ, такъ и его прихожане. Но сила Божія всего чаще и проявляется въ немощи; а церкви Божіи созидаются большею частію не богатыми средствами, но твердою вѣрою и богатствомъ любви христіанской.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, крестьяне деревни Пацевичъ, въ средѣ участковъ которыхъ находилось мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ камень, стали подбирать жертвы, оставляемыя приходившимъ народомъ, и собравъ сотню руб. пришли сами къ священнику, отдали деньги и просили ходатайствовать о построеніи у нихъ приписной церкви. Тогда же было составлено прошеніе, и вскорѣ по оному получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства на устройство храма Божія. На собранную сотню былъ купленъ лѣсной матеріалъ и затѣмъ началась медленная трехлѣтняя постройка, часто съ большими перерывами, случавщимися отъ недостатка рѣшительно всякихъ средствъ. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа, возрастало и усердіе къ церкви народа;—онъ во множествѣ сходился на мѣсто постройки, со всѣхъ сторонъ приносилъ свои трудовыя копѣйки, и изъ этихъ то копѣекъ собралась сумма въ 2,000 руб. сер., во что и обошлась постройка церкви. Не правда ли, читатели, что это во всѣхъ отношеніяхъ чудная постройка! Начатая безъ всякихъ средствъ, продолжаемая и оконченная на копѣечныя жертвы! Такъ сила Божія въ немощи совершается

Господь Богъ нарицаетъ несущая яко сущая и дѣлаетъ возможнымъ невозможная у человѣкъ.

Церковь прекрасно устроена. Расположенная на открытой мѣстности, она заставляетъ каждаго проѣзжаго любоваться ея величествомъ, граціозностію и чистотой. Счастливъ былъ планъ, равно какъ и выполненіе его. Церковь не велика, вмѣстимостію на 200 человѣкъ, но для того, чтобы всѣ богомольцы могли участвовать въ Богослуженіи, устроены съ лицевой стороны трое входныхъ дверей, солея же возвышена на столько, что стоящіе предъ церковью могутъ чрезъ растворенныя двери свободно видѣть все происходящее во храмѣ. Зданіе устроено въ круглой формѣ съ двумя куполами—большимъ на срединѣ храма и меньшимъ надъ притворомъ, гдѣ помѣщается и колокольня. Начиная отъ фундамента и кончая крестами, вѣнчающими зданіе, все законченно, все устроено отчетливо и красиво до мельчайшихъ подробностей. Внутри устроенъ трехъ-ярусный иконостасъ, который по всей справедливости можно отнести къ числу самыхъ лучшихъ въ уѣздѣ.—Утварью церковь вполнѣ обеспечена; съ самаго дня освященія своего она имѣетъ и хорошія священническія облаченія, и вполнѣ приличныя одежды на престолъ, жертвенникъ, аналогіи, рѣшительно всѣ принадлежности богослуженія и не имѣетъ нужды чѣмъ бы то нибыло заимствоваться у своей приходской церкви.

Относя такъ успѣшное во всѣхъ отношеніяхъ устройство приписной пацевичской церкви къ благимъ намѣреніямъ, распорядительности и умѣнію самуйловичскаго священника о. Саввы Кульчицкаго, нельзя съ другой стороны не отнестись съ величайшей похвалой и о частномъ архитекторѣ Матѳеѣ Гордѣевичѣ Власовѣ, по плану и подъ руководствомъ котораго строилась церковь. Въ лицѣ Матвѣя Гордѣевича мы имѣемъ настоящій кладъ: и въ другихъ мѣстахъ нашего уѣзда онъ устроялъ церкви и вездѣ оказался добросовѣстнымъ знатокомъ своего дѣла, искреннымъ радѣтелемъ о пользахъ церковныхъ; всѣ работы выходили изъ подъ рукъ его красивыми, оконченными и прочными и главное всегда достигалась большая экономія. Награди Господи добраго человѣка, искренно и съ любовію радѣющаго о благолѣтіи святыхъ Божіихъ церквей.

Церковь была окончена постройкой къ 25 числу мѣсяца іюля и поэтому предположено было освятить ее въ этотъ день. Ко дню освященія прибылъ членъ литовской консисторіи о. про-

тоіерей Петръ Левицкій. Всѣмъ намъ священникамъ было очень пріятно встрѣтиться съ своимъ прежнимъ благочиннымъ, оставившимъ намъ по себѣ самую добрую память за свое добродушіе и искренно братскую любовь, съ которыми онъ относился ко всѣмъ намъ безъ всякаго различія, ни мало впрочемъ не потворствуя въ дѣлахъ служебныхъ. Отецъ протоіерей, въ бытность свою нашимъ благочиннымъ, много содѣйствовалъ къ искорененію суевѣрнаго боготворенія камня, и вотъ какъ бы въ награду за добрыя желанія довелъ ему Богъ видѣть выполненіе своихъ давнишнихъ предположеній и освятить церковь тамъ, гдѣ прежде имѣло мѣсто неразумное суевѣріе.

Торжество началось въ вечеръ предшествовавшій дню освященія торжественною всенощною службою, отправлявшеюся отъ 8 часовъ до полуночи. Весь храмъ буквально былъ залитъ свѣтомъ отъ свѣчъ въ лампадахъ и паникадилѣ и во множествѣ разставленныхъ по карнизамъ иконостаса и по рѣшеткамъ оконъ. Ярко освѣщенная, густо обставленная кругомъ погоста березками, въ темную ночь, церковь, представляла дѣйствительно нѣчто волшебное.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня была отправлена ранняя обѣдня въ приходской самуйловичской церкви и за окончаніемъ оной совершенъ крестный ходъ въ новосозданную церковь. За прибытіемъ крестнаго хода, тотчасъ же отецъ протоіерей, въ сослуженіи волковыскаго благочиннаго и еще трехъ священниковъ, приступилъ къ совершенію водосвятнаго молебствія,— затѣмъ совершены чинъ освященія храма и обѣдня съ благодарственнымъ молебствіемъ. Господь благопоспѣшилъ въ освященіи храма. Послѣ долгаго ненастья, ввергшаго хозяевъ въ отчаяніе, сверхъ всякаго чаянія въ день освященія храма просіяла свѣтлая погода; поэтому и народа собралось огромное множество. Однихъ пріобщившихся отъ святой Чаши было примѣрно до 700 человѣкъ.

Причтъ и прихожане самуйловичской церкви приносятъ искреннюю душевную благодарность всѣмъ невѣдомымъ жертвователямъ на святый храмъ Божій. Они будутъ всегда молить Всевидящаго Бога, да воздастъ сторицею всѣхъ ихъ жертвы, принесенныя въ тайнѣ. Также долгомъ своимъ считаемъ душевно благодарить мѣстныхъ помѣщиковъ графа Красицкаго и г. Стырпейку за пожертвованіе первымъ изъ нихъ части лѣ-

наго матеріала и за безмездный отводъ вторымъ десятины земли подъ устроенную церковь.

— 17 сент., Сокольскимъ благочиннымъ прот. І. Саковичемъ, освящена вновь починенная кузницкая церковь, при многочисленномъ стеченіи народа.

— 9 іюля, помощникомъ вилкомирскаго благочиннаго, Шавельскимъ свящ. Круковскимъ освящена новоустроенныя Вѣкшнянская церковь, во имя преп. Сергія.

— 11 іюля, Щучинскимъ благочиннымъ свящ. Николаемъ Теодоровичемъ освящена новоустроенная на кладбищѣ деревянная берштанъ глубокскаго прихода (Лид. уѣзда) церковь во имя св. Великомученицы Параскевы, при стеченіи свыше 2,000 богомольцевъ, при чемъ роздано до 2,000 крестиковъ народу.

— 30 іюля, подоросскимъ благочиннымъ, освященъ новоустроенный иконостасъ въ подорсской церкви, при многочисленномъ стеченіи народа.

— 27 сентября, ковенскимъ благочиннымъ, освящена приписная кейданская церковь, по исправленіи оной.

— Ошмянскимъ благочиннымъ, освящены: 22 октября кревская Александровская церковь, и въ оной открыто богослуженіе, а 8 ноября зыковичская церковь въ память Воздвиженія Креста Господня.

— 12 ноября, высоколитовскимъ благочиннымъ, освящена приписная къ милейчицкому приходу церковь, устроенная изъ упраздненнаго прихода средствами прихожанъ.

— 28 ноября, благочиннымъ Еленскимъ, освященъ новоустроенный иконостасъ въ батуринской церкви, еще прежде освященной изъ закрытаго костела; иконостасъ устроенъ средствами казны.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ДЛЯ ЦЕРКВЕЙ И УЧИЛИЩЪ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ С. С. Ланскомъ, началъ возникать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ уясненію, утвержденію и возвышенію въ западныхъ губерніяхъ Имперіи русскихъ и православныхъ началъ. Къ числу мѣръ этой категоріи, развиваемыхъ и до настоящаго времени, должно отнести:

а) Дѣйствительную постройку и обновленіе, на суммы государственнаго казначейства, православныхъ церквей въ тѣхъ особенно мѣстностяхъ западнаго края, гдѣ, за неимѣніемъ вовсе храмовъ или за совершенною ихъ ветхостью, прихожане лишены были возможности слышать богослуженіе, чрезъ что римско-католическому духовенству близъ лежащихъ костеловъ, почти повсемѣстно благолѣпныхъ, представлялся легкій случай привлекать православныхъ къ церковнымъ службамъ и, чрезъ тайную исповѣдь, совращать въ латинство.

б) Снабженіе путемъ частной благотворительности, безъ малѣйшаго со стороны казны пособія, бѣдныхъ церквей св. утварью, ризами, св. иконами и прочими богослужебными предметами и книгами.

в) Изысканіе также частныхъ источниковъ для поддержанія народныхъ училищъ, открываемыхъ при церквахъ и возникавшихъ братствахъ, и распредѣленіе денежныхъ и вещественныхъ пособій согласно желанію жертвователей и дѣйствительнымъ нуждамъ.

г) Изслѣдованія о племенномъ составѣ западнаго края въ отношеніи исповѣдываемой тамъ вѣры, въ видахъ опроверженія распространяемыхъ полонофилами бездоказательныхъ заявленій о мнимомъ числительномъ преобладаніи латинскаго элемента, заявленій, которыя принимались на вѣру не только за границею, но и въ Россіи, а потому требовавшихъ, для полнаго ихъ опроверженія, собранія и опубликованія фактическихъ данныхъ о дѣйствительной числительности православныхъ и римско-католиковъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ.

д) Охраненіе отъ святотатственнаго разграбленія евреями и поляками разрушающихся памятниковъ древняго русскаго зодчества и святынь православныхъ, изъ коихъ многіе принадлежатъ времени равноапостольнаго Владиміра и эпохѣ удѣльныхъ князей, а также составленіе этимъ нѣмымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ, свидѣтелямъ глубокой русской древности и искони русскаго въ западномъ краѣ владычества, подробныхъ и вѣрныхъ описаній и снимковъ съ каждаго изъ нихъ.

Опытъ прежнихъ лѣтъ по устройству православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній, продолжавшійся болѣе четверти столѣтія (съ 1832 по 1858), доказалъ, что однихъ правительственныхъ средствъ и казенныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были значительны и энергичны, недостаточно было для успѣха дѣла. По вѣдомостямъ, доставленнымъ изъ западнаго края, о

состоянія православныхъ церквей, оказывалось, что свыше трехъ тысячъ, изъ находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ большею частью полякамъ, были въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что многія изъ нихъ грозили разрушеніемъ и были потому запечатаны, а остальныя, по своему безобразію, убожеству и ветхости, требовали безотлагательной помощи. Оказывалось тоже, что во многихъ мѣстностяхъ, за недостаткомъ церквей и необходимѣйшей утвари, въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ не совершалось богослуженія; въ церквахъ же, перешедшихъ къ намъ изъ уніи, употреблялись прежніе, почти негодные по своей ветхости, богослужебные предметы и книги типа уніятскаго, и, наконецъ, ни въ одномъ почти приходѣ не существовало народныхъ школъ, и дѣти православныхъ родителей нерѣдко посѣщали училища, содержимыя ксендзами при сосѣдственныхъ костелахъ.

Во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ, препятствовавшимъ правильному строю и развитію русскихъ началъ въ западныхъ губерніяхъ, первымъ условіемъ успѣха церковностроительнаго дѣла въ 1858 году признано было немедленное отстраненіе всякаго вліянія и участія владѣльцевъ имѣній, поляковъ, на православныя церкви, о которыхъ, по прежнимъ административнымъ распоряженіямъ, они должны были заботиться. Эти-то распоряженія и были одною изъ главныхъ причинъ жалкаго состоянія православія въ краѣ, потому что онѣ, такъ сказать, узаконяли вліяніе польской національной партіи и латинской пропаганды на дѣла православной вѣры. Помѣщики-поляки, подстрекаемые ксендзами, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства для осуществленія традиціонныхъ польскихъ идей и, въ видахъ политическихъ, польскихъ, тормазили правительственныя мѣры.

Успѣхъ устройства церквей обусловливался кромѣ того участіемъ мѣстныхъ прихожанъ и содѣйствіемъ русскаго общества, безъ чего всѣ казенныя распоряженія оказывались неполными, поверхностными и односторонними. Для успѣха дѣла требовалось тоже знаніе истиннаго положенія края въ отношеніи къ его народонаселенію и близкаго знакомства съ нуждами приходовъ, о чемъ не только гражданское, но и духовное православное вѣдомство имѣли до 1858 года, самыя, сбивчивыя крайне неполныя свѣдѣнія. Наконецъ устройство церквей было немыслимо безъ участія такихъ дѣятелей, для которыхъ водвореніе на западѣ Россіи присущихъ ей началъ было не одною только обязанностью службы, но и дѣломъ глубокаго внутренняго убѣжденія.

Когда этотъ взглядъ на церковностроительное дѣло былъ при нятъ къ руководству, то одновременно съ отстраненіемъ поляковъ помѣщиковъ отъ вліянія на православныя церкви, съ приглаше ніемъ самихъ прихожанъ къ дѣятельному участію въ устройств собственныхъ церквей и съ выборомъ для церковностроительств вполнѣ надежныхъ дѣятелей, приступлено было къ собранію н мѣстахъ статистическихъ данныхъ, по каждому приходу и к каждой церкви отдѣльно. Эта работа была необходима для уяс ненія вопроса о составѣ и положеніи православныхъ приходов причтовъ и церквей *).

Имѣя такимъ образомъ подъ рукою вѣрныя и полныя данны о православныхъ приходахъ и не переставая получать отъ наблю дающихъ за устройствомъ церквей агентовъ офиціальныя и офи ціозныя свѣдѣнія о состояніи духовенства и паствы западных епархій, о затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ прихожанами въ устрой ствѣ родныхъ святынь (изъ коихъ многія относятся къ первым вѣкамъ христіанства въ Россіи), о темныхъ путяхъ латинопол ской пропаганды, неустанно идущей къ одной, завѣтной цѣли— ополяченію края, о возрожденіи во многихъ мѣстностяхъ право славныхъ церковныхъ братствъ, памятныхъ странѣ по громадно сти заслугъ, оказанныхъ ими православію въ смутныя времена го ненія за вѣру, и о всемъ томъ, что имѣетъ отношеніе къ духов ному преуспѣянію русскаго населенія западнаго края, завѣды вающему устройствомъ православныхъ церквей оставалось тольк дѣлиться этими свѣдѣніями съ русскою публикою. Знакомясь с состояніемъ западныхъ епархій не по разсказамъ анонимныхъ кор респондентовъ, но по документамъ, не подлежавшимъ сомнѣнію и по заявленіямъ, не боявшимся повѣрки, русскіе люди отозва лись сочувственно къ дѣлу и стали высылать деньги, книги и цер ковныя вещи для храмовъ и братскихъ школъ западныхъ губер ній. Для пріема пожертвованій была, съ Высочайшаго соизволе нія, открыта частная по всей Имперіи подписка.

Такимъ образомъ общественныя средства и общественная дѣя тельность могли съ пользою быть приспособлены къ правител

*) Не безъ труда добытыя свѣдѣнія дали въ послѣдствіи возможность при ступить, подъ моимъ руководствомъ, къ изданію вѣроисповѣднаго атласа. Ны нѣ, какъ дополненіе къ этому изданію, печатаются съ Высочайшаго соизволе нія древніе русскіе памятники западныхъ губерній, первый выпускъ коихъ до женъ выйдти въ непродолжительномъ времени.

ственныхъ цѣлямъ, и трудное дѣло устройства церквей могло наконецъ получить желаемое осуществленіе.

Но, украшая храмы безъ казенныхъ затратъ, при содѣйствіи прихожанъ, на одни частныя пожертвованія, нельзя было тоже упускать изъ вида и народныя русскія школы, заводимыя при церквахъ и братствахъ православнымъ духовенствомъ и мірянами, на ихъ собственныя, скудныя средства. Хотя обязанность эта и не принадлежала собственно къ дѣлу обновленія храмовъ, но, по своему характеру, не была и чужда области такихъ занятій, которыя не стѣснялись никакими бюрократическими формами и представляли широкій просторъ дѣятельности къ поднятію въ краѣ русскихъ началъ.

Умалчивая о томъ, чего достигло правительство въ теченіе последнихъ десяти лѣтъ по устройству церквей и вообще по тѣмъ предметамъ, которые велись на средства казны, общепринятымъ путемъ, я представлю здѣсь, въ общихъ чертахъ, только итоги по такой дѣятельности, которая имѣла характеръ *частнаго* предпріятія, возникла по *частной* инціятивѣ и производилась *частнымъ* порядкомъ. Какъ лицо посредническое, стоявшее между нуждами западно-русскихъ приходовъ и благотвореніями русскихъ людей, я считаю себя нравственно обязаннымъ представить на судъ послѣднихъ то, что сдѣлано по этой частной дѣятельности *на средства, ими же предоставленныя* для православныхъ церквей и братскихъ школъ западнаго края.

Независимо отъ отпуска изъ государственнаго казначейства, съ 1858 по 1867 годъ, исчисленной на постройку вновь и на обновленіе 862-церквей суммы 1.174'872 руб. (круглымъ счетомъ по 2|[illegible] т. на каждую церковь), получено въ пользу храмовъ и школъ.

Деньгами:

	Руб.	К.
Отъ Государыни Императрицы, Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ и изъ капитула орденовъ . .	69,910	—
Отъ частныхъ лицъ и обществъ	246.238	11

И сверхъ того заявлено обѣщаніе пожертвовать въ личное мое распоряженіе свыше 100,000 р.

Вещами:

Отъ Его Величества Государя Императора 25 иконъ въ богатыхъ окладахъ.

Отъ Ихъ Величествъ полное облаченіе для соборнаго служенія въ обновленный Андреевскій, въ г. Кіевъ, храмъ.

Отъ Государыни Императрицы, Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ и Членовъ Императорскаго Дома многоцѣнной св. утвари, св. иконъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ для богослуженія на 40 церквей полоцкой и минской епархій.

Отъ Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Государыни Цесаревны богатое напрестольное евангеліе для Андреевскаго, въ Кіевѣ, храма.

Отъ преосвященныхъ митрополитовъ: московскаго Филарета, новгородскихъ Григорія и Исидора, отъ лавръ: сергіевской и александроневской, отъ ставропигіяльныхъ монастырей и приходскихъ церквей первопрестольной столицы и отъ частныхъ благотворителей изъ разныхъ мѣстностей Россіи и Сибири:

Ризъ священническихъ, діаконскихъ, а также облаченій на престолы, жертвенники и аналогіи	6.565
Св. иконъ въ окладахъ и безъ окладовъ	1.396
Чашъ для причащенія, съ приборомъ	1.090
Дарохранительницъ	524
Крестовъ напрестольныхъ	1.435
Мельхіоровыхъ наперсныхъ крестиковъ	1.000.000
Евангелій напрестольныхъ	913
Чашъ разныхъ наименованій: водосвятныхъ, антидорныхъ и другихъ	2.808
Подсвѣчниковъ выносныхъ и напрестольныхъ	1.422
Паникадилъ и лампадъ къ св. иконамъ	797
Плащаницъ	275

Всѣ эти предметы, равно какъ мелкія для богослуженія вещи, какъ-то: кадила, мурницы, дароносицы, кропила и т. п. (цѣнность коихъ, при поставкѣ по подряду несомнѣнно, превысила бы милліонъ рублей), а также книги духовнонравственнаго и научнаго содержанія, для 247 церковныхъ библіотекъ, коими могли бы пользоваться причты и прихожане, равно какъ учебныя руководства и разныя принадлежности для 782 братскихъ и церковныхъ школъ, въ числѣ до 50,000 экземпляровъ отправлены въ 4.129 пунктовъ западнаго края.

Кромѣ отсылки на мѣста вышеозначенныхъ пожертвованій, оказаны, изъ поступившихъ отъ благотворителей приношеній, денежныя вспомоществованія на улучшеніе помѣщеній для нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній (житомірскому Цесаревича Николая Александровича, паричскому для дѣвицъ изъ духовнаго званія, острожскому, кирилло-меѳодіевскому, графини Блудовой, пропойско-

му, изабеллинскому и многимъ другимъ братскимъ и церковнымъ школамъ западныхъ епархій въ размѣрѣ 43,426 р. 84¹|⁴ к.

По мѣрѣ поступленія и отправки означенныхъ пожертвованій, каждый разъ было о томъ публиковано въ „Сѣверной Почтѣ“. Всѣ сіи предметы получены на мѣстахъ исправно, о чемъ свидѣтельствуютъ квитанціи мѣстныхъ причтовъ, благодарственныя письма епархіальныхъ преосвященныхъ и адресы многихъ приходовъ за щедрую помощь, оказанную имъ русскими людьми. Въ главѣ этихъ заявленій стоятъ всеподданнѣйшіе адрессы отъ 420 приходскихъ обществъ, за подписью 587 членовъ духовенства и 1.314 мірянъ отъ имени 378.219 прихожанъ.

Представляя этотъ краткій отчетъ частнымъ благотворителямъ въ полученныхъ отъ нихъ пожертвованіяхъ, я нахожу также нужнымъ обратиться къ настоятелямъ православныхъ обителей и церквей западнаго края, къ причтамъ, братствамъ, приходскимъ попечительствамъ, церковнымъ совѣтамъ и ко всѣмъ вообще учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, привыкшимъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ сообщать мнѣ, внѣ всякихъ формальностей, письменно и словесно о нуждахъ своихъ церквей, школъ и приходовъ, съ увѣдомленіемъ, что впредь, по случаю совершившейся въ управленіи церковностроительною частью въ западныхъ губерніяхъ перемѣны, при которой не состоитъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особаго центральнаго церковностроительнаго управленія, я не могу удовлетворять дальнѣйшимъ ихъ требованіямъ.

Батюшковъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

СЕЛЬСКІЙ СИРОТСКІЙ ДОМЪ.

4-го октября въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 3-мъ мировомъ участкѣ, въ крипнянской волости, было открытіе и освященіе крестьянскаго сиротскаго дома. Благодѣтельное значеніе сиротскаго дома можетъ понять всякій, кто мало мальски знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ. Кому изъ такихъ личностей не случалось видѣть дѣтей, не имѣющихъ ни отца, ни матери, принятыхъ изъ состраданія, а болѣе изъ расчета, какимъ-нибудь изъ сосѣднихъ кресть-

янъ въ свою семью, и кому неизвѣстно, какой горькой участи подвергаются эти несчастные въ дѣтскомъ возрастѣ и какая тяжелая доля ожидаетъ ихъ впереди?... Съ устройствомъ сиротскихъ домовъ положеніе несчастныхъ крестьянскихъ сиротъ не можетъ быть уже столь бѣдственно. Кромѣ весьма удобнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщенія, здоровой пищи, бани, лазарета съ постояннымъ фельдшеромъ, сиротскій домъ, пріучая дѣтей къ чистотѣ и порядку, давая имъ научное образованіе, приготовляетъ еще ихъ къ различнымъ должностямъ, какъ напримѣръ дѣвочекъ—въ кухарки, экономки, швеи и пр.; вмѣстѣ съ этимъ не забыты и крестьянскія работы: у кринянскаго сиротскаго дома есть маленькое крестьянское хозяйство. Кромѣ такой практической важности сиротскій домъ служитъ отличнымъ проводникомъ русскаго элемента. Впечатлѣнія дѣтства остаются на всю жизнь. Дѣти, изолированныя отъ польскаго элемента, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ достаточно образованной русской смотрительницы, вполнѣ сродняются съ русскимъ элементомъ и въ послѣдствіи внесутъ его всецѣло въ свой домашній бытъ, и теперешнія дѣвочки-сироты, обратясь въ матерей, будутъ воспитывать своихъ дѣтей также разумно, какъ воспитываютъ теперь ихъ самихъ.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ кѣмъ-нибудь было обращено особое вниманіе на столь важный предметъ, какъ устройство быта крестьянскихъ сиротъ. На сколько мнѣ извѣстно, попытка къ улучшенію быта этихъ несчастныхъ приведена въ исполненіе впервые въ 3-мъ мировомъ участкѣ Бѣлостокскаго уѣзда. Эта попытка удалась какъ нельзя лучше.

Изъ суммъ копѣечнаго сбора съ крестьянъ крипнянской волости выстроено прекрасное зданіе для помѣщенія сиротъ; изъ этихъ же суммъ всѣ сироты прилично одѣты. По свѣдѣніямъ, даннымъ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ, содержится заведеніе слѣдующимъ образомъ: деньги, нужныя на отопленіе, освѣщеніе дома, на наемъ смотрительницы, сторожа, на одежду, берутся изъ мірскаго капитала, на что крестьяне надлежащимъ приговоромъ дали свое согласіе, а продукты для пищи крестьяне обязали доставлять поочередно изъ каждаго сельскаго общества. *(Съв. Почт.)*

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ШКОЛЪ ВЪ МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Недавно въ минскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи разбирался вопросъ объ изысканіи средствъ для под-

держанія народныхъ школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, по случаю передачи ихъ съ 1868 года въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ. Дирекція представила разсчетъ, по которому, если крестьяне всей губерніи согласятся платить по 8 к. съ души на дѣло народнаго образованія, то можно будетъ съ помощью средствъ, имѣющихся въ распоряженіи дирекціи, обезпечить устройство не только всѣхъ существующихъ школъ, находящихся въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, но и открыть нѣсколько новыхъ во всѣхъ необходимыхъ пунктахъ, гдѣ училища еще не открыты.

Что касается до трудности крестьянамъ уплатить по 8 коп. съ души, то директоръ народныхъ училищъ, г. Кандидовъ, указалъ на примѣръ мироваго посредника Игуменскаго уѣзда, г. Пушкарева, который успѣлъ убѣдить всѣхъ крестьянъ своего участка составить приговоры, по которымъ они обязуются уплачивать ежегодно на содержаніе народныхъ училищъ не по 8 коп. съ души, а по рублю сер. съ двора, что составитъ почти по 30 к. съ души. Сборъ этотъ далъ имъ возможность, съ помощью дирекціи, содержать школы въ каждомъ селѣ, въ которокъ находится отъ 70 до 100 дворовъ, съ жалованьемъ наставнику по 150 р. въ годъ, то есть тѣмъ же самымъ, какое получаютъ наставники въ училищахъ, содержимыхъ отъ казны. Крестьяпе уплачиваютъ этотъ сборъ весьма исправно, безнедоимочно, и никто изъ нихъ никогда не жаловался на обременительность этого сбора. Слѣдовательно все будетъ зависѣть отъ того, съ какимъ усердіемъ мировые посредники отнесутся къ этому дѣлу. Если они выкажутъ хоть часть того сочувствія и энергіи къ этому дѣлу, какое выказалъ г. Пушкаревъ, то можно будетъ съ увѣренностью сказать, что дѣло народнаго образованія въ Минской губерніи обезпечено, а это весьма важно въ Минской губерніи, гдѣ русская школа преслѣдуетъ не только общую цѣль грамотности, но и служитъ связующимъ звѣномъ бѣлорусскаго народа съ кореннымъ великорусскимъ. Губернское присутствіе постановило просить мировыхъ посредниковъ оказать свое содѣйствіе къ осуществленію этого важнаго дѣла. *(Спб. Почта).*

ИЗЪ ОСТРОГА (Волынской губерніи).

Едва ли какой нибудь изъ городовъ Волынской губерніи можетъ похвастать имѣніемъ меньшаго числа людей православнаго

исповѣданія съ чисто русскимъ происхожденіемъ, для занятія общественныхъ должностей, какъ г. Острогъ. Древняя колыбель православія на Волыни, обратилась почти исключительно въ польско—еврейскій городъ и обрусеніе г. Острога, если можно такъ выразиться, еще не наступило. Если въ высшихъ слояхъ общества замѣчастся такой недостатокъ въ замѣщеніи надежными русскими должностей занятыхъ до сего времени многими поляками, то что сказать про должности въ средѣ крестьянскаго населенія—про должности волостныхъ писарей? Онѣ замѣщаются здѣсь всякою всячиной, а нерѣдко людьми опорочившими себя на прежнемъ служебномъ поприщѣ, а иногда и изгнанными изъ службы.... Положимъ кого нибудь изгоняютъ изъ какого нибудь присутственнаго мѣста—хотя бы за взятки (доказать ихъ всегда невозможно). Куда дѣваться, пока судьба не повернется благопріятною стороною, и не дастъ возможности этой *жертвѣ гоненія по службѣ,* при новой перемѣнѣ обстоятельствъ, разжалобить новое начальство и получить опять теплое мѣстечко? Въ волостные писаря! рѣшаетъ *жертва по служ́ѣ,*—тамъ и тепло и сыто, да и съ безграмотнымъ старшиною всегда легче обдѣлать свои дѣлишки!—Прошелъ годикъ, прошелъ другой, *жертва* оперилась, сыта, накормлена; чаекъ попиваетъ и табачекъ покуриваетъ турецкаго происхожденія. При этомъ нетолько *мужицкое быдло,* да и самъ старшина иначе какъ безъ шапки съ *панычемъ* не разговариваетъ. Словомъ *жертва* пріютилась, какъ видно, хорошо. Но вотъ мировый посредникъ наконецъ рѣшается прогуляться съ толкомъ по волостямъ:—значитъ ревизію учинить. Смотришь: маленькія подчисточки, подскобочки, недочетцы и другіе казусы подали поводъ мировому посреднику возымѣть *личность* къ *жертвѣ*, и *жертва* опять страдаетъ по службѣ, пріискивая себѣ теплаго мѣстечка, на должности волостнаго писаря, въ другомъ уѣздѣ. А дѣло вышло дрянь. Подъ судъ *жертву* отдать невозможно:—*жертва* великій магъ крючкодѣйскаго искуства и всякихъ лазеекъ. Но *жертва* однако напакостила, а отвѣтчикъ за растрату денегъ безграмотный старшина.—Онъ или платись своимъ послѣднимъ имуществомъ, или иди подъ судъ.—Съ воспрещеніемъ р.-католикамъ поступать въ волостные писаря, качество ихъ не измѣнилось. Ихъ занимаютъ большею частью или пьяные солдаты, или исключенные за дурное поведеніе семинаристы, или наконецъ тѣ же *жертвы* по службѣ, обратившіяся теперь въ хамелеоны принявшіе православіе.—Есть разумѣется исключенія

между волостными писарями, но исключенія эти весьма рѣдки *).

Неоднократные плачевные опыты съ волостными писарями привели старшинъ Острожскаго уѣзда къ убѣжденію въ необходимости предложить обществамъ крестьянъ образовать изъ среды себя своихъ собственныхъ волостныхъ писарей. Сознанное это убѣжденіе было разработано ими на общемъ собраніи въ день освященія церкви Кирилло—Меѳодіевскаго острожскаго братства и за тѣмъ предложено на обсужденіе волостнымъ сходамъ, которые сочувственно отнесясь къ предложенію старшинъ составили о томъ единогласные приговоры. Предположено отъ уѣзда воспитывать на мірской счетъ 20 мальчиковъ; сначала при приходскомъ, а за тѣмъ въ дворянскомъ 3-хъ классномъ острожскомъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи въ немъ курса наукъ воспитанники, занявшіе должности писарей въ волостяхъ, обязаны были отслужить обществамъ воспитавшимъ ихъ не менѣе 6 лѣтъ. а для того чтобы выпускъ волостныхъ писарей по истеченіи 4-хъ лѣтняго времени не прекратился, то ежегодно воспитывать еще по 5-ти мальчиковъ отъ уѣзда. Въ каникулярное время послѣднихъ двухъ лѣтъ ученія воспитанниковъ гг. мировые посредники обязались брать ихъ къ себѣ въ канцеляріи, разъясняя имъ Высочайше утвержденное положеніе 19-го февраля 1861 года и позднѣйшія узаконенія относящіяся къ крестьянскому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы молодой воспитанникъ по окончаніи курса наукъ въ уѣздномъ училищѣ былъ достаточно ознакомленъ съ должностью, для которой онъ предназначается обществомъ. Такимъ образомъ Острожскій уѣздъ чрезъ 4 года можетъ надѣяться имѣть во всѣхъ волостяхъ вполнѣ грамотныхъ и развитыхъ молодыхъ волостныхъ писарей изъ крестьянъ собственниковъ, а впослѣдствіи и воспитанниковъ способныхъ занимать должности учителей при сельскихъ школахъ. — Помогай Богъ такому хорошему предпріятію! Честь и слава старшинамъ Острожскаго уѣзда сумѣвшимъ подвинуть крестьянъ къ началу такого важнаго въ уѣздѣ учрежденія. Спасибо и мировымъ дѣятелямъ, сочувственно отнесшимся къ этому дѣлу и взявшимъ на себя высоко—нравственную обязанность: какъ наблюденія за воспитаніемъ молодаго крестьянскаго поколѣнія, такъ и добросовѣстному подготовленію его къ

*) А мы, напротивъ, имѣемъ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ настоящее время, благодаря заботливости высшаго начальства, исключеніями весьма рѣдки—во обратномъ смыслѣ, по пословицѣ: «нѣтъ семьи безъ урода!» (Ред. Вѣст. Зап. Россіи).

предназначаемымъ должностямъ. Мы, будучи лично знакомы съ нынѣшнимъ составомъ острожскаго мироваго съѣзда увѣрены, что члены его не будутъ расточать одни только громкія фразы, но высоко цѣня довѣріе къ нимъ крестьянскихъ обществъ, съ первымъ же выпускомъ воспитанниковъ осязательно докажутъ крестьянскому населенію, что трудовая копѣйка его, брошенная на пользу общую, не осталась безплодною.

Отъ трехъ участковъ воспитанники въ числѣ 17 привезены и помѣщены на квартирѣ учителя приходскаго училища г. Юденко, который принялъ на себя трудъ какъ подготовленіе ихъ въ первый классъ уѣзднаго училища, такъ и въ послѣдствіи содержаніе ихъ при училищѣ. На дняхъ ожидаютъ прибытія еще 4-хъ изъ остальнаго участка. Наблюденіе какъ за содержаніемъ воспитанниковъ, такъ и ихъ прилежаніемъ возложено обществами на личный составъ мироваго съѣзда и воспитанники, оказавшіеся нерадивыми, должны быть въ первый же годъ замѣняемы другими болѣе способными. Форма одежды во все время обученія мальчика въ дворянскомъ училищѣ сохраняется обыкновенная не отличающаяся отъ крестьянской, а чтобы облегчить переходъ воспитанниковъ изъ класса въ классъ, то сдѣлано сношеніе съ г. попечителемъ учебнаго округа объ исключеніи иностранныхъ языковъ изъ числа предметовъ обязательныхъ. Всѣ поступившіе воспитанники умѣютъ порядочно уже читать и писать и подаютъ надежду перехода къ лѣту этаго года въ первый классъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они понимая свое назначеніе, съ большою охотою желаютъ учиться, что рѣдко встрѣчается въ дѣтяхъ такого возраста (отъ 13 до 15 лѣтъ). Мы слышали, что едва вѣсть прошла по волостямъ о назначеніи мальчиковъ въ училищѣ, какъ мировые посредники завалены были просьбами многихъ родителей о приняніи сыновей ихъ въ школу.—Значитъ у народа есть желаніе, и желаніе сильное, образовать своихъ дѣтей. Чѣмъ же объяснить послѣ того нарѣканіе многихъ изъ нашихъ сельскихъ священниковъ, заявляющихъ отзывами къ мировымъ посредникамъ; что крестьяне относятся апатично къ образованію своихъ дѣтей, а мировые посредники въ этомъ дѣлѣ будто-бы отказываютъ имъ въ помощи. Странныя бываютъ иногда требованія? И какое вліяніе, кромѣ нравственнаго, можетъ здѣсь оказать мировой посредникъ? И едва ли его нравственное вліяніе должно быть сильнѣе высоко-нравственнаго вліянія на народъ его пастыря духовнаго...

Въ настоящее время крестьянскій вопросъ въ юго-западномъ краѣ оконченъ повсемѣстно. Крестьяне, благодаря неусыпнымъ трудамъ на пользу ихъ начальника края, обезпечены вполнѣ какъ возвращеніемъ имъ поземельной собственности, такъ и установленіемъ нормальныхъ за нее платежей. Бытъ крестьянъ осязательно поправился и духъ народа и разумный взглядъ его на окружающіе предметы, такъ долго находившійся подъ угаромъ систематической польской интриги наконецъ освѣжился и съ полною надеждою глядитъ въ свѣтлое будущее. Рвеніе къ образованію въ народѣ сильно, и онъ понимая свою пользу не пожалѣетъ удѣлить трудовую копѣйку, чтобы дать своимъ дѣтямъ развитіе. Если же онъ несочувственно относится пока къ сельскимъ школамъ, то причиною тому не нежеланіе его учить дѣтей, а вынесенное убѣжденіе въ неудовлетворительности и безуспѣшности такого образованія, и сильно вкоренившееся недовѣріе къ лицамъ занимающимъ мѣста сельскихъ учителей—*паничамъ* (какъ ихъ окрестилъ здѣсь народъ). Но дайте въ сельскую школу учителя, вышедшаго изъ той же среды и даже селенія; который бы не отличался отъ жизни и обычаевъ простолюдина и вы увидите съ какимъ сочувствіемъ отнесется къ нему крестьянское населеніе. Оно на него будетъ смотрѣть какъ на свое дѣтище,—кость отъ своихъ костей. Это народная его гордость и видя осязательный примѣръ передъ глазами, оно поспѣшитъ съ полнымъ довѣріемъ отдать въ его руки образованіе своего молодаго поколѣнія. Оно не побоится наплыва въ головы дѣтей своихъ никакихъ возмутительныхъ и вредныхъ началъ, потому что хорошо знаетъ что наставникомъ его сыновей не *паничъ-вольнодумецъ*, а тотъ же крестьянинъ—собственникъ—*Грицько*, сынъ *Охрима*, живущаго въ томъ же селѣ, семья котораго денно и нощно возноситъ теплыя мольбы за жизнь Того, который съ днемъ 19 февраля 1861 года, возвратилъ къ жизни милліоны своихъ вѣрноподданныхъ. Честный *Охримъ* не дастъ своему *Грицьку* сдѣлаться безчестнымъ учителемъ; да и самъ Грицько того не захочетъ, зная что своимъ усердіемъ и рвеніемъ на пользу общую, онъ получая обезпеченное содержаніе можетъ заслужить признательность и уваженіе всего околодка и, чѣмъ судьба не шутитъ!—можетъ быть и въ старшины махнетъ! А *Грицько* будетъ хорошій старшина!—За это порукой вся его добрая и честная семья. Его и писарь не обманетъ и не подведетъ его подъ судъ. Да и отъ мироваго кромѣ благодарности ждать *Грицьку* нечего.—А для того

чтобы у насъ завелись современемъ грамотные и толковые старшины, подобныя *Грицьку*,—надо бы теперь заняться всѣмъ мировымъ дѣятелямъ съ полнымъ усердіемъ воспитать сначала волостныхъ писарей, не тѣхъ, которыхъ мы часто встрѣчаемъ—окончившихъ обученіе свое въ писарскихъ школахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и превосходящихъ часто своимъ направленіемъ первокласныхъ хабарниковъ;—но писарей толковыхъ, развитыхъ и проникнутыхъ вполнѣ нравственными началами.—Подготовить способныхъ и образованныхъ волостныхъ писарей и сельскихъ учителей въ приходскихъ школахъ, или сельскихъ училищахъ пока невозможно по недостатку въ нихъ спеціяльныхъ наставниковъ по всѣмъ наукамъ, для пріисканія которыхъ потребовались бы значительныя денежныя затраты, чего общества крестьянъ пока сдѣлать не могутъ и удобнѣйшимъ и дешевымъ къ тому средствамъ является воспитаніе сельскихъ мальчиковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ одной изъ волостей Острожскаго уѣзда служитъ волостнымъ писаремъ крестьянинъ—собственникъ, окончившій трехъ класное острожское дворянское училище. Онъ третій годъ на этой должности и надо поглядѣть съ какимъ довѣріемъ и любовью относится къ нему все населеніе волости. Это будущій старшина и, мы увѣрены—старшина вполнѣ дѣльный и разумный. ***

(Вил. Вѣст.)

ГАЗЕТА „OPINION NATIONALE" О СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ПАПЪ.

Въ газетѣ „Opinion Nationale" отъ 20-го октября (1-го ноября), напечатана слѣдующая статья:

„Изъ числа тѣхъ немногихъ, какъ мы полагаемъ, р.-католиковъ которые все еще продолжаютъ вѣрить въ необходимость сохраненія за папою его мірскаго владычества, нѣкоторые основываютъ свои соображенія на такомъ фактѣ, значеніе котораго они чрезчуръ преувеличиваютъ. Мы хотимъ говорить о клятвѣ, даваемой папами, оберегать достояніе архипастырскаго престола и наслѣдіе св. Петра отъ всякаго ущерба и посягательства.

„Людямъ, сочувствующимъ дѣлу прогресса и демократическимъ побужденіямъ нашего времени, необходимо имѣть подъ рукою такіе аргументы, которые доставляли бы имъ возможность возражать съ успѣхомъ противъ софизмовъ закоснѣлыхъ ультрамонтановъ

Намъ не остается ничего другого, какъ только ознакомить ихъ съ сочиненіемъ одного изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ р.-католическаго духовенства, достойнѣйшаго представителя іезуитскаго братства, бывшаго долгое время другомъ Пія IX и исполнявшаго щекотливыя обязанности офиціальнаго толкователя слова Божія при римскомъ дворѣ.

„Патеръ Пассалья выражается слѣдующимъ образомъ:

„Каждому изъ насъ извѣстны клятва, даваемая архипастыремъ, и вытекающія изъ нея важныя для него обязательства. Но, съ другой стороны, кому неизвѣстно, что формула клятвенной присяги, предписанная Піемъ V и утвержденная Урбаномъ VIII, собственно говоря, относится къ уступкамъ папскихъ владѣній, *которыя могли бы быть сдѣланы изъ личныхъ цѣлей или въ видахъ какихъ-либо частныхъ семейныхъ интересовъ, въ ущербъ общественному благу?*

„Кому неизвѣстно напримѣръ, что соблюденіе присяги, хотя и налагающее весьма священныя обязательства, не изъято отъ нѣкоторыхъ условій, ибо присяга, по мнѣнію св. Августина, не учреждена для того, чтобы ограждать собою всякія злоупотребленія.

„Всякій знаетъ, что обязательство, возлагаемое клятвою, теряетъ свою силу, коль скоро не представляется возможности выполнить его. А кто станетъ утверждать, что мірское владычество римскаго первосвятителя составляетъ ничѣмъ не вознаградимое благо? Кто не знаетъ, что представляются иногда такіе случаи, въ которыхъ чувство долга и многія другія важныя соображенія почти заставляютъ взамѣнъ одного блага принимать другое, равносильное ему или же сопряженное еще съ высшими интересами.

„Патеръ Пассалья подвергаетъ вопросъ о папской клятвѣ всестороннему обсужденію и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Римскій первосвятитель поставленъ въ такое положеніе, что какое бы значеніе ни придавали его присягѣ, онъ не обязанъ безпрекословно выполнять всѣхъ своихъ клятвенныхъ обѣщаній, какъ во вниманіи къ тому обстоятельству, что клятва ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ къ несправедливостямъ, такъ и потому, что она не можетъ заставить насъ дѣлать то, что свыше нашей власти, и своими настояніями привести въ упадокъ церковь и общество. И такъ, по нашему мнѣнію, было бы необходимо убѣдить папу, въ интересахъ церкви и общества, отказаться на будущее время отъ всякихъ политическихъ заботъ по управленію

римскимъ государствомъ и добровольно принять взамѣнъ своего теперешняго положенія другое право, не только равносильное первому, но и превосходящее его во многихъ отношеніяхъ.

„Но спрашивается: какое это благо и въ чемъ заключается оно? Благо это то самое, которое предложилъ ему италіянскій парламентъ, единодушно провозгласившій „свободную церковь въ свободномъ государствѣ.“

„Доводы патера Пасальи, вполнѣ сообразные съ принципами, духомъ и характеромъ католическихъ доктринъ, неопровержимы. Они основываются на здравомъ смыслѣ и на непреложныхъ божественныхъ истинахъ, и нужно быть весьма ограниченнымъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, чтобы не понять, что первый и важнѣйшій долгъ главы церкви повелѣваетъ ему жертвовать всѣмъ въ пользу интересовъ христіанскихъ народовъ и спокойствія міра, во имя благоденствія стада Христова, котораго онъ именуется верховнымъ пастыремъ. Сила вышепомянутой клятвы давно утратила свое значеніе. Пій VI, удалившись въ монастырь картезіанъ тотчасъ послѣ возстановленія римской республики, провозглашенной съ Капитолія генераломъ Бертьэ, написалъ формулу, по которой духовенство должно было присягать на вѣрность новому правительству.

„Эта формула заключала въ себѣ полное отреченіе отъ всякихъ преимуществъ свѣтской власти. Вотъ текстъ ея: „Клянусь не принимать никакого участія въ заговорахъ и замыслахъ противъ нынѣшняго правительства, въ видахъ возстановленія прежней монархіи. Клянусь питать ненависть къ анархіи и оставаться неизмѣнно преданнымъ республикѣ и конституціи, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ дѣло коснется католической религіи.“

„Папа Пій VII добровольно отказался отъ мірскаго владычества, и одинъ изъ его министровъ, кардиналъ Пакка, привѣтствовалъ это отреченіе какъ новый залогъ могущества церкви. Не считаетъ ли папа Пій IX обоихъ своихъ предмѣстниковъ достойными вѣчныхъ мученій ада за то, что они послѣдовали ученію Іисуса Христа, сказавшаго: Царствіе Мое не отъ міра сего.“

(Сѣв. Поч.)

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛЕПЕЛЬСКАГО УѢЗДА.

Населеніе Лепельскаго уѣзда состоитъ: изъ православныхъ, католиковъ, раскольниковъ, частію лютеранъ и евреевъ, православное населеніе состоитъ: изъ крестьянъ собственниковъ и

государственныхъ, чиновниковъ, мѣщанъ, незначительнаго числа дворянъ и однодворцевъ.— Крестьяне собсвенники и государственные въ правахъ и обычаяхъ своихъ нисколько не отличаются отъ крестьянъ другихъ уѣздовъ Бѣлоруссіи. Замѣчательно, что крестьяне, не смотря на свою простоту, свойственную людямъ неграмотнымъ, не смотря на бывшее крѣпостное состояніе, вредившее ихъ умственному и нравственному развитію, сохранили нравы чище, чѣмъ можно было ожидать отъ людей, неимѣвшихъ въ свою жизнь ни собственности, ни воли ни даже сознанія, что они такіе-же люди какъ и другіе, пользующіеся свободою жизни. — Бѣлоруссъ-крѣстьянинъ отъ природы добръ, характера тихаго и безпрекословно исполняетъ требованія правительства. Правда, есть въ характерѣ крестьянъ элементы непохвальные, какъ напримѣръ лѣность и слабость посѣщать корчмы; но комуже не пріятно послѣ такого тяжкаго труда, какъ крѣпостное состояніе, дозволить себѣ пожить такъ, какъ ему хочется, тѣмъ болѣе, что крестьяне еще не усвоили себѣ навыка самостоятельности и не привыкли заботиться о своихъ интересахъ. Въ настоящее время крестьянинъ смотритъ на жизнь, какъ больной послѣ тяжкой болѣзни; для него сложилась совершенно новая жизнь, которую онъ инстиктивно и прежде понималъ, но не испыталъ; его на каждомъ шагу удивляетъ что-то небывалое въ прежнее время. Посредникъ, какъ опекунъ, заботится о крестьянинѣ больше, чѣмъ заботился прежде помѣщикъ, для котораго онъ трудился и въ добавокъ безъ всякаго интереса. Пріѣдетъ чиновникъ разбирать его жалобу, онъ видитъ въ разбирательствѣ справедливость и вмѣсто благодарности, которую прежде чиновникамъ давали за правое дѣло, онъ слыщитъ отъ него строгое приказаніе никому недавать благодарностей, подъ строгою отвѣтственностью. Придетъ въ церковь и начнетъ креститься попольски, какъ его прежде пріучили, ему говорятъ, что нужно креститься не такъ, а вотъ такъ—по православному; придетъ домой ему жена говоритъ, что старшина пріѣзжалъ и забралъ дѣтей въ училище учиться грамотѣ. Настанетъ рекрутскій наборъ, и если кто стоитъ на очереди, то уже не идетъ въ городъ, какъ прежде дѣлалось, просить избавить его отъ рекрутчины: онъ знаетъ, что ничто не поможетъ, и переноситъ свой жребій съ твердостію, въ убѣжденіи, что законъ долженъ быть соблюдаемъ свято. Однимъ словомъ, въ жизни крестьянъ въ настоящее время, по милости Батюшки-Царя, совершился такой переворотъ, о которомъ они и не мечтали, такъ что нельзя не согласиться съ собственнымъ ихъ убѣжденіемъ, что они вновь начинаютъ жить. Но нельзя не замѣтить, что несмотря на такой очевидный нравственный переворотъ, крестьяне еще не вполнѣ убѣждены, что старые порядки не возвратятся. Новая жизнь такъ для нихъ еще непривычна и такъ мало они жили ею, что быть самостоятельными они еще не хотятъ и жить безъ руководства постороннят

не могутъ; поэтому, при малѣйшемъ колебаніи администраціи въ ея благородномъ направленіи, положеніе крестьянъ будетъ жалкое, какъ человѣка, который прозрѣлъ, увидѣлъ свѣтъ и ослѣпъ.

Р. католическое населеніес остоитъ: изъ помѣщиковъ, бывшей шляхты и крестьянъ православныхъ. Помѣщики и бывшая шляхта, вслѣдствіе бывшихъ политическихъ безпорядковъ и существующихъ правительственныхъ мѣръ, ведутъ такую замкнутую въ своемъ кругу жизнь, что они, какъ говорится, по виду ниже травы и тише воды. Лепельскій уѣздъ въ недавнее время, даже въ 1863 году, въ Витебской губерніи славился богатствомъ помѣщиковъ и уменьемъ привольно жить; въ настоящее же время въ жизни р. католическаго населенія царствуетъ могильная тишина. Причина такой рѣзкой перемены, по общему голосу р.католиковъ, обѣдненіе помѣщичьихъ имѣній, вслѣдствіе разныхъ причинъ и между прочимъ контрибуцій; но этотъ голосъ несправедливъ. Конечно, нельзя отрицать, чтобы контрибуція не была ощутительна, но она не могла сдѣлать такого ущерба въ средствахъ помѣщиковъ. Скорѣе всего причину обѣдненія, если только оно существуетъ, слѣдуетъ отнести къ прежней ихъ неумѣренной жизни и бывшимъ сборамъ на повстаніе. Нужно удивляться характеру и образу мыслей поляковъ, конечно за исключеніемъ нѣкоторыхъ. Напримѣръ: помѣщикъ съ хорошимъ состояніемъ получаетъ приличное образованіе и поселяется въ своемъ имѣніи, убѣждая другихъ, что онъ будетъ хозяйничать. Сначала онъ не занимается хозяйствомъ, оправдывая себя тѣмъ, что онъ еще неопытенъ, нанимаетъ управляющаго, а самъ развлекается домашними удовольствіями, лежа на боку. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; привыкши къ лежачей жизни, на хозяйство онъ уже не обращаетъ никакого вниманія, а между тѣмъ управитель, пользуясь этимъ, извлекаетъ доходы въ свои карманы. Наконецъ помѣщикъ замѣчаетъ плутни управляющаго, отдаетъ имѣніе въ аредное содержаніе, а самъ положителвно устраняется отъ всякихъ занятій, и здѣсь то, т. е. въ арендѣ, имѣніе положительно разоряется, потому что арендаторъ старается только извлечь больше дохода, не заботясь объ удобреніи земли.

Едва ли какой нибудь народъ имѣетъ такія способности, какъ поляки—*взводитъ клевету на людей*, которые имъ не симпатизируютъ. Польскій катехизисъ—самый вѣрный фотографическій снимокъ польскаго характера. Каждому русскому чиновнику, исполняющему долгъ своей службы, какъ слѣдуетъ человѣку честному и добросовѣстному, приходилось на себѣ испытывать язвы клеветы польской, но больше всѣхъ досталось административнымъ чиновникамъ, имѣющимъ по своей службѣ чаще другихъ столкновенія съ жителями. Безъ всякой нескромности можно сказать слѣдующее: кто изъ русскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ этотъ край, не зная польскихъ интригъ, безъ

связей и протекцій прослужилъ 1863, 64 и 65 годы, не уклоняясь отъ образа своихъ благородныхъ убѣжденій, дѣйствуя по силѣ инструкцій, тотъ имѣетъ право сказать, что онъ жилъ и жилъ настоящею жизнею, не праздною, не покойною, но трудовою и тревожною, въ постоянной борьбѣ, защищая честь русскаго чиновника. Самая послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ самая пошлая польская продѣлка та, что когда всѣ козни предъ начальствомъ замарать честь чиновника не имѣютъ успѣха, то начинаютъ распускать слухи, что такого то чиновника переводятъ туда то. Конечно, сначала этому не вѣрятъ, но когда слухи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе повторяются, чиновникъ начинаетъ конфузиться, и служебный авторитетъ его теряетъ силу. Тѣхъ же чиновниковъ, которые идутъ непрямымъ русскимъ путемъ, а такъ себѣ, гдѣ скокомъ, а гдѣ бокомъ, дозволяя себѣ дѣлать послабленія, смотря по личности, поляки очень хвалятъ и даже въ глаза имъ говорятъ: „мы начинаемъ вѣрить, что и у русскихъ чиновниковъ есть правда, а сами между тѣмъ думаютъ: „о москаль, якій ты дурень!" Навѣрно можно сказать, если русскаго чиновника поляки хвалятъ, вѣрно онъ не исполняетъ добросовѣстно своей обязанности и польская похвала есть злая надъ нимъ насмѣшка. Чиновники же, которыхъ польская сторона не хвалитъ, полезны здѣшнему краю, и сами поляки съ сожалѣніемъ въ душѣ сознаютъ, что такіе люди дѣлаютъ честь русскому имени.

Раскольническое и лютеранское населеніе въ земледѣліи, первое между податными сословіями, а послѣднее между помѣщиками, лучшіе хозяева. Раскольники, въ своемъ характерѣ, ничего особеннаго не представляютъ, кромѣ постояннаго труда, чрезъ что благосостояніе ихъ несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у прочихъ крестьянъ. Въ религіозномъ отношеніи они представляютъ общую черту всѣхъ раскольниковъ въ привязанности къ своей вѣрѣ, для которой каждый изъ нихъ способенъ на самоотверженіе. Недавно былъ такой случай: когда полиція объявляла раскольникамъ распоряженія, что если кто изъ нихъ сдѣлаетъ преступленіе, общество, въ средѣ коего проживаетъ виновный, будетъ подвергнуто отвѣтственности; то раскольники, не давъ становому подписки въ объявленіи имъ распоряженія, пришли въ городъ къ исправнику удостовѣриться, дѣйствительно ли означенное распоряженіе не относится къ ихъ вѣрѣ, объявляя при этомъ, что они всегда были и будутъ вѣрно служить Царю, (что и доказано ими въ послѣдній польскій мятежъ), только, чтобы не трогали отцовской вѣры.

Еврейское населеніе—самое замѣчательное изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Лепельскій уѣздъ, по своимъ нравамъ, обычаямъ и религіознымъ понятіямъ. Въ послѣднее время о евреяхъ западнаго края такъ много было писано, что въ настоящемъ краткомъ очеркѣ придется только подтвердить описанныя еврей-

скія странности. Въ нашъ вѣкъ кажется невозможнымъ придумать столько пунктовъ нравственныхъ претвновеній, сколько оставили имъ въ наслѣдство ихъ талмудическіе законодатели. Есть города, гдѣ евреи по коммерческимъ дѣламъ имѣютъ сношеніе съ людьми знакомыми съ цилизизаціею; тамъ нѣкоторыя еврейскія личности начинаютъ принимать европейскіе обычаи, подвергая анализу талмудъ и даже Моисеевъ законъ. Даже въ Витебскѣ еврей Б... рѣшился сдѣлать шагъ впередъ, облачивъ своихъ дѣтей не въ еврейскіе хитоны, оставивъ впрочемъ на головахъ своихъ женщинъ накладные волосы изъ лошадиныхъ гривъ; но въ такой глуши, какъ Лепель, гдѣ, сами жители говорятъ, конецъ свѣту, потому что дальше Лепеля нѣтъ даже почтовой дороги, еврейское населеніе сохранило цѣликомъ допотопные нравы и обычаи. Въ Лепельскомъ уѣздѣ рѣдко кто изъ евреевъ знаетъ отдѣльное ремесло и занимается имъ, а то всѣ, за исключеніемъ незначилельнаго числа землепашцевъ, промышляютъ торговлею. Никто такъ не страдаетъ отъ еврейской торговли, какъ бѣдные крестьяне. Въ уѣздѣ около десяти довольно многолюдныхъ мѣстечекъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ жительства крестьянъ, населенныхъ положительно почти одними евреями, которые, не зная никакого ремесла, живутъ на счетъ крестьянъ. Закупаютъ у крестьянъ, съ помощью обмана, сельскіе продукты, или въ промѣнъ даютъ имъ какой нибудь негодный товаръ; содержатъ корчмы, въ которыхъ съ крестьяниномъ что хотятъ то и дѣлаютъ; даютъ деньги на проценты, въ счетъ будущихъ урожаевъ, и даже безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы должникъ никому не продавалъ сельскихъ произведеній, кромѣ его. Такого рода коммерціею промышляютъ всѣ евреи, за исключеніемъ самаго малаго числа торгующихъ лѣсомъ съ Ригою. Нигдѣ такъ не удобно, какъ въ маленькихъ городахъ, въ родѣ Лепеля, забрать торговлю въ одни еврейскія руки и пользоваться монополіею. Есть такіе случаи, что, несмотря на всѣ мѣры полиціи, нѣтъ возможности отстранить монополію; напримѣръ: въ Лепелѣ продажею мяса занимаются одни только евреи, слѣдовательно конкуренцій нѣтъ. Вдругъ торговцамъ вздумается продавать дороже таксы, полиція запрещаетъ, торговцы прекращаютъ продажу и жители не имѣютъ мяса. Въ Лепелѣ былъ одинъ такой случай, но онъ немедленно устраненъ открытіемъ временной торговли постороннимъ лицомъ. Нечистота въ окружающей жизни еврея, имѣющая пагубное вліяніе на здоровье, составляетъ неизбѣжную принадлежность еврея. Евреи очень крѣпки въ своихъ религіозныхъ странностяхъ, при исполненіи коихъ многіе умѣютъ перемудрять даже Моисеевъ законъ. Во время извѣстнаго праздника, евреи по закону не должны переносить пищи изъ одного дома въ другой, но какъ это иногда бываетъ необходимо, то протягивается нитка отъ одного дома къ другому; такимъ образомъ, соединивъ въ воображеніи дома, убѣждаются, что они исполни-

ли законъ. Въ брачныхъ отношеніяхъ евреи тоже замѣчательны, впрочемъ это можетъ быть только лепельскіе. Напримѣръ, вздумается еврею войти въ права мужа, онъ молча снимаетъ ермолку, бросаетъ ее къ женѣ, и если жена удержитъ у себя ермолку, то мужъ пользуется своими правами. Одна молоденькая еврейка, съ хорошимъ состояніемъ, бывши нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ, овдовѣла; братъ ея мужа, весь въ паршахъ, предъявилъ ей Моисеевъ законъ выдти за него замужъ, или дать ему тысячу рублей серебромъ за разводъ. Бѣдная еврейка обратилась къ раввинамъ, прося защиты; раввины судили-рядили, но объявили ей рѣшеніе — выдти замужъ или уплатить тысячу рублей, на томъ основаніи, что братъ мужа по закону имѣетъ неотъемлемыя права взять ее себѣ въ жены. Наконецъ еврейка вынуждена была обратиться къ полиціи и съ помощію ея получила разводъ безъ уплаты тысячи рублей. Изъ исторіи видно, что еврейскій народъ былъ когда то воинственнымъ народомъ; куда же дѣвалась эта храбрость и гдѣ же этотъ героизмъ? Нѣтъ, должно быть они и тогда бюли храбры, какъ теперь. Къ трудамъ военной жизни еврей положительно неспособенъ; это даже подтверждается физическимъ складомъ еврейскаго организма и сознаніемъ самихъ евреевъ, которое ясно подтверждается тѣмъ, что во время набора, не смотря на кратко-временную и легкую службу солдата, рѣдко когда не нанимаютъ за себя охотниковъ, не смотря на дорогую цѣну. Въ Лепельскомъ уѣздѣ въ прошломъ году всѣ поставили наемщиковъ или купили квитанціи; еврейское общество истратило болѣе шести тысячъ рублей серебромъ. Евреи заплатили недоимки, не смотря на описи имуществъ, но въ солдаты не пошли. Это доказываваетъ, что если бы для еврея было нестрашно нѣсколько лѣтъ проносить солдатскую амуницію и потомъ возвратиться на родину въ безсрочный отпускъ, то онъ не откупалъ бы себя дорогою цѣною, тѣмъ болѣе, что деньги для него дороже всего. Замѣчательно, какъ лепельскіе евреи дѣлаютъ денежный сборъ на рекрутскую повинность. На всѣхъ евреевъ налагается раввинами постъ и тѣ деньги, которые должны были истратиться на содержаніе семейства въ теченіи дня, кладутся въ общую кассу, чрезъ нѣсколько дней повторяется постъ, смотря по суммѣ, которую нужно собрать. Такимъ образомъ евреи собираютъ деньги, не трогая своихъ капиталовъ, однимъ словомъ: во время набора, вслѣдствіе извѣстной у евреевъ аксіомы, что не съѣлъ, то пропало, страдаютъ не капиталы, а желудки. Лучше всего характеризируетъ еврейскую храбрость какая нибудь простая ссора еврея съ человѣкомъ дерзкимъ на руку. Когда ссора дойдетъ до рукопашной расправы, то еврей кричитъ: ну-у ударь! тотъ его трахъ кулакомъ, еврей, не отвѣчая ему тѣмъ же, кричитъ, ну, ну ударь! тотъ его трахъ, трахъ кулакомъ, еврей опять кричитъ ну еще! ну, ну, ну ударь, ударь! тотъ ему опять влѣпитъ затрещину, тогда

еврей кричитъ: ай гвалтъ! и бѣжитъ домой. Но за то, когда еврей находится внѣ опасности, то нетолько храбръ, но даже остритъ надъ врагомъ.

Нелишнимъ будетъ замѣтить о способности евреевъ легко раждать дѣтей. Безъ всякой ироніи можно сказать, что въ Лепелѣ нерѣдко еврейки два раза въ годъ раждаютъ. Смѣшно кажется, но на самомъ дѣлѣ дѣйствительно такъ. Еврейка если рождаетъ въ генварѣ или въ февралѣ, то въ томъ же году успѣваетъ родить въ ноябрѣ или декабрѣ. Такія семейства называются благословенными.

Б. Козачекъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ВИЛЬНА.

13 марта въ 7 часовъ утра, прибылъ въ Вильну вновь назначенный г. главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края и командующій войсками виленскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ Александръ Львовичъ *Потаповъ*. На станціи желѣзной дороги, по его приказанію, не было никакой встрѣчи; ожидали только его прибытія: гг. помощникъ командующаго войсками округа, губернаторъ, начальникъ штаба, правитель канцеляріи и полицiймейстеръ. Сѣвши въ экипажъ, его превосходительство поѣхалъ прямо въ св. Духовскій монастырь поклониться и приложиться къ св. мощамъ виленскихъ мучениковъ; потомъ посѣтилъ нашего маститаго архипастыря митрополита Іосифа и около 8 часовъ былъ уже во дворцѣ. Здѣсь на дворѣ ожидалъ его почетный караулъ; въ пріемной комнатѣ собраны были военные начальники отдѣльныхъ частей и имѣли честь представиться чиновники особыхъ порученій и нѣкоторые изъ состоящихъ въ распоряженіи генералъ-губернатора. Въ 11 часовъ утра назначенъ былъ общій пріемъ. Все обширное верхнее помѣщеніе дворца едва могло вмѣстить желавшихъ представиться новому, но извѣстному уже здѣсь, начальнику. Въ три четверти одиннадцатаго часа, въ нижнемъ помѣщеніи дворца, предъ самымъ пріемомъ, его превосходительство принималъ посѣтившаго его викарія литовской епархіи, епископа ковенскаго Александра, вмѣстѣ съ здѣшнимъ православнымъ духовенствомъ. Затѣмъ съ небольшимъ въ 11 часовъ сдѣланъ былъ общій пріемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, римско-католическаго и прочихъ иновѣрныхъ исповѣданій духовенства, мѣстнаго дворянства и разныхъ сословій; причемъ городское и сельское общество поднесли его превосходительству, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль. Поблагодаривъ за радушное привѣтствіе, г. главный начальникъ края обратился къ волостнымъ старшинамъ, старостамъ и депутатамъ отъ крестьянъ съ слѣдующею краткою, но весьма сильною, рѣчью: «помните, что Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ осыпалъ васъ своими благодѣяніями;

вы всѣмъ и во всемъ обезпечены; чувствуйте это и честно трудитесь. Обработывайте вашу землю и тщательно засѣвайте всѣ ваши участки; засыпайте запасы хлѣба; учитесь сами по русски и посылайте въ народныя школы учиться русской грамотѣ вашихъ дѣтей, такъ какъ вы всѣ русскіе. Знайте, что здѣсь—кромѣ русскаго начала—другаго ничего и быть не можетъ.» Постараемся исполнить, ваше превосходительство! дружно подхватили въ отвѣтъ крестьяне. Вслѣдъ за тѣмъ во дворцовой церкви совершено было молебствіе, на которомъ присутствовали г. главный начальникъ края и многіе изъ представлявшихся ему лицъ, не исключая крестьянъ. Слѣдуетъ здѣсь присовокупить, что, по пути его превосходительства въ Вильну, на станціяхъ: въ Рѣжицѣ, Динабургѣ и Свенцянахъ городское и сельское общество, по русскому обычаю, привѣтетвоввли его хлѣбомъ-солью; на Динабургской же станціи ожидалъ его прибытія и почетный караулъ.

Вил. Вѣстн.

ДЕРЖАНІЕ 11-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ
января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен-
й печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ
И. Феннера, б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ*,—у коммис-
іонера „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Нев-
омъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ*
оскве,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳе-*
онтова, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере-*
на. *Въ Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ*
внѣ,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст-
хъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою
домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им-
ріи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова-
ми *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ за-
дной Россіи,"** *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю
ѣстника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ"* за *истекшіе* годы
ается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р.,
иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по
руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и
67 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.
к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не
нѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не
нѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Содержание 11-ой кн. „Вѣстника Западной Ро

за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.